

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский Государственный Гуманитарный Университет»
Историко-архивный институт

Боровков Дмитрий Александрович

Ряд Ярослава I в отечественной историографии
XVIII — начала XXI вв.

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель – д.и.н., профессор
В. Я. Петрухин.

Москва 2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Формирование исследовательских представлений в XVIII — 1-й половине XIX вв.	
1.1. Интерпретации ряда Ярослава I в историографии XVIII в.....	14
2.1. Ряд Ярослава I в историографии конца XVIII — середины XIX вв.: первые концептуальные интерпретации.....	23
Глава 2. Формирование исследовательских представлений в середине XIX — начале XX вв.	
1.2. Первые критические интерпретации ряда Ярослава I в середине XIX в.: С. М. Соловьёв и М. П. Погодин.....	49
2.2. Интерпретации ряда Ярослава I в теории родового быта во второй половине XIX — начале XX вв.....	67
3.2. Интерпретации ряда Ярослава I в теории общинного быта во второй половине XIX — начале XX вв.....	102
4.2. Критические интерпретации ряда Ярослава I в начале XX в.: концепция Н. В. Шлякова — А. А. Шахматова — М. Д. Присёлкова.....	141
Глава 3. Формирование исследовательских представлений во второй трети — начале XXI вв.	
1.3. Ряд Ярослава I в феодальной парадигме советской историографии 1930—1980-х гг.....	153
2.3. Интерпретации ряда Ярослава I в советском источниковедении.....	178
3.3. Ряд Ярослава I в историографии конца XX — начала XXI века: от концептуального плюрализма к источниковедческой критике....	190
Заключение.....	215
Список источников и литературы.....	217

Введение

Актуальность исследования. Одной из ключевых задач историографии, как отмечалось в работах С. О. Шмидта, Н. В. Иллерицкой, Л. П. Репиной и других исследователей истории исторической науки, является изучение локальных историографических сюжетов в контексте эволюции концептуальных построений историков¹. В обоснованности этого утверждения можно убедиться, обратив внимание на то, что в последние десятилетия произошла определенная спецификация, вследствие которой место обобщающих трудов², наряду с исследованиями историографии общественного и государственного строя Древней Руси³, занимают историографические исследования отдельных общественно-политических

См. Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // *Его же.* Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 120 (1-я публ. 1976); Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М.: РГГУ, 1998. С. 13–14; Каравашкин А. В. В поисках утраченной альтернативы

Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. С. 292; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 390–392, 400–401; Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально-ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. С. 9, и др.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941; 2-е изд. СПбГУ, 2008; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.: Изд-во Московского университета, 1957; Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1–3. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961–1971; Иллерицкий В. Е., Кудрявцев И. А. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: МГИАИ, 1961; 2-е изд. М.: Высшая школа, 1971; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1965; Советская историография Киевской Руси / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Наука, 1977; Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977; *Его же.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л.: Наука, 1986; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978; Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983; Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982; *Его же.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М.: Культура, 1993; и др.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996; Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011; Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия, 2014; Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX вв. М.: Квадрига, 2016, и др.

явлений древнерусской эпохи⁴. Появляются и первые работы, посвященные изучению комплекса историографических оценок правителей древнерусского периода, примером которых может служить монография А. С. Ищенко «Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность»⁵.

исследованиях по истории древнерусской государственности принципиально важным является вопрос о значении раздела городов, который, согласно древнейшей русской летописи — «Повести временных лет», составленной в начале XII в., — незадолго до своей кончины устроил между сыновьями «единовластец Русской земли»⁶ князь Ярослав I Владимирович (Мудрый), правивший в Киеве в 1016—1018 и 1019—1054 гг., установив приоритет старшего брата над младшими («старейшинство»). Без упоминания об этом событии (терминологически определяемом как «ряд»), которое в некоторых концепциях считается началом политической раздробленности Древней Руси, не обходится практически ни один общий или специальный труд по отечественной истории, что ставит на повестку дня вопросы о том, как изменялась репрезентация этого летописного рассказа исследователями в процессе формирования теорий древнерусского

Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX вв. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1995; Соловьёв К. А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX — 1-й половины XV вв. Историографические очерки. М., 1998; *Его же*. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси IX — 1-й половины XV вв. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1999; *Его же*. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси. М.: МАКС-Пресс, 2001; *Его же*. Осмысление темы властных отношений в Древней и Средневековой Руси в советской историографии (1920-е — 1980-е годы) // История и историки. Историографический ежегодник. 2007 / Отв. ред.: член-корр. РАН А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2009. С. 70–88; Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Издательский дом Удмуртского университета, 2007, и т. д.

Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность / Отв. ред. Л. В. Минникова. Ростов-на-Дону, Антей, 2014.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 138.

общественного строя, и что обуславливало трансформацию исследовательских представлений.

Объектом исследования является совокупность работ отечественных историков, содержащих интерпретацию летописного сюжета о разделе Ярослава I (за исключением эмигрантской историографии и историографии стран СНГ после 1992 г.)⁷.

Предметом исследования являются интерпретации представителями различных историографических направлений летописного рассказа о завещании («ряде») Ярослава I в «Повести временных лет», сопутствующие им концептуализации⁸ и трансформации исследовательских подходов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVIII до начала XXI в.

Степень изученности проблемы. Несмотря на большое количество работ, затрагивающих проблему междукняжеских отношений в Древней Руси и проблему трансформации политического режима по ряду Ярослава I, специальных исследований ряда как отдельного историографического феномена не проводилось⁹. Существует лишь несколько историографических экскурсов, в которых фрагментарно рассматриваются характеристики ряда Ярослава историками XIX—XX вв. М. Б. Свердлов, исследуя институт княжеской власти в древнерусском государстве, рассмотрел оценки ряда,

Работа над текстом диссертации была завершена в 2016 г. и более поздняя литература не учитывалась.

Под термином «концептуализация» в данном случае понимается «способ организации мыслительной работы, позволяющей двигаться от первичных теоретических концептов ко все более абстрактным конструктам...», а под термином «концепция» — «система взглядов, выражающая определенный способ видения («точку зрения»), понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентующая ведущую идею и (или) конструктивный принцип, реализующие определенный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике» (Всемирная энциклопедия: Философия XX век // Главный науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 375, 376),

Этот сюжет обойден молчанием и в статье Е. А. Ростовцева и Е. А. Сосницкого, посвященной анализу основных черт историографического образа Ярослава I в XIX – начале XXI

(См. *Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Забытый золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава – переосмысления XIX – начала XXI в.* // Русин. 2016. №4(46). С. 27–36).

данные Н. М. Карамзиным, А. Ф. М. Рейцем, С. М. Соловьёвым, В. О. Ключевским, М. А. Дьяконовым и А. Е. Пресняковым, С. В. Юшковым и А. В. Назаренко¹⁰. Е. Н. Дербин в работе, посвященной дореволюционной историографии княжеской власти, рассмотрел оценки ряда в работах М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и Н. А. Полевого¹¹. И. Я. Фроянов проанализировал точки зрения Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, М. С. Грушевского, А. П. Толочко, В. В. Пузанова и некоторых других исследователей в курсе лекций по истории Киевской Руси¹². Диссертантом была предпринята попытка предварительной классификации, исходя из историографических характеристик ряда либо как политической новации, либо как ординарного явления в развитии междукняжеских отношений; рассмотрены имеющие источниковедческую направленность оценки ряда в работах С. М. Соловьёва, М. П. Погодина, В. О. Ключевского, М. С. Грушевского, А. А. Шахматова и Л. В. Черепнина¹³.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение интерпретаций летописной статьи 1054 г. и выявление этапов, обусловивших изменения в подходе исследователей к раскрытию содержания этого текста. Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи: 1) в корпусе историографических текстов, включающих общие работы, монографии, статьи и рецензии, были выявлены и проанализированы авторские интерпретации летописной статьи 1054 г.; 2) установлены общие и

Свердлов М. Б. «Завещание» Ярослава и наследование княжеских столов в русском государстве X — середины XI в. // Норна у источника судьбы. Сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 347–349; *Его же.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 434–437.

Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси... С. 23, 25, 48.

Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. С. 404–406.

Боровков Д. А. 1) «Се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему...»: традиция и новации в «ряде» Ярослава Мудрого // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. №6(12); 2) «Ряд» Ярослава Мудрого в источниках и историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История» 2015. Т. 6. Вып. 1 (34). Здесь и далее мы ссылаемся на более исправный и полный вариант текста, опубликованный в кн.: *Боровков Д. А.* Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя, 2015. С. 77–81 и след.

особенные черты трансформации интерпретаций, обусловленные влиянием доминирующих концептуально-теоретических установок (родовая теория, теория общинного быта, феодальная парадигма)¹⁴; 3) произведены обобщение и классификация полученных результатов, позволившие реконструировать эволюцию исследовательских представлений и выявить ключевые моменты в изменении исследовательских подходов.

Источниковая база исследования включает несколько видов историографических источников, которые типологически подразделяются на:

общие труды по русской истории, 2) лекционные и обзорные курсы; 3) монографии; 4) статьи по отдельным вопросам развития социально-политического строя, междукняжеских отношений и т. д.; 5) профильные части коллективных трудов по отечественной и всеобщей истории; 6) памятники средневекового историописания. К *первому виду* источников относятся труды по истории России А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Ф. А. Эмина, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, Н. С. Арцыбашева, С. М. Соловьёва, Д. И. Иловайского, М. С. Грушевского и др. Ко *второму виду* источников, который отличается от первого структурой и более сжатой формой подачи материала, относятся лекционные курсы Н. Г. Устрялова, В. О. Ключевского, М. Ф. Владимирского-Буданова, П. Н. Мрочека-Дроздовского, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского и др. К *третьему виду* источников, получившему распространение в результате спецификации исторического знания, относятся монографии по истории права (А. Ф. М. Рейца, И. Д. Беляева, В. И. Сергеевича, Д. Я. Самоквасова и др.), истории междукняжеских отношений (С. М. Соловьёва, А. Е. Преснякова и др.), истории древнерусского государства (Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова,

Определение “парадигмы”, данное его автором Т. С. Куном, подразумевает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун Т. С. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. С. 17), что, на наш взгляд, позволяет применить этот термин к совокупности представлений о феодальном укладе древнерусской государственности, получивших распространение в советской историографии с 1930-х гг.

М. Б. Свердлова, В. Я. Петрухина и др.), истории русских земель (Д. И. Иловайского, П. В. Голубовского, В. Г. Ляскоронского, М. С. Грушевского, В. В. Мавродина и др.), истории древнерусского летописания (А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова, Д. С. Лихачёва, А. Н. Насонова, А. Г. Кузьмина и др.). К *четвертому виду* источников, относятся отраслевые статьи, опубликованные в изданиях «Журнал Министерства народного просвещения»; «Известия Отделения русского языка и литературы императорской Академии Наук», «Вопросы истории», «Исторические записки», «Проблемы источниковедения», «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы», «Древнейшие государства на территории СССР / Древнейшие государства на территории Восточной Европы», «Средневековая Русь» и др. К *пятому виду* источников относятся разделы в многотомных академических коллективных трудах, получивших распространение в середине XX в. («Очерки истории СССР», «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», «История Европы» и др.). К *шестому виду* источников относятся памятники средневекового историописания, содержащие рассказ о ряде Ярослава I: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому, Ипатьевскому, Воскресенскому, Никоновскому спискам; Новгородская I летопись старшего и младшего извода и т. д. При написании работы также использовалась литература, посвященная творческой деятельности историков; отдельным историографическим направлениям; литература по истории русской исторической мысли и т. д.

Методологической основой исследования являются общенаучные принципы историзма и объективности, в соответствии с которыми рассматриваемая проблема раскрывается в процессе исторического развития. Также применяются сравнительно-исторический, историко-типологический и хронологический методы. Сравнительно-исторический метод используется для выявления различных теоретических установок в интерпретациях,

позволяющих разделить процесс развития исследовательских представлений
ряде Ярослава I на сегменты. С помощью историко-типологического
метода осуществляется классификация историографического материала по
теоретическим признакам. Хронологический метод используется для
упорядочивания историографического материала по историческим периодам.

При разработке типов интерпретации автор опирался на теоретические
установки К. Р. Поппера, предполагавшие противопоставление
догматической и критической установок мышления, первая из которых
характеризуется тенденцией к подтверждению теоретических схем на основе
принципа регулярности, а вторая — тенденцией к их пересмотру¹⁵.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

был проанализирован комплекс историографических интерпретаций
летописного рассказа под 1054 г. о ряде Ярослава I, проведена
классификация исследовательских подходов к интерпретации текста,
позволившая выделить три их разновидности, определенные как
доконцептуальный подход, характеризовавшийся пересказом текста
источников и минимальным авторским вмешательством в текст летописного
рассказа; *концептуальный подход*, характеризовавшийся переходом от
пересказа летописного повествования к раскрытию его содержания в
контексте теорий о наличии родовых, общинных или феодальных отношений

Древней Руси; *критический подход*, характеризовавшийся выявлением
общих и особенных черт текста летописной статьи 1054 г. в сравнении с
другими летописными статьями и атрибутированием ее определенному этапу
развития летописной традиции;

было установлено, что концептуальные интерпретации текста
летописной статьи 1054 г. в рамках одной из теорий общественно-
политического развития Древней Руси начали появляться в историографии с

Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. С. 88–93, 211–212.

начала XIX в.; показателем концептуализации летописного рассказа являлась характеристика социально-политических отношений как “феодалных”, “родовых” или “общинных”, придававшая разделу 1054 г. то или иное конкретно-историческое значение;

с середины XIX в. наряду с концептуальными интерпретациями, ориентированными на верификацию той или иной теории, началось формирование критических интерпретаций, в рамках которых летописное завещание Ярослава I рассматривалось не как документ, фиксирующий последнюю волю князя о распределении городов и земель и использовавшийся для обоснования той или иной теоретической концепции, как результат творчества летописцев;

в период с середины XIX до начала XXI вв. было выделено четыре этапа критики летописного текста: 1-й этап, на котором статья 1054 г. рассматривалась как результат работы летописцев (С. М. Соловьёв и М. П. Погодин); 2-й этап, на котором статья 1054 г. атрибутировалась “Первому Печерскому своду” или “своду Никона” нач. 1070-х гг. (Н. В. Шляков и А. А. Шахматов); 3-й этап, на котором статья 1054 г. атрибутировалась “Начальному своду” кон. 1090-х гг. (Л. В. Черепнин) или “Летописцу Всеволода Ярославича” (М. Х. Алешковский); 4-й этап, на котором атрибуция статьи 1054 г. “Начальному своду” получила дополнительное текстологическое обоснование в трудах А. А. Гиппиуса, В. Я. Петрухина и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

Начальный этап в историографии летописной статьи 1054 г. с изложением завещания Ярослава I характеризовался пересказом текста источников и минимальным вмешательством в текст летописного рассказа о разделе Ярослава I, ограничивающимся заменой понятия «города» на понятие «государство» без какого-либо дополнительного определения, что позволило определить его как *доконцептуальный*.

Появление *концептуальных* интерпретаций летописной статьи 1054 г. было обусловлено формированием конкурирующих теорий социально-политического развития древнерусской государственности. Для последователей феодальной теории рассказ о разделе Ярослава I служил основанием выделения одного из этапов “удельного периода”, отождествлявшегося с “феодальной раздробленностью” (до нач. 1830-х гг.). Для сторонников родовой теории (с 1830-х гг.) он являлся обоснованием гипотезы о приоритете “старейшинства” в княжеском роду, обеспечивавшего продвижение князей по иерархии “стольных городов”. Для приверженцев общинной теории (с конца 1850-х гг.) летописный рассказ о разделе 1054 г. служил аргументом в пользу гипотезы об обособлении областей, сформировавшихся вокруг городских центров, в интересах которых действовали князья.

В советской историографии, где под воздействием марксистской социологической схемы о последовательной смене социально-экономических формаций наибольшее распространение получила феодальная парадигма развития древнерусской государственности, летописный рассказ о разделе Ярослава I в конце 1930—1940-х гг. использовался преимущественно как обоснование начала феодальной раздробленности. Отход от этой тенденции к передатировке феодальной раздробленности на конец XI — первую треть XII вв. произошел в процессе конкретизации в 1950—1980-х гг. гипотез о формировании на Руси раннефеодальной монархии и продолжился в 1990—2000-х гг. у исследователей, разделяющих феодальную парадигму, конкуренцию которой с конца 1980-х гг. составили модифицированные варианты родовой и общинной теорий.

Параллельно с концептуальными интерпретациями летописного рассказа о разделе Ярослава I с середины XIX в. разрабатывались его *критические* интерпретации, в развитии которых выделено 4 этапа, связанных с трактовкой этого рассказа как позднейшей конструкции

летописцев. На первом этапе (в 1850-х гг.) были сформулированы основания этой гипотезы; второй этап был связан с атрибуцией в 1900-х гг. летописного рассказа под 1054 г. киево-печерской летописной традиции 1070-х гг.; третий этап ознаменовался атрибуцией этого рассказа (в кон. 1940-х гг.) летописной традиции 1090-х гг.; четвертый этап — развитием этой тенденции в 2000-е гг.

Структура исследования, разделенного на главы и параграфы, состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В первой главе, посвященной историографии ряда Ярослава в XVIII и первой половине XIX вв., рассматриваются труды, как не имеющие концептуального подхода к интерпретации летописного рассказа под 1054 г. (1.1), так и содержащие первые попытки концептуальной интерпретации летописного рассказа, но не содержащие критического анализа летописного текста (2.1). Во второй главе рассматриваются попытки критической интерпретации летописного текста С. М. Соловьевым и М. П. Погодиным в середине XIX в. (1.2); эволюция концептуальных характеристик ряда Ярослава в родовой (2.2) и общинно-вечевой (3.2) теориях во второй половине XIX — начале XX вв., которая осталась на докритических позициях; возврат к критической интерпретации ряда в работах Н. В. Шлякова, А. А. Шахматова, М. Д. Присёлкова в начале в. (4.2). В третьей главе рассматриваются характеристики ряда в историографии второй трети XX — начала XXI вв. в рамках феодальной парадигмы — совокупности исследовательских трактовок феодального строя, сложившихся на основе марксистской интерпретации исторического процесса в 1930—1980-х гг. (1.3); интерпретации ряда в источниковедческих трудах М. Д. Присёлкова, Д. С. Лихачёва, Л. В. Черепнина, А. Н. Насонова и др. (2.3); интерпретации ряда в рамках конкурирующих историографических теорий, получивших развитие в 1980—2000-х гг. (3.3). Результаты работы и перспективы дальнейших исследований сформулированы в заключении.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут использоваться при написании общих работ по истории Древней Руси,

отраслевых работ по историографии, а также в процессе преподавания курсов соответствующего профиля.

Апробация темы. Работа прошла обсуждение на кафедре истории России средневековья и Нового времени. Основные положения работы опубликованы в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК:

Боровков Д. А. Интерпретации летописного рассказа о «ряде» Ярослава I в творчестве С. М. Соловьёва и М. П. Погодина // Исторический журнал: научные исследования. 2016. №5. С. 512–515. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.5.19547;

Боровков Д. А. К вопросу об атрибуции гипотезы о Первом Печерском своде (Н. В. Шляков или А. А. Шахматов) // Славянский альманах. 2017. №1-2. С. 380–384;

Боровков Д. А. Критические интерпретации ряда Ярослава I в историографии XX — начала XXI вв. (от свода Никона к Начальному своду) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. №1. С. 72–78. DOI: 10.7256/2222-1972.2017.1.19918;

Боровков Д. А. Рассказ о разделе Русской земли Ярославом I в трудах В. О. Ключевского // Славяноведение, 2018. №2. С. 110–116.

1.1. Интерпретации ряда Ярослава I в историографии XVIII в.

Завещание или ряд Ярослава Мудрого — под таким определением известна часть статьи 6562 (1053/54) г. в «Повести временных лет», содержащая изложение последней воли киевского князя Ярослава I, раздела городов между сыновьями и провозглашении приоритета старшего из них. Этот летописный рассказ привлек внимание большинства русских историков, изучавших историю Древней Руси, начиная с А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Ф. А. Эмина и М. М. Щербатова. В их трудах, появление которых пришлось на период модернизации русского общества в ходе реформ Петра I, когда начался переход от средневековых литературно-исторических сочинений провиденциалистского характера к рационалистическим интерпретациям исторического процесса, а внимание концентрировалось на вопросах формирования и развития русской государственности¹⁶, репрезентация ряда Ярослава, рассматривавшегося в качестве одного из элементов этого процесса, в основном, сводилась к пересказу летописных текстов.

А. И. Манкиев (? — 1723) во время своего пребывания в плену в Швеции во время Северной войны 1700—1721 гг. написал исторический

¹⁶ См.: *Рубинштейн* Н. Л. Русская историография. С. 59–60; *Черепнин* Л. В. Русская историография до XIX века. С. 138–139, 158–159; *Пешич* С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. С. 66–123; *Астахов* В. И. Курс лекций по русской историографии. С. 85–89; *Сахаров* А. М. Историография истории СССР. С. 44–52; *Шапиро* А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. С. 130–143; *Его же*. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. С. 162–178; *Алпатов* М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. С. 6–7; *Его же*. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века). М.: Наука, 1985. С. 103–107; *Шмидт* С. О. Историографические источники и литературные памятники // *Его же*. Путь историка. С. 93 (1-я публ. 1987); *Артемьева* Т. В. Идея истории в России XVIII века // *Философский век. Альманах*. Вып. 4. СПб.: 1998. С. 15 и след.; *Свердлов* М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 128–245, 392–436, и др.

труд под названием «Ядро Российской истории», опубликованный Г. Ф. Миллером в 1770 г. и до середины XIX в. атрибутировавшийся русскому резиденту при шведском дворе А. Ф. Хилкову¹⁷. В этой работе говорилось о двух центрах государственности, один из которых сложился в Южной Руси под властью потомков упомянутого в «Повести временных лет» князя Кия, а другой — на севере Руси под властью призванных варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора (в последнем случае автор использовал термин «Государство Российское»). Эти два центра были объединены после убийства варягом Олегом киевских князей Аскольда и Дира, которых Манкиев считал потомками Кия. Так было сформулировано представление об объединении под властью варягов Северной и Южной Руси. Введение понятия «государство» позволило представить рассказ о разделе 1054 г. так, что «Ярослав прежде смерти своей, уже состарившись, советовал сыновьям своим союзство и единому душе, дабы по его смерти не вздорили между собою начальстве, и разделил им свое государство в уделы». Пассаж о разделе, из которого следовало, что Ярослав «сыну большому, Изяславу, Киевское княжение отдал, Святославу Чернигов, Всеволоду Переяславль, Игорю Владимир, Вячеславу Смоленск, а сам февраля в 24-й день, году от Р. Х. 1054 умре, лет жития своего бывши 76»¹⁸, свидетельствует о том, что Манкиев опирался на текст «Степенной книги», составленной в начале 1560-х гг. духовником Ивана Грозного Андреем (позже – митрополит Московский Афанасий), хотя и не воспроизвел буквально ее текста. На использование этого источника указывает дата кончины Ярослава, которая больше даты, приведенной в «Повести временных лет», на 4-5 дней¹⁹.

Соловьёв С. М. Писатели русской истории XVIII века // Его же. Сочинения: В 18 книгах. Кн. 16. М.: Мысль, 1995. С. 188–189.

[Манкиев А. И. / Хилков А. Я.] Ядро Российской истории. М.: Московский университет, 1770. С. 24, 75.

Ср.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: В 3 томах. Т. 1. Житие княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 384; Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Стб. 162; Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 150. В работе над «Ядром российской истории» А. И. Манкиев использовал Вестеросский список «Степенной книги» из

В. Н. Татищев (1686—1750), занимавший ряд административных постов в царствование Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, был знаком с образцами европейской общественно-политической мысли XVI – XVIII вв., отдавая приоритет трудам немецких ученых Х. Вольфа и С. Пуфендорфа перед «Князем» Н. Макиавелли, «Левиафаном» Т. Гоббса и «Гражданским правлением» Дж. Локка²⁰. Над своим главным трудом, «Историей Российской», доведенной до 1613 г., Татищев работал в несколько этапов с 1720 по 1750 гг.²¹ Однако историографическое отношение к нему является неоднозначным из-за «избыточной информации», которая не находит соответствия в сохранившихся нарративных источниках²². Татищев хотя и употреблял понятие «государство» применительно к эпохе Владимира

Ярослава, при описании раздела 1054 г. предпочел следом за летописцами характеризовать его как раздел городов. Рассказ Татищева о завещании Ярослава представляет воспроизведение текста Никоновской летописи XVI в., который в первой редакции «Истории», завершённой в 1746 г., был передан неисправно, а во второй редакции, созданной в 1748—1750 гг. (опубликована в 1768—1848), усложнен за счет вставки библейских цитат (Пс. 132:1; Марк 4:24) в заповедь Ярослава сыновьям. Помимо стилистической обработки летописного рассказа, во второй редакции Татищев пытался устранить противоречие, возникшее в тексте Никоновской летописи в результате того, что ее составитель сообщил о нахождении при Ярославе сразу двух сыновей — Изяслава и Всеволода, — но организацию

собрания И. Спаренфельдта (*Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII веков. М., СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 366–371).*

Татищев В. Н. История Российская // Его же. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 359.

См. *Бердинских В. А. Ремесло историка в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 247.*

См.: *Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961; Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев: Новое литературное обозрение, Критика, 2005; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.*

похорон князя приписал одному лишь Всеволоду²³. Этот казус возник потому, что летописец XVI в. механически соединил информацию о пребывании при Ярославе Всеволода (которую мог взять из любого списка «Повести временных лет»), с информацией о пребывании в этот момент в Киеве Изяслава, которую мог почерпнуть из «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба» Нестора. В. Н. Татищев попытался исправить этот казус, предположив, что организаторами похорон являлись и Изяслав, и Всеволод, поскольку не были известны летописные свидетельства о том, что в момент смерти отца Изяслав мог находиться в Новгороде (по Софийской I летописи младшего извода и Воскресенской летописи) или Турове (по Ипатьевской летописи, введенной в оборот Н. М. Карамзиным в 1808)²⁴.

М. В. Ломоносов (1711—1765) в начале 1750-х гг. начал работу над «Древней русской историей от начала российского народа...», ставшую следствием его полемики с Г. Ф. Миллером о происхождении руси, с которой ведет начало дискуссия о путях становления русской государственности (т. н. дискуссия по варяжскому вопросу)²⁵. Текст истории Ломоносова, относившего «основание русского самодержавства» ко времени Рюрика, а начиная с эпохи Олега употреблявшего понятие «государство», опубликован до 1054 г. Он уделил завещанию Ярослава лишь несколько строк, отметив, что князь скончался, «поучив сынов своих братолюбивому миру и поручив первенство и Киев Изяславу, дабы его прочие как отца слушали». Сообщаемая Ломоносовым информация о разделе 1054 г. не была полной, так как, перечисляя далее, что Ярослав дал «Святославу Чернигов; Всеволоду

Татищев В. Н. История Российская. Т. 2–3. М.: Ладомир, 1995. С. 81–82; *Там же*. Т. 4. М., 1995. С. 152. Ср. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 85–86.

См. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1988. С. 288.

Хлезов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997; *Фомин В. В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005; *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009; *Соколов С. В.* Концепции происхождения «Варяжской Руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015.

Переяславль; Вячеславу Смоленск»²⁶, он не упомянул о том, какое княжение получил младший сын Ярослава Игорь, хотя его предшественникам, Манкиеву и Татищеву, это было известно. В другом сочинении Ломоносова — «Кратком российском летописце» (1760) — биографическом справочнике русских государей, упоминание об этом акте отсутствовало вовсе.

Ту же неточность допустил при описании раздела Ярослава переводчик и писатель Ф. А. Эмин (1735—1770), автор «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей» (1767—1769), доведенной до 1213 г.²⁷ Эмин писал, что Ярослав скончался, «разделяя перед смертью своею ему принадлежавшие княжения. Изяславу было дано во владение княжество Киевское, Святославу Черниговское, Всеволоду Переяславское, а Вячеславу Смоленское», не упомянув о том, что в разделе княжений участвовал и Игорь (что, вероятно, было вызвано использованием обоими авторами текста Радзивилловской летописи, где имя Игоря пропущено). В отличие от Ломоносова, Эмин дал пространный авторский комментарий, в котором отметил, что, хотя Ярослав после смерти своего отца Владимира участвовавший в войне со своим братом Святополком, «знал из опытов и своего примера, что разделенное государство есть бессильное и многим злоключениям подверженное, но иначе ему в то время поступить было не можно. Хотя бы он и одному какому-нибудь сыну своему сыну Россию в единоначальное отдал правление, то тем лишь бы умножил детей своих один против другого ненависть, горестные средства произвести могущую». Причину этого автор видел в том, что «в то время в Российских князях

Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава I или до 1054 г. СПб. АН, 1766. С. 57, 62, 140. Из записей Ломоносова следует, что кончину Ярослава он рассматривал как «первое главное разделение самодержавия Российского» (См. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 8), предвосхитив идеи М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и других исследователей.

Высказывалось предположение, что написании своего труда Ф. А. Эмин воспользовался материалами, оставшимися после смерти Ломоносова (*Шамрай Д. Д. Ф. А. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова // XVIII век. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 471–473*), которое позднее было подвергнуто сомнению (*Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. С. 247, 248; Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л.: Наука, 1975. С. 118–119*).

желание владения уже крепко вкоренено было, и тогда для нераздробления государства одно только было надежнейшее средство, то есть, одного только иметь сына, но оное средство было невозможное и не от человеколюбивого государя зависящее», поэтому, Ярослав «призвал пред кончиною детей своих и разные благоразумные им дал наставления, поуча их любить брат брата». Изложение Эминым ряда Ярослава не являлось цитированием какой-либо летописи, а было литературным: он дал риторическую интерпретацию ряда, раскрыв его в контексте христианских ценностей. Предложенная им репрезентация событий игнорировала указания летописей: это видно из утверждения о том, что «Ярослав скончался в объятиях своих детей, препоруча вышнее над братьями правление Изяславу»²⁸. Благодаря подобным методам работы некоторые исследователи характеризуют Эмина как «эксцентричного историка» и даже как «писателя-фантазера»²⁹.

В политическом плане Ф. А. Эмин трактовал ряд Ярослава, как раздел «государства», при котором старший получал «вышнее над братьями правление» и отмечал, что «начало княжения Изяславова обещало Российскому государству совершенное благополучие», так как «сей князь, будучи от природы человеколюбив, ни о чем другом не помышлял, как только о мирном своего Отечества спокойстве» и «дабы в том успеть намерении, позвал в Киев Святослава и Всеволода», хотя «каждый из них особенное имел владение, однако рассудили за благо сии князья жить со своим старшим братом вместе, и как советами, так и всеми своими силами в случае нужды всевозможное ему делать вспоможение»³⁰. Хотя Эмин писал о том, что по завещанию Ярослава Изяслав получил приоритет над братьями, он первым предположил, что после смерти Ярослава установилось соправительство трех старших князей.

Эмин Ф. А. Российская история: В 3 томах. Т. 1. СПб. АН, 1767. С. 449–452.

Бердинских В. А. Ремесло историка в России. С. 319.

Эмин Ф. А. Российская история. Т. 2. СПб., 1768. С. 3–4.

Более сложную репрезентацию завещания Ярослава предложил князь М. М. Щербатов (1733—1790), государственный деятель эпохи Екатерины II, ставший сенатором и президентом Камер-коллегии, на которого оказали влияние идеи французских и английских просветителей XVIII в. (Ш. Монтескьё, Д. Юм, Ч. Беккариа и др.)³¹ В 1768 г. Щербатов был назначен придворным историографом и вскоре опубликовал два первых тома «Истории Российской с древнейших времен» (1770, 1771), издание которой продолжалось до 1791 г. (изложение событий он успел довести до 1610 г.).

Подобно Ломоносову, Щербатов употреблял для определения «Российских стран» понятие «государство», начиная со времени князя Олега, но в рассказе о завещании Ярослава предпочел употребить иной термин, отмечая, что «Ярослав, видя себя в старости и уже ослабевающа, при жизни своей по тогдашнему обычаю хотел разделить между сыновей своих земли своей державы, и призвав их, по довольном увещании о должной братской любви, яко быв рожденных от единого отца и матери, и о полезности твердого между ими союзу, определил киевский престол старшему сыну своему Изяславу, у которого другим повелел быть в послушании; Чернигов дал Святославу, Всеволоду Переяславль, Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск, дав, сверх того, Изяславу завещание, дабы наблюдал, чтобы никто из братии друг друга не обидел и не захватывал удела другого; в противном случае повелевая ему обиженного защищать». Правда, тут же историк выражал сомнение в эффективности этого «наказа», отмечая, что это были «тщетные повеления, яко и сам Ярослав по себе испытал, что ни братство, ни дружба не может остановить быстрый ток честолюбия». В отличие от В. Н. Татищева, Щербатов пользовался данными не из Никоновской, а из

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 120, 121, 123; *Черепнин* Л. В. Русская историография до XIX века. С. 220; *Пеитич* С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 3. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971; *Сахаров* А. М. Историография истории СССР. С. 76; *Свердлов* М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 46; *Бердинских* В. А. Ремесло историка в России. С. 283–288; *Артемьева* Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. С. 6, 13; *Её же*. Идея истории в России XVIII века. С. 79–93; *Милоков* П. Н. Главные течения русской исторической мысли // *Милоков* П. Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. С. 120, и др.

введенной им в оборот Воскресенской летописи, как видно из его утверждения о том, что в момент смерти отца Изяслав Ярославич находился в Новгороде, а организатором похорон Ярослава был «любезнейший ему сын» Всеволод, находившийся при нем в Вышгороде³².

М. М. Щербатов предпринял и одну из первых попыток объяснения порядка наследования княжеских столов, считая его оформлением именно завещание Ярослава. Отметив отсутствие данных о том, чтобы порядок наследства был утвержден законом, историк на основании анализа летописей, пришел к выводу, что «почти всегда на первостепенной княжеский престол не сыновья отцам, но брат брату наследовали». В доказательство этого утверждения князь ссылался на порядок наследования киевского стола со времени Ярослава: «...По Ярославе Владимировиче три сына его, Изяслав, Святослав и Всеволод, один после другого на киевском престоле сидели, потом оной к сыну старшего, к Святополку Изяславичу и от него, миновав детей Святослава, к сыну Всеволодову перешел». Причина такого «странного порядка» в наследстве, по его мнению, заключалась в необходимости обеспечить преемственность и предотвратить ослабление власти, если бы она попала в руки малолетнего князя. В то же время, Щербатов признавал, что этот порядок «ввергал Россию в другие неудобности», так как каждый отец, «стараясь сохранить детям своим первый Российский престол, к тому свои старания употреблял, от чего почти после кончины каждого государя возгорались междоусобные войны и невозможность всегда сохранить таковой порядок...». Эта реконструкция, по существу, являлась прообразом гипотезы о «лествичном» порядке наследования княжеских столов, развитой в XIX в. в рамках родовой теории (см. гл. 2), элементы которой можно найти в его рассуждениях о том, что «российский народ не имел особливою обязанности к своему государю,

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб. АН, 1770. С. 324–325. Ср. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 332–333.

которая и на сына его переходила, но вообще ко всему роду князей распространял оную».

Щербатов отметил, что многие писатели приписывают разорение России разделению, «учиненному великим князем Ярославом», и утверждал, что справедливость этого предположения оспаривать не намерен. Но, с другой стороны, он подчеркивал, что это разделение было не столь неосторожно, сколь его хотели представить, так как «сей государь, разделив по смерти своей княжения свои между сыновей своих, препоручил, однако, старшему высшую власть, присовокупив ее к первенствующему киевскому престолу, а прочие, владея своими уделами, действительно подданные его были»³³. Сходные высказывания, имевшие целью обосновать существование на Руси «самовластия» в период от Рюрика до Мстислава Великого (862—1132), присутствовали и у В. Н. Татищева, который отмечал, что Рюрик, Владимир I и Ярослав «не мало князей под собою имели», которых «в довольном страхе яко подвластных содержали»³⁴. По Щербатову, завещание Ярослава не только регулировало порядок наследования, но и являлось поворотным моментом в утверждении приоритета киевского князя, положение которого он сравнивал с положением главы «Священной Римской империи» среди германских князей, проводя аналогии с современной ему эпохой.

Выводы. Из рассмотренных выше репрезентаций раздела 1054 г. следует, что до начала 1770-х гг. представления о завещании Ярослава I базировались на текстах XV (Радзивилловская) и XVI вв. (Никоновская, Воскресенская летописи, Степенная книга). В значительной мере это было обусловлено тем, что большинство списков летописей еще не было известно, взаимосвязи между известными списками не были установлены. Ситуация стала меняться лишь после публикации исследования по истории русского

Щербатов М. М. История Российская... Т. 2. СПб. АН, 1771. С. 254–258.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 366.

летописания профессора Гёттингенского университета А. Л. Шлёцера, работавшего в России в 1761—1767 гг., где, в частности, указывалось на позднее происхождение Никоновской и Воскресенской летописей³⁵. В то же время были предприняты первые попытки переосмысления летописного рассказа в понятиях Нового Времени, показателем чего стала замена в рассказе о разделе определения «города» на термин «государство» или близкий ему по смыслу термин «держава». Первую авторскую интерпретацию летописной статьи 1054 г., данную Ф. А. Эминым, можно назвать литературным мифом, контрастировавшим с авторской интерпретацией М. М. Щербатова, который попытался определить роль завещания Ярослава в становлении порядка наследования и утверждении приоритета киевского князя, указав на него как на ключевой момент развития междукняжеских отношений. Однако ни один из упомянутых историков не дал оценки рассматриваемого явления с точки зрения какой-либо модели социально-политического развития, что позволяет охарактеризовать этот историографический период как *доконцептуальный*.

2.1. Ряд Ярослава I в историографии конца XVIII — середины XIX вв.: первые концептуальные интерпретации.

Первые попытки концептуализации междукняжеских отношений связаны с тенденцией к проведению аналогий между политической практикой Древней Руси и европейского средневековья, которая зародилась в историографии конца 1760 — начала 1770-х гг. в результате полемики русских и французских просветителей об историческом развитии России. Начало ей положил критический трактат посетившего Россию в 1761 г. для астрономических наблюдений аббата Ж. Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь» (1767), представлявший русских монархов как «самодержавных деспотов». Ответом на него стало анонимное сочинение под названием

Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке: В 3 частях. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1809. С. III–IV (оригинальное издание – 1802).

Antidote или «Противоядие» (1770), атрибутированное митрополитом Киевским и Галицким Евгением (Болховитиновым), П. И. Бартеневым и А. Н. Пыпиным, Екатерине II³⁶. В этом сочинении русские князья были отождествлены с французскими принцами, которые получали от короля «апанажи», — то есть, кормления, являвшиеся материальным обеспечением представителей правящей династии³⁷. В *Antidote* утверждалось: «Россия, претерпела, как и Франция, много беспорядков», оттого что эта практика вошла в обычай «после великого князя Владимира»³⁸. Таким образом, была сделана заявка на утверждение общности глобальных политических процессов и общих форм земельной собственности, существовавших как во Франции, так и на Руси³⁹, начиная с княжения Владимира Святославича (980—1015). В записках Екатерины II по русской истории (опиравшихся на информацию В. Н. Татищева), написание которых мотивировалось необъективностью зарубежных трудов по истории России, первые междукняжеские разделы были представлены без каких-либо концептуальных определений. Императрица акцентировала внимание на самодержавном характере великокняжеской власти, а завещание Ярослава I рассматривалось ею как один из этапов развития удельной системы при

Пыпин А. Н. Кто был автором «Антидота»? // Сочинения императрицы Екатерины II: В 7 томах. Т. 7. Антидот. СПб.: Типография Академии Наук, 1901. С. VI, XIV, XXXIX–XLI; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. С. 253–258. Предполагается, что сотрудником Екатерины при написании «Антидота» мог быть граф А. П. Шувалов (*Карпер д' Анкосс* Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д' Отероша. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 41–42).

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 21–24; *Его же*. Екатерина II как историк // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Т. Вып. 3. С. 55.

«...La Russie souffert tout comme la France beaucoup de troubles de ce que depuis le Grand Duc Wolodimir la coutume étoit de donner aux Princes du sang des appanages très-considérables» (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 7. С. 119).

Так, говоря о существовании в России разных форм земельной собственности, автор «Антидота» наряду с наследственной собственностью выделял условную собственность (фр. *fief*), отождествляемую с поместьями, которыми правительство наделяло дворян за службу (Там же. С. 101, 112).

сохранении главенства старшего из князей⁴⁰, что, по сути, являлось воспроизведением татищевской модели княжеских отношений (см. 1.1).

В 1780-х гг. тенденция, заложенная в *Antidote*, получила развитие в «Юридическом рассуждении о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения» профессора Московского университета С. Е. Десницкого, отождествлявшего «феодальное правление», имевшееся «во всех первоначальных европейских государствах», с «правлением аристократическим, состоящим из вельмож и имеющим над собой государя не полномощного»⁴¹. В. В. Крестинин (1729—1795) обосновал представление о формировании на Руси «волостей и властительств» с раздлами, осуществленными Рюриком, как он полагал в интересах дворянства, необходимость которых обосновывалась тем, что «Рюрик не мог не ведать главные права и преимущества», наблюдаемые в соседних «государствах германского народа», вытекающих из раздачи чинов, прав и имений, «без чего самодержавная власть его над новыми и к послушанию неприобыкшими подданными была бы бессильна и недействительна»⁴². Генерал-майор И. Н. Болтин (1737—1794), историк и публицист, выступивший оппонентом М. М. Щербатова и французского историка Н. Г. Леклерка, в «Примечаниях на историю древней и нынешней России» Леклерка, провел аналогии между «древними удельными князьями» и германскими феодальными правителями XVIII в.⁴³ Затем эту идею в «Опыте повествования о России» воспроизвел обер-гофмейстер Екатерины II И. П. Елагин (1725—1793)⁴⁴.

Записки касательно российской истории. Ч. 1–2 // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 8. Труды исторические. СПб.: Типография Академии наук, 1901. С. 5, 64, 75, 91, 109, 119, 127.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1952. С. 285.

Крестинин В. В. Исторические начатки о двинском народе. СПб., 1784. С. 57.

Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка: В 2 томах. Т. 2. СПб.: Типография Горного училища, 1788. С. 300.

Елагин И. Опыт повествования о России. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1803. С. 230.

Если Десницкий, Крестинин, Болтин и Елагин упомянули о феодальных отношениях на Руси на уровне абстрактных суждений, то историк, писатель и государственный деятель М. Н. Муравьев (1757—1807) — сенатор, товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского университета, — облек свои суждения в более конкретную форму. Муравьев, испытавший влияние Ш. Монтескье, Г. Мабли и Ш. Д'Аламбера, работы которых он противопоставлял работам В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина⁴⁵, в своем труде «Краткое начертание Российской истории» (опубликован в 1819), следовал тенденции к негативной интерпретации феодализма, причислив «разделение государства, известное в прочих странах Европы под именем феодального или поместного владения», к «древним правилам, освященным древностью». По его словам, Россия «была жертвой сего политического заблуждения около пяти столетий, от времен Святослава Игоревича, до славного царствования великого князя Иоанна Васильевича» — то есть, Ивана III. В результате раздел Ярослава он рассматривал лишь как один из этапов «раздробления России на уделы». Не менее интересно и то, каким образом Муравьев, делая при пересказе завещания Ярослава акцент на идее единства князей, представлял отношения между Ярославичами: «Ярославов старший сын Изяслав остался главою народов российских. Два младшие брата, Святослав и Всеволод, сначала разделяют с ним единодушно бремя правления и опасности войны», но «потом сами становятся в мрачнейшем преступлении пред старейшим братом», имея ввиду изгнание Изяслава из Киева в 1073 г.⁴⁶ Хотя Муравьев подчеркивал приоритет Изяслава, он делал это не столь жестко как Щербатов, представляя Святослава и Всеволода соправителями старшего брата и, возвращаясь к представлению, сформулированному Ф. А. Эминым.

Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX века / Отв. ред.: А. М. Панченко, Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, 1981. С. 168.

Муравьев М. Н. Краткое начертание Российской истории // Сочинения [М. Н.] Муравьева. Т. 2. СПб.: Изд. А. Ф. Смирдина, 1847. С. 8, 10–11.

Начиная с работы М. Н. Муравьёва, репрезентация летописного рассказа о разделе Ярослава меняется: воспроизведение текста источников вытесняется авторскими интерпретациями с выраженной теоретической нагрузкой, обусловленной доминировавшей в 1-й трети XIX в. историографической тенденцией к отождествлению удельной и феодальной системы, позволявшей не только подчеркнуть общность исторического развития России и Европы, но и дать универсальное объяснение практике междукняжеских разделов в целом. При этом характеристика «феодального правления» оказывается негативной, так как оно противопоставляется самодержавной монархии и государственному единству, что характерно не только для М. Н. Муравьёва, но и для его младшего современника Н. М. Карамзина (1766—1826), наряду с влиянием М. М. Щербатова и А. Л. Шлёцера⁴⁷ испытавшего влияние Вольтера, Ж. Ж. Руссо, И. Г. Гердера, П. Ш. Лёвека и других просветителей XVIII в.⁴⁸

Еще в «Письмах русского путешественника», написанных во время пребывания в Европе в 1789—1790 гг., Карамзин высказывал озабоченность тем, что «у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы! Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Никона, Нестора и проч. могло вытти нечто привлекательное, сильное,

Милуков П. Н. Главные течения... С. 146–152, 170–174.

См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 167–175; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. С. 299; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 56; Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста // XVIII век. Сб. 13. С. 132–155; Лузянина Л. Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина – автора «Истории Государства Российского» // Там же. С. 156–166; Рудковская И. Е. Н. М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. №281. С. 142–147; Шмидт С. О. Н. М. Карамзин и его «История Государства Российского» // Его же. Памятники письменности в истории и культуре России: В 2 томах. Т. 2. Кн. 1. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 310–311, 314–315, 318–320 (1-я публ. 1990); Муравьев В. А. Теории феодализма в России... С. 54–58; Куденис В. Переводчики XVIII века и становление историографии как науки в России // Quaestio rossica. 2016. Т. 4. №2. С. 222–223, и др.

достойное внимания не только Русских, но и чужестранцов»⁴⁹. Из этих утверждений можно заключить, что Карамзин, ориентируясь как на античную историографию, так и на историографию эпохи Просвещения, считал главным в «ремесле историка» литературную обработку источников, которой он занялся после своего назначения историографом (1803). Первые концептуальные идеи он сформулировал в «Записке о Древней и Новой России», представленной Александру I в 1811 г.⁵⁰, закончив их оформление в «Истории государства Российского», 8 томов которой, где в полной мере развернулось «благородное красноречие» Карамзина, вышли в свет в 1818 г.

Карамзин считал, что после призвания варягов «вместе с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система *Феодальная, Поместная, или Удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские». Развитие этой системы он вслед за Шлёцером и Муравьевым, связывал с разделом Святослава I (970 г.), отмечая, что «Святослав *первый ввел в обыкновение давать сыновьям особенные Уделы*: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России», так как после его смерти «единодержавие пресекалось в государстве», ибо его старший сын Ярополк «не имел, кажется, власти над уделами братьев своих». Впрочем, если сопоставить авторские интерпретации первых междукняжеских разделов в «Истории государства Российского», становится очевидным, что тенденция выдерживается не до конца: раздел волостей между сыновьями Владимира I Святославича Карамзин оправдывал тем, что Владимир «без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих наместников», и делал осторожную оговорку о том, что «ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти», опираясь на опыт, полученный из войны между сыновьями Святослава, которая доказала, что

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 252.

Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь мысль, 2002. С. 378, 379.

удельный князь, повинуюсь отцу, как самовластному государю всей России, не мог столь же естественно повиноваться своему брату, но «Владимир не воспользовался сим опытом, ибо самые великие люди действуют согласно с мыслями и правилами своего века»⁵¹.

Карамзин при характеристике раздела Владимира I оправдывает Крестителя Руси за негативные последствия. Это заметно и в рассказе о разделе княжений, осуществленном сыном Владимира Ярославом. Говоря о том, что после смерти своего брата и соправителя в Русской земле Мстислава (1036) «Ярослав сделался монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии», Карамзин подчеркивал, что Ярослав «ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бедствиям удельного правления» и объяснял это тем, что «политика, основанная на опытах и знаниях сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение». В том же духе Карамзин интерпретировал и летописный рассказ о завещании Ярослава: «...Чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, — говорил он, — вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного»⁵².

Карамзин Н. М. История государства Российского [репринтное воспроизведение 5 изд. 1842–1844]. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. 1. Стб. 70, 109, 117–118, 134.

Там же. Кн. 1. Т. 2. Стб. 14, 21–22.

Предприняв попытку развернутой характеристики политических последствий первых междукняжеских разделов, Карамзин дал не столько историческую, сколько психологическую оценку явления, рассматривая его как проявление иррационализма, противоречившего опыту и знанию, которые должны были побуждать к сохранению самодержавной монархии для блага государства. Наиболее законченное выражение эта тенденция получила в следующем рассуждении: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет». Согласно с летописной традицией, Н. М. Карамзин приурочивал к разделу 1054 г. установление приоритета старшего брата над младшими, но, как и Муравьев, сопровождал это суждение оговоркой о том, что «Изяслав считал себя более равным, нежели государем братьев своих», видя подтверждение этого тезиса в том, что они «по смерти Вячеслава в 1057 году *с общего согласия* отдали Смоленск Игорю (через два года потом умершему)»⁵³.

Раздел 1054 г. для Карамзина имел значение важного исторического рубежа, но воспринимался не только как утверждение первенства киевского князя, но и как конец единовластной монархии, начало упадка русского государства. Из новаций Карамзина, предложенных при анализе летописной статьи 1054 г., надо отметить попытку объяснить отсутствие в Лаврентьевском и Радзивилловском (по терминологии историка — Пушкинском и Кёнигсбергском) списках «Повести временных лет» упоминания о том, каким княжением Ярослав наделил своего младшего сына

Там же. Стб. 39, 41.

Игоря. Исходя из того, что в Троицкой летописи, погибшей во время пожара Москвы в 1812 г., имя Игоря и место его княжения было дано в качестве глоссы к основному тексту, Карамзин предположил, что «город Владимир принадлежал сначала к области великого княжения и был отдан Игорю уже от брата старшего, как *частный удел Киевский*»⁵⁴. Дальше этого замечания критические наблюдения Н. М. Карамзина над статьей 1054 г. не пошли, а позже, в процессе оформления теории родового быта, были отвергнуты⁵⁵.

Реакцией на риторически ориентированную историографию стало формирование направления, известного как «Скептическая школа», представители которой (П. М. и С. М. Строевы, Я. И. Бередников, О. М. Бодянский и др.), группировавшиеся вокруг профессора Московского университета М. Т. Каченовского, под влиянием немецкого историка Б. Г. Нибура, разработавшего метод критического анализа античных повествовательных источников, подвергли сомнению достоверность не только «Истории Государства Российского», но и русских летописей, в которых они видели памятники XIII—XIV вв.⁵⁶ Из историков этого

А А □ А ААА □ А □ А □
 ам же. Примечания к т. 2, гл. II. Стб. 23.
 А А □ А ААА □ А □ А □

интерпретация «завещания» Ярослава I, данная Карамзиным, позднее была подвергнута критике приверженцами родовой теории, разрабатывавшейся профессором Дерптского университета И. Ф. Г. Эверсом (см. ниже), один из которых в статье «Нестор и Карамзин», опубликованной анонимно в «Исследованиях для основательного уяснения древнего быта России» (1830), и атрибутированной С. М. Соловьёвым Нейману (*Соловьёв С. М. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность: «История Государства Российского» // Его же. Сочинения. Кн. 16. С. 77, 78*), отмечал, что «деление государства между сыновьями в то время считалось также законным, как теперь наследование одного», поэтому, «ни Святослав, ни Владимир, ни Ярослав не сделали ошибки, разделив свои владения, но поступили в этом случае сообразно с тем, что в их время признавалось вообще несомненным правом», а против летописного рассказа под 1054 г. «критика не может сделать ни малейшего возражения», так как «он вполне сообразен с обстоятельствами того времени и сам по себе во всех отношениях представляется вероятным». В силу этого предположение Карамзина о «частном уделе» Игоря Ярославича была отвергнута, как не имеющая достаточных оснований (См. Нестор и Карамзин. Опыт обстоятельного уяснения некоторых данных в «Истории Государства Российского» // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1 / Изд. Н. В. Калачев. М., 1850. Отд. 5. С. 14–19).

А А □ А ААА □ А □ А □

м.: *Иконников В. С. Скептическая школа в российской историографии и ее противники. Киев: Университетская типография, 1871; Миллюков П. Н. Главные течения... С. 234–246; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 233–241; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. С. 215–218; Козлов В. П. «История Государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989; Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. С. 367–373; Шикло А. Е. Был ли Нестор? скептическая школа в русской историографии // Историки России. XVIII — начало XX века / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М.:*

направления наиболее крупный труд — «Повесть о России» (1838) — принадлежит Н. С. Арцыбашеву (1773—1841), одному из критиков Карамзина, упрекавшему историографа за отступление от источника «с целью украшения речи»⁵⁷ и поставившему задачей сличать «слово в слово, а иногда буква в букву», все летописи, соединять их, «дополняя одну другую», таким образом, составлять изложение, в котором должно быть устранено все «занимательное только для современников, но совсем ненужное для потомства», при этом ограничиваясь минимальными пояснениями к тексту⁵⁸.

соответствии с этой установкой, Арцыбашев практически без изменений пересказал наказ Ярослава сыновьям, а речь князя о разделе представил следующим образом: «Сыну своему Изяславу вручаю державу Киевскую. Повинуйтесь ему, как повиновались мне и да будет он вам вместо меня. Святославу отдаю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Игорю Владимир (Волынский), Вячеславу Смоленск». Авторское вмешательство Арцыбашева в летописный текст в данном случае ограничилось введением понятия «держава Киевская», что придало его тексту сходство с терминологией М. М. Щербатова. Больше усилий Арцыбашев приложил для того, чтобы уточнить день кончины Ярослава и объяснить действия Изяслава Ярославича (который, как он писал вслед за составителями Софийской I и Воскресенской летописей, находился в Новгороде) после смерти отца. Согласно предложенному им сценарию развития событий, Изяслав, оставив в Новгороде посадника Остромира, «приехал в Киев и взошел на престол великокняжеский, а прочие братья этого государя получили уделы, предоставленные им завещанием родительским»⁵⁹. Из этих слов следует, что

Скрипторий, 1996. С. 137–151; Умбрашко К. Б. Б.-Г. Нибур в творчестве Н. А. Полевого и “скептической школы” // История и историки. Историографический вестник. 2003. / Отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2003. С. 256–257, и др.

Милуков П. Н. Главные течения... С. 221 и след.

Арцыбашев Н. Повесть о России: В. 4 томах. Т. 1. М.: Университетская типография, 1838. С. VII.

Там же. С. 22–23, а также прим. 120, 122.

Арцыбашев, несмотря на бережное отношение к тексту летописи и попытку согласования отдельных летописных известий, в целом уделял больше внимания воспроизведению историографического стереотипа XVIII в., представлявшего киевского князя самодержавным монархом.

Не больше оригинальности в репрезентации летописного рассказа под 1054 г. проявил другой критик Карамзина, журналист и писатель Н. А. Полевой (1795—1846), наряду с влиянием Нибура испытавший влияние И. Г. Гердера и Ф. В. Й. Шеллинга, а также французских историков О. Тьерри, Ф. Гизо, О. Минье⁶⁰. Знакомство с «европейскими понятиями об истории, с современными идеями о ней европейцев», стремление «приложить высшую критику к истории отечественной», по словам Полевого, породило «противоречия против Карамзина и идею Истории русского народа»⁶¹. Одним из недостатков «Истории Государства Российского» Полевой считал недостаток исторической критики, хотя в «Истории русского народа» критический анализ применялся им не всегда. В предисловии к первому тому, опубликованному в 1829 г., Полевой поставил своей задачей разработку нового подхода к интерпретации русской истории, в центре которой должна была находиться не история государства, а история народа. Это обусловило утверждение, что со времени призвания варягов существовало несколько отдельных государств, из которых сложились два более крупных государства на севере и на юге (что являлось актуализацией гипотезы А. И. Манкиева) и лишь в середине X в. эти два государства были объединены княгиней Ольгой. Создав предпосылки для отхода от историографической традиции, Полевой не смог порвать с ней до конца;

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 247; *Астахов* В. И. Курс лекций по русской историографии. С. 219; *Шикло* А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М.: Изд-во Московского университета, 1981. С. 58–61; *Её же*. Предчувствие истины: Николай Алексеевич Полевой // *Историки России. XVIII — начало XX века*. С. 152–173; *Умбрашко* К. Б. Б.-Г. Нибур в творчестве Н. А. Полевого и “скептической школы”. С. 253–256; *Сухов* А. Д. Н. А. Полевой – философ истории // *Философия и общество*. 2015. №3–4; *Муравьев* В. А. Теории феодализма в России... С. 66–70, и др.

Цит. по: *Шикло* А. Е. Исторические взгляды... С. 61–62.

сохранил он и концептуальное понятие о феодализме, попытавшись выделить его специальный тип, охарактеризованный как «норманнская феодальная система». Господство этой системы, по его мнению, продолжалось до смерти Ярослава I, когда норманнский феодализм сменила «удельная система», хотя время введения в оборот термина «удельный» исследователь определить не смог, отметив, что его не было в эпоху Святослава I и Владимира I⁶².

Интерпретацию раздела Ярослава I Полевой изложил в конце I тома «Истории»: «Еще до смерти своей Ярослав разделил государство на отдельные княжества. Изяслав был уже князем в Новгороде вместо Владимира, умершего в 1052 г.; но отец завещал Изяславу Киев, Святославу Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск, Игорю Владимир. “Любите друг друга, — говорил он детям, — помните, что вы братья одного отца и одной матери: тогда и Бог будет в вас, покорит вам противные и будет мир между вами. Но при ненависти погибните вы и погубите землю. Место отца да заступит вам старший брат”. Ярослав заповедал сынам: не преступать предела братнего, не изгонять одному другого, а Изяславу защищать обиженного». Здесь следует отметить тот факт, что, отрицая существование государства в древнерусский период, Полевой, подобно своим предшественникам, писал о разделе 1054 г. именно как о разделе государства. Как и предшественники, он дал отрицательную характеристику феодализма, как явления «гибельного и страшного для государей по всей Европе тогдашней», который был «причиной дележа областей наследникам везде причинял такие же бедствия, какие видела от него Русь», но при этом предложил объективную интерпретацию практики междукняжеских разделов как проявления «духа времени». В этом утверждении очевидно стремление к подчеркиванию общности исторического развития России и Европы, но во II томе «Истории», вышедшем в свет в 1830 г., когда вспыхнули революции во

Полевой Н. А. История русского народа в 3 томах, 6 книгах. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Вече, 1997. С. 31, 33, 34, 531 (Прим. 44).

Франции и Бельгии, началось национально-освободительное движение в Царстве Польском, появилась противоположная тенденция к подчеркиванию различий исторического развития России и Европы, приоритета греческого влияния над влиянием Запада. Следствием этого стало развитие идеи о том, что до XIII в. «самобытный мир феодализма варяжского, перешедший в удельную систему, решительно принадлежал к системе Востока, ограничивался ею, и жил отдельно от Запада жизнью между Грецией, дикими соседями азиатского происхождения и границей системы западных государств, под влиянием скандинавских законов, славянской народности, греческой веры». Промежуточное звено между «варяжским феодализмом» и единовластной монархией Полевой охарактеризовал как «феодализм семейный» или «систему уделов, обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде», а создание этой системы, с «федеративным составом русских княжеств», связывал с разделом Ярослава I⁶³.

Таким образом, одной стороны, Н. А. Полевой диверсифицировал представления о феодализме, что отличало его от предшествующих выразителей этой тенденции, включая Карамзина, который писал об универсальности феодальной системы, а с другой стороны — попытался совместить их с представлениями о родовом характере междукняжеских отношений, разрабатываемыми исследователями из Дерптского университета во главе с И. Ф. Г. Эверсом. Новации в отношении раздела княжений, устроенного Ярославом, ограничились замечанием о том, что он стал продолжением раздела Русской земли по Днепру между Ярославом и его братом Мстиславом в 1026 г. Для обоснования этого тезиса пришлось предположить, что Южная Русь в 1054 г. была разделена на два княжества — Киевское и Черниговское, — тогда как появление трех других уделов в Переяславле, Смоленске и Владимире было вызвано необходимостью в защите границ. Подобное предположение противоречило тезису о

Там же. С. 179, 180, 197–198, 205, 293.

тождественности разделов 1026 и 1054 гг., но отвечало представлению о том, что именно раздел Ярослава положил начало федерации русских княжеств (за исключением Полоцка) во главе с великим князем киевским, которое было дополнено рассуждениями о «геополитическом» значении этого раздела и созданной в результате «удельной системы»⁶⁴.

Тенденция к противопоставлению исторического развития России и Европы, характерная для Н. А. Полевого, оформилась в начале 1830-х гг. и получила развитие после того как правительством Николая I был взят курс на укрепление «соединенного духа Православия, Самодержавия и Народности», который министр народного просвещения и президент Петербургской АН С. С. Уваров в 1833 г. охарактеризовал как идеологическую альтернативу «буре, волнующей Европу»⁶⁵. Эта установка получила воплощение в первом университетском курсе по русской истории, изданном в 1837—1841 гг. профессором Петербургского университета академиком Н. Г. Устряловым (1805—1870)⁶⁶, соотнесшим процесс формирования русского государства и народа с «введением христианской веры греческого исповедания» при Владимире Святом, а окончательное устройство государства с эпохой Ярослава I, который «наложил печать закона на главные условия жизни гражданской, определив частью письменными уставами, частью своими действиями суд и расправу, порядок престолонаследия, зависимость князей Удельных от Великого, права и обязанности духовенства, пределы своей державы и отношения ее к соседям». С деятельностью Ярослава в рамках концепции Устрялова заканчивалось «основание Руси» и начиналось ее «раздробление» вследствие борьбы между потомками Владимира, которое исследователь представлял как «неминуемое следствие современного

Там же. С. 201, 202.

Доклады министра народного Просвещения С.С. Уварова Николаю I // Река времен. Альманах истории и культуры: В 4 книгах. Кн. 1. М.: Товарищество «Река времен», 1995. С. 72.

См. Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834—2004). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 11–18.

понятия о праве на удел каждого члена господствующей фамилии». Но, если его предшественники давали этому явлению негативную оценку, то Устрялов, напротив, утверждал, что это раздробление не только не уничтожило единства Руси, но «еще более скрепило узы общественные, распространив всюду один язык, одну веру, одни законы гражданские, утвердив право одного рода Владимира Святого на власть верховную». В свою очередь, это позволяло исследователю сделать вывод о том, что «мысль о необходимости единой державы никогда не исчезала». Таким образом, произошла трансформация представлений об удельном периоде, который стал рассматриваться как позитивный и закономерный этап развития государства. Однако Устрялов не рассматривал этот период как феодальный, утверждая, что практика безусловных и условных держаний (аллоидальное и феодальное право) на Руси развиваться не смогла, свидетельством чего, по его мнению, являлось отсутствие в языке соответствующих терминов. В духе правительственной идеологии 1830-х гг. Устрялов подчеркивал различие средневекового общества на Руси и в Западной Европе и самобытность исторического развития России. Это привело к отрицанию феодальных отношений в древнерусском обществе и, как следствие, введенное Н. А. Полевым понятие «варяжский феодализм» Устряловым не использовалось. В то же время, одним из элементов своей концепции Устрялов сделал гипотезу Полевого о формировании государства из двух русских держав на севере и на юге. Характеристика Устряловым завещания Ярослава, с которым связывалось установление порядка в удельной системе и взаимных отношениях князей, также была близка представлению Полевого о федерации русских княжеств. Последнюю волю князя Устрялов раскрыл следующим образом: «Назначив каждому из пяти сыновей своих определенную область, он установил, что старший в княжеском семействе есть глава государства, посредник, миротворец и защитник своих братьев, которые обязаны чтить его, как отца, но в то же время, имели неотъемлемое право на свои уделы. С тех пор Русь образовала систему союзных государств,

друг от друга независимых, тем не менее, соединенных в одно целое верою, языком и господством одного дома»⁶⁷.

Элементы концепции Полевого соседствовали у Устрялова с элементами родовой теории, выраженными в утверждениях о праве одного рода на верховную власть и праве на удел каждого члена этого рода. Разработка этой теории связана с именем ректора Дерптского университета И. Ф. Г. Эверса (1781—1830)⁶⁸, учившегося у А. Л. Шлёцера. В центре внимания Эверса и сложившейся вокруг него школы оказалось изучение памятников права и зафиксированной в них терминологии, в то время как повествовательные источники были отодвинуты на второй план. Это повлекло за собой изменение характера исторических исследований: на смену общеисторическим трудам пришли историко-юридические монографии, являвшиеся первыми попытками проблемного подхода. Эверс сформулировал концепцию поэтапного формирования государства от патриархальной семьи к родовым, а затем племенным объединениям. Власть первых государей, по его мнению, мало отличалась от власти старейшин рода, которые в управлении делами опирались на сыновей и членов своего семейства. По смерти отца сыновья управляли наследством на праве общей собственности, при котором старший брат пользовался преимуществом, но не обладал всей полнотой власти; позднее в обиход вошел раздел, который сохранялся до тех пор, пока не было признано более эффективным наследование по праву первородства⁶⁹.

Устрялов Н. Русская история. Ч. 1 [2-е изд., испр.]. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. С. 13–14, 63–65, 124.

О формировании родовой теории см.: *Рубинштейн* Н. Л. Русская историография. С. 223–233; *Швецов* В. И. Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / Отв. ред. В. Д. Королук. М.: Наука, 1973; *Шикло* А. Е. Он заставил думать над русскою историею: Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России. XVIII — начало XX века. С. 124–136; *Киреева* Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. С. 93–97, и др.

Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. С. 1–6, 19–20, 96–99.

Конкретизация теории была осуществлена учеником Эверса А. М. Ф. Рейцем (1799—1862), связывавшим с последней волей Ярослава I установление порядка наследования в княжеском роду, в которой, по его мнению, впервые было объяснено «ясными и точными словами право верховной власти старшего над союзным Государством». В то же время исследователь предполагал, что «право старшего на престол было основанием, которое только что начинало образовываться, и кажется еще не довольно твердо укоренилось», поэтому, оно «должно было столкнуться с естественным правом сыновей на оставленные отцом владения и на власть его, тем более что сие последнее право должно было развиваться в уделах, кои владетели их привыкли почитать своим наследством («отчиною»)»⁷⁰. Формирование представлений о приоритете «старейшинства» Рейц относил ко времени Владимира Святославича, в качестве аргумента ссылаясь на то, что после кончины князя в 1015 г. один из его младших сыновей, Борис, по сообщению «Повести временных лет», признал приоритет своего старшего брата Святополка, а в 1026 г. приоритет самого Ярослава, как старшего брата, признал младший брат Мстислав⁷¹. Исходя из этого, историк трактовал завещание Ярослава как завершающий этап в оформлении этой практики.

Влияние построений Эверса испытал и профессор Московского университета академик М. П. Погодин (1801—1875), хотя его отношение к родовой теории было столь же неоднозначным, как и его концептуальные воззрения. Первоначально он разделял представление об общности феодальных процессов в России и Европе, но в 1830-х гг. стал одним из проводников консервативного идеологического курса правительства, вследствие чего в его работах появилась тенденция к противопоставлению исторического развития России и Европы⁷². В ходе полемики с

Рейц А. Ф. М. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М.: Типография Московского университета, 1836. С. 25, 26, 78.

Там же. С. 22, 24.

См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: Кн. 1–22. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888–1910; Бестужев-Рюмин К. Н. Михаил Петрович Погодин (1800—1875) // *Его*

представителями «Скептической школы» о достоверности летописей Погодин под влиянием исследований А. Л. Шлёцера начал разработку «математического метода», при котором научная деятельность ограничивалась выведением какого-либо общего утверждения из совокупности отдельных наблюдений над летописным текстом⁷³.

начале 1840-х гг. Погодин обратился к рассмотрению междукняжеских отношений, попытавшись выяснить вопрос о приоритете «старейшинства» в княжеском роду и его роли в порядке наследования столов, представленном в виде лестницы, по которой члены рода должны были двигаться в соответствии со старшинством при условии соблюдения отчинного права. Как предположил исследователь, оно позволяло князю реализовывать свое право наследования на соответствующее княжение только, если его занимал отец соискателя, — в противном случае он исключался из порядка наследования, становясь князем-изгоем. Обосновывая гипотезу о приоритете старейшинства, Погодин, как и Рейц, опирался на информацию «Повести временных лет» о признании Борисом старшинства Святополка (в статье 1015), признании Мстиславом старшинства Ярослава (в статье 1026) и рассказ о завещании Ярослава в статье 1054 г. Кроме того, он

же. Биографии и характеристики (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг). СПб.: Типография С. В. Балашева, 1882. С. 231–254; *Коялович* М. О. История русского самосознания. С. 246–251; *Милюков* П. Н. Главные течения... С. 246–249, 302–308; *Его же*. М. П. Погодин (1800—1875) // *Его же*. Очерки истории русской исторической науки. С. 366–373; *Рубинштейн* Н. Л. Русская историография. С. 254–271; *Астахов* В. И. Курс лекций по русской историографии. С. 199–204; *Шапиро* А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. С. 373–382; *Свердлов* М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 66–69, 77–80; *Дурновцев* В. И., *Бачинин* А. Н. Разъяснять явления русской истории из нее самой: Михаил Петрович Погодин // *Историки России. XVIII – начала XX вв.* С. 194–214; *Киреева* Р. А. Государственная школа... С. 74–76; *Муравьев* В. А. Теории феодализма в России... С. 73–77; *Умбрашко* К. Б. М. П. Погодин – человек, историк, публицист. М.: Институт российской истории, 1999; *Павленко* Н. И. Михаил Погодин. М.: Памятники исторической мысли, 2003, и др.

См.: *Умбрашко* К. Б. М. П. Погодин – человек, историк, публицист. С. 124–148; *Павленко* Н. И. Михаил Погодин. С. 108–118. В определенной степени «математический метод» Погодина имел сходство с позитивистской методологией (разработка которой была начата в 1830—1840-х гг. французским философом О. Контом и получила развитие во второй половине XIX в.), ориентированной на установление причинно-следственных связей между явлениями и последующую формулировку общих закономерностей социально-исторического процесса (См. *Кохановский* В. Г. Родоначальник позитивизма и основоположник социологии // *Конт* О. Дух позитивной философии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. С. 26–28).

обратил внимание на параллель между заповедью Ярослава Всеволоду («Аще ти подаст Бог прияти власть стола моего по братьи своей со правдою, а не с насильством») и летописным рассказом о смерти Всеволода под 1093 г. («Се же собыся глагол отца его, и после братии приимшу стол отца своего седе в Киеве, княжа»)⁷⁴.

Формирование представлений о начале русской государственности, начавшееся в 1830-е гг., получило продолжение в лекции о «формации государства», опубликованной в январе 1842 г. в журнале «Москвитянин», выпускавшимся Погодиным при покровительстве С. С. Уварова⁷⁵. Исследователь трактовал утверждение у власти в Новгороде Рюрика, а в Киеве Аскольда и Дира лишь как «призвание» варяжских элементов, представляя образование государства в качестве длительного процесса, в ходе которого «удалые норманны в продолжении двухсот лет раскинули план будущего государства, изметили его пределы, нарезали ему земли без циркуля, без линейки, без астролябии, с плеча, куда хватила размашистая рука...

Все племена и города находились в подданстве у одного князя (а потом одного рода), были одного происхождения, говорили одним языком, хотя и разными наречиями, хотя и разными наречиями, исповедывали одну веру, — словом это было государство, в некотором смысле целое, хотя и сшитое на живую нитку»⁷⁶.

«Исследованиях замечаниях и лекциях по русской истории», первые три тома которых были опубликованы М. П. Погодиным в 1846 г., эти построения в духе господствующей идеологической тенденции были

⁷⁴ *Погодин М.* О старшинстве между великими князьями Древней Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 29 (№2, 1841). Отд. 2. С. 79–80, 84–86. В 1847 г. С. М. Соловьёв углубил наблюдения Погодина, охарактеризовав эти статьи как «позднейшее сочинение», на которое оказал влияние насильственный захват Киева одним из Ярославичей (Святославом) в 1073 г. (*Соловьёв С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // *Его же.* Древнерусские князья. СПб.: Наука, 2010. С. 144. Прим. 2).

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 77.

Погодин М. Происхождение русского государства // *Москвитянин.* 1842. №1. С. 212.

дополнены противопоставлением социально-политических процессов в Западной Европе и России. «Западные европейские государства, — как утверждал Погодин вслед за О. Тьерри, — обязаны происхождением своим *завоеванию*», в то время как начало Руси было положено благодаря добровольному призыванию Рюрика в Новгород и вокняжению Олега в Киеве, они не испытывали к народу «враждебных чувств победителя, завоевателя, какие питали западные государи»⁷⁷. Поскольку «малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях»⁷⁸, то для западных государств, по убеждению Погодина, были характерны «три трагедии европейской трилогии»: первая трагедия «Завоевание, разделение, феодализм, города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов»; вторая трагедия «Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция»; третья трагедия «Уложения, борьба низших классов...»⁷⁹, в то время как в начале русской истории «нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни гордости, ни борьбы...»⁸⁰. Эта идеалистическая репрезентация иллюстрировала разрабатываемую правительством концепцию единения монархии и народа, которое противопоставлялось европейскому обществу, раздираемому социальными противоречиями накануне нового витка революционного движения в 1848 г.

Эти идеологические установки получили развитие у славянофилов — близкого к М. П. Погодину интеллектуального течения, сформировавшегося в 1840-х гг. (И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, Ю. С. Самарин, А. С. Хомяков и др.)⁸¹, представители которого поддерживали

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7 томах: Т. 3. М.: Университетская типография, 1846. С. 493, 500.

Там же. С. 499.

Там же. С. 496–497.

Там же. С. 497–498.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 276–289; *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии. С. 206–211; *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. С. 112–116; *Цамутали А. Н.* Борьба течений... С. 34–40, 61–75; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Очерки из

точку зрения о самобытности исторического пути России и, выступая с критикой родовой теории Эверса, развивали альтернативное представление о взаимодействии «земли» (общины) и «государства», которое было разрушено в результате реформ Петра I⁸². Оппонентами славянофилов в середине 1840-х гг. выступили либерально настроенные интеллектуалы — «западники», которые отстаивали тезисы о единстве исторического развития России и Европы, преемственности между древней и новой Россией, позитивно оценивая реформаторскую деятельность Петра I, ставшую ключевым аспектом полемики со славянофилами⁸³. Под влиянием работ немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля, рассматривавшего государство, как высшую форму проявления человеческой свободы, «западники», среди которых были как историки (С. М. Соловьёв⁸⁴, Т. Н. Грановский, П. И. Кудрявцев и др.), так и специалисты по истории права (К. Д. Кавелин, К. А. Неволин, Б. Н. Чичерин и др.), поставив в центр своих изысканий изучение государства и его институтов, сформировали направление, характеризовавшееся в дореволюционной историографии как «юридическая школа»⁸⁵, а в советской

истории общественно-политической мысли 19 века. М.: Изд-во Московского университета, 1986 (второе издание работы, вышедшее в 2013 г., для нас недоступно); *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 4-е изд. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 307–320; *Каплин А. Д.* Мировоззрение славянофилов: история и будущее России. М.: Институт русской цивилизации, 2008; *Его же.* Славянофилы, их сподвижники и последователи. М.: Институт русской цивилизации, 2011; *Муравьев В. А.* Теории феодализма в России... С. 77–80, и др.

Аксаков К. С. Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьёва // *Его же.* Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 322–325, 335–340.

Киреева Р. А. Государственная школа... С. 151–152, 155; *Её же.* Историческая наука в России XIX века в трактовке К. Д. Кавелина // *История и историки. Историографический вестник.* 2001. К столетию академика М. В. Нечкиной / Отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М., Наука: 2001. С. 142–143.

Впрочем, в своих автобиографических записках Соловьёв писал, что сначала был «жарким славянофилом», но потом занятия историей предоставили ему возможность «приобрести правильный взгляд на отношения между древнею и новою Россиею» (*Соловьёв С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно и для других // *Его же.* Сочинения... Кн. 18. М.: Мысль, 1995. С. 605).

Миллюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // *Его же.* Очерки истории исторической науки. С. 401–412.

постсоветской историографии — как «государственная школа»⁸⁶. Среди исторических работ «западников», затрагивающих в контексте развития государства проблему междукняжеских отношений на Руси в середине XI в., следует обратить внимание на работы К. Д. Кавелина, с 1844 по 1848 гг. преподававшего в Московском университете историю русского права, и С. М. Соловьёва, в 1845 г. сменившего М. П. Погодина на кафедре русской истории, а впоследствии ставшего академиком и ректором Московского университета. Что касается основоположников славянофильского течения 1840-х гг., являвшихся по преимуществу публицистами, то они либо не оставили специализированных исторических трудов по Древней Руси, либо не довели их до интересующего нас момента⁸⁷: их идеи о взаимодействии «земли» и «государства» позднее оказали влияние на приверженцев теории общинного быта (см. 3.2).

К. Д. Кавелин (1818—1885) в статье «Взгляд на юридический быт Древней России» (1846, опубл. в 1847), представлявшей краткое изложение курса, читавшегося им в Московском университете⁸⁸, противопоставил не прижившийся на русской почве «варяжский феодализм» родовому началу «государственного быта», введенному в политический обиход при Ярославе

Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 томах. Т. 1 (гл. ред. М. Н. Тихомиров). М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 325–329; *Иллерицкий В. Е.* О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. №5. С. 141–159; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. С. 290–314, 363–366; *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии. С. 222–227, 441–447; *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. С. 135–143, 167–169; *Цамутали Н.* Борьба течений... С. 15–16, 184–187; *Его же.* Вся русская история есть по преимуществу государственная: Константин Дмитриевич Кавелин, Борис Николаевич Чичерин // Историки России. XVIII — начало XX века. С. 244–267; *Муравьев В. А.* Теории феодализма в России... С. 80–88, и др. Некоторые исследователи занимают скептическую позицию относительно трактовки этого интеллектуального направления как «школы» (*Боярченков В. В.* «Новая историческая школа» и исследовательская программа К. Д. Кавелина конца 1840-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 6 (2)), что не лишено оснований, учитывая, что понятие «государственная школа» объединяет исследователей разрабатывавших разные теории социально-политических отношений.

См.: *Киреевский П.* О древней русской истории (письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. №3. С. 11–44; *Аксаков К. С.* Об основных началах русской истории // *Его же.* Государство и народ. С. 303.

Киреева Р. А. Историческая наука в России XIX века в трактовке К. Д. Кавелина. С. 144–145; *Её же.* Государственная школа... С. 98.

I, считал, что раздел Ярослава открывал период уделов, при котором вся Россия должна была принадлежать одному княжескому роду и его «государственная система» заключалась в следующем: «По завещанию Ярослава, все сыновья его (кроме последнего — малолетнего) получили по уделу. Старшему достался Киев, и каждый старший в княжеском роде имел право владеть им. Чрез это Киев делался старшим, первым между удельными городами древней Руси. Так начало старшинства между князьями переходило

на территорию. Если Киев был уделом старшего, то Переяславль должен был сделаться уделом старшего по нем, ибо он достался второму сыну Ярослава; Чернигов — третьего, потому что он отдан был Ярославом третьему сыну и т. д.»⁸⁹. Рассматривая это высказывание, надо отметить, что Кавелин допустил ошибку при перечислении городов, переставив Переяславль и Чернигов. В своем суждении он учитывал предположение Карамзина о том, что младший из Ярославичей не получил удела при жизни отца. Противопоставление социально-политических процессов в России и Европе и взгляд на варягов как на носителей «идеи государства» на русской почве сближали его с М. П. Погодиным (в полемику с которым он вступил в конце 1840-х гг.)⁹⁰, представление о «варяжском феодализме» — с Н. А.

Полевым, представление о государствообразующем аспекте деятельности Ярослава I — с Н. Г. Устряловым. Некоторые идеи Кавелина были сходны с идеями С. М. Соловьёва (1820—1879), суть которых заключалась в том, что «иерархия кровного старшинства должна была сообщиться земле и породить иерархию территориального, или городского, старшинства». Это дополнение родовой теории было сформулировано Соловьёвым в магистерской диссертации «Об отношении Новгорода к великим князьям» (1845), где он

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России // *Его же*. Полное собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1. Монографии по русской истории. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897. Стб. 26, 27.

Там же. Т. 1. Стб. 95–252. См. также: *Киреева* Р. А. Государственная школа... С. 58–65; *Её же*. Историческая наука в России XIX века в трактовке К. Д. Кавелина // *История и историки. Историографический вестник*. 2001. С. 136–140.

выдвинул гипотезу о том, что «семейные славянские понятия, отразившиеся на отношениях князей, отразились также и на отношениях городов, вследствие чего города новопостроенные вошли к древним в отношении младших к старшим, т. е. должны были находиться в воле последних»⁹¹. По мнению Кавелина, данная иерархия, утвердившись, «могла бы поддержать политическое единство России, ибо сама по себе она, однажды установленная, была неподвижна и прочна», но изменения территориального устройства находились в зависимости от порядка старшинства в княжеском роду. Внутри рода Кавелин постулировал антагонизм двух принципов наследования, разработанный более подробно, чем у Рейца: «Так, по *началу родовому*, которое должно было поддерживать единство России и княжеского рода, после общего родоначальника старшим был его старший сын, потом второй, потом третий и т. д. После этого первого, ближайшего потомства родоначальника, старшинство переходило к старшему внуку (старшему сыну старшего сына) родоначальника, потом ко второму, потом к сыновьям второго родоначальника по старшинству рождения и т. д. По другому началу, которое мы, в отличие от родового, будем называть *семейственным*, старший внук родоначальника (старший сын старшего сына), основываясь на ближайших интересах семьи, к которой он принадлежал, и не думая о далеких для него интересах целого рода, старался присвоить себе права, принадлежавшие его отцу, и не обращал внимания на права старшего дяди, основанные на родовом начале. Между обоими этими взаимно исключаящими, враждебными началами — *родовым* и *семейственным*, отчинным, — рано произошло колебание, которое, по закону распада кровного быта, должно было окончиться победою последнего над первым, а вместе с тем уничтожить и политическое единство России, основанное на единстве княжеского рода и так неразрывно с ним

Соловьёв С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям // *Его же*. Древнерусские князья. С. 33.

связанное»⁹². Кавелин отмечал неэффективность основанной Ярославом политической системы, которая привела к уничтожению «государственного единства» вследствие княжеских междоусобий, несмотря на усилия Владимира Мономаха и его сына Мстислава I, видя зародыш новых форм государственных отношений в вотчинных порядках, установившихся в Северо-Восточной Руси в княжение Андрея Боголюбского (1157—1174) и его преемников, благодаря которым сложилось Московское государство⁹³. Схема Кавелина, предполагавшая перерастание родовых отношений в вотчинные, а затем в государственные, была более дифференцированной, чем схема Соловьёва⁹⁴, который также относил формирование владельческих порядков на северо-востоке ко второй половине XII в. (см. 1.2)⁹⁵.

Выводы. На рубеже XVIII—XIX вв. характер репрезентаций летописного рассказа о разделе Ярослава I в трудах русских историков меняется. Вместо воспроизведения текста источников упор делается на использовании авторских интерпретаций, формирующих теоретические представления сначала о феодальном, а затем о родовом характере междукняжеских отношений, обусловленных потребностью поиска закономерностей⁹⁶. Происходит *концептуализация* рассматриваемого явления, постепенный характер которой хорошо соотносится с тезисом о том, что какое-либо открытие «предполагает продолжительный, хотя и не очень длительный, процесс концептуального усвоения»⁹⁷ и что «на ранних стадиях развития любой науки различные исследователи, сталкиваясь с одними и теми же категориями явлений, далеко не всегда одни и те же специфические

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России. Стб. 28–29.

Там же. Стб. 6–7, 24–27, 31, 36–39.

Киреева Р. А. Государственная школа... С. 101–102.

Соловьёв С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям... С. 34–37.

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С.

33.

Кун Т. С. Структура научных революций. С. 88.

явления описывают и интерпретируют одинаково»⁹⁸. В рамках нашей темы этому наблюдению соответствует то, что в оценках одной группы исследователей (Н. А. Полевой, Н. Г. Устрялов, К. Д. Кавелин) раздел Ярослава представлен как акт установления удельной системы, в оценках другой группы — как один из этапов в процессе образования уделов (Екатерина II, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) и утверждения приоритета старшего из братьев в княжеском роду (А. Ф. М. Рейц, М. П. Погодин). Появляются «синтетические» репрезентации, представлявшие комбинацию разных гипотез (Н. Г. Устрялов, К. Д. Кавелин), что позволяет охарактеризовать этот период в историографии ряда как *концептуальный*.

Там же. С. 42.

Глава 2. Формирование исследовательских представлений в середине XIX — начале XX вв.

1.2. Первые критические интерпретации ряда Ярослава I в середине XIX в.:

С. М. Соловьёв и М. П. Погодин.

публикацией докторской диссертации С. М. Соловьёва «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома» (1847), первого монографического исследования, посвященного проблеме междукняжеских отношений, начинается формирование нового интерпретационного подхода к завещанию Ярослава I. Работа Соловьёва была ориентирована на утверждение представлений о единстве княжеского рода, обеспечивавших единство России, которые он противопоставил представлению о распаде государства с началом «удельного периода» после смерти Ярослава I, сформулированному М. М. Щербатовым, Н. М. Карамзиным, Н. А. Полевым, Н. Г. Устряловым и К. Д. Кавелиным.

Для обоснования своей точки зрения Соловьёв, следуя практике юридической школы, прибег к терминологическому анализу источников, что позволило продемонстрировать вторичность термина «удел» по отношению к летописным терминам «волость» и «стол». Следствием стал вывод о том, что устоявшиеся к тому моменту в историографии выражения «удельный период» и «удельная система» приводят к «совершенно ложному, обратному представлению, выставляя господство удела, владения, отдельной собственности, в то время, когда господствовали родовые отношения при нераздельной родовой собственности». Это утверждение, выраженное Соловьёвым более аргументировано, чем Полевым, поставило на повестку дня вопрос о создании альтернативной периодизации развития междукняжеских отношений, для которой исследователь предложил несколько критериев, таких как стремление князей к самовластию, замена родовой собственности удельной, борьба за ликвидацию уделов, вытеснение родовых отношений государственными (начатое Андреем Боголюбским во 49

второй половине XII столетия), окончательную победу которых он относил к XVI в.⁹⁹ Таким образом, была предпринята попытка дистанцироваться не только от терминологии предшествующей историографической традиции (включая Устрялова и Кавелина, которые, подобно Соловьёву, разделяли положения родовой теории), но и от выработанной ею периодизации, в которой одним из ключевых моментов был раздел Ярослава I.

Относительно отражения последней воли князя в летописи Соловьёв писал следующее: «...Если внимательнее взглядеться в это место, то нельзя не признать его позднейшим сочинением, именно по тем словам, которые летописец влагает в уста умирающего князя и которые получили значение позже, во время страшных усобиц между потомками Ярослава! Вот эти слова: "Се яз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья одинаго отца и матери; аще будете в любви межи собою, Бог будет в вас, и покорить вы сопротивныя под вы, и будете мирно живуще. Ащель будете ненавистно живуще, в прях котороющесь, то погинете сами, и землю отец своих и дед своих, иже налезоса трудом своим великим; но пребывайте мирно, брат брата послушающе"... И так раздели им грады, заповедав им не преступати предел братия, ни згонити". Эти выражения принадлежат к тем местам в летописи, которые встречаются постоянно в известных случаях; так, напр., у летописцев есть освященные обычаем выражения для описания свойств доброго князя; есть обычные выражения, прибавляемые к описанию княжеских котор, народных восстаний, половецких нашествий и проч.»¹⁰⁰.

Исходя из этой цитаты, есть основания заключить, что С. М. Соловьёв был первым исследователем, сконцентрировавшим внимание на критическом анализе текста летописного рассказа, — в том числе, составляющих его «устойчивых выражений» (совокупность которых позднее, в XX в., получит название «литературного этикета»). Историк указал ближайшую, по его

Соловьёв С. М. История отношений... С. 109, 110, 112–113.

Там же. С. 142.

мнению, параллель к рассказу о последней воле Ярослава, заметив, что те же слова, которые летописец вложил в уста Ярослава, используются под 1097 г.

рассказе о том, как митрополит Николай уговаривал Владимира Мономаха не воевать со Святополком Изяславичем после того как Святополк стал соучастником ослепления Василька Ростиславича. Однако Соловьёв не ограничился этой параллелью и, пытаясь обосновать представление о том, «мы никак не должны принимать описание кончины Ярослава I за факт несомненный», отметил наличие некоторых несообразностей и в описании последовательности событий.

«В начале описания сказано: "Еще живу суцу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рек им: "Се яз отхожу света сего". "Наряди сыны своя" показывает, что все сыновья тут были, но каким же образом случилось, что во время кончины в. к. подле него был только один Всеволод? Каким образом Изяслав, которому умирающий князь поручает старшинство и киевский стол, оставляет смертный одр его и едет в Новгород? Он не мог думать, что отец еще долго проживет, потому что в летописи Ярослав говорит: "Се яз отхожу свете сего". Вместе с Изяславом разъехались все другие Ярославичи, кроме Всеволода, который и похоронил отца; даже не было Игоря, самого младшего, которому и стол не был назначен. О Святославе Черниговском сказано, что он был во время отцовской смерти во Владимире — вероятно, для дел ратных. Изю всего видно, что летописец, желая непременно заставить Ярослава сказать что-нибудь о братолюбии, соединил два отдаленные друг от друга события: рассылку сыновей по областям и кончину Ярослава»¹⁰¹.

Этот пассаж нужно рассматривать не только как опыт внутренней критики текста, но и как опыт авторской реконструкции событий. Следует обратить внимание на утверждение С. М. Соловьёва о том, что Изяслав Ярославич уехал на княжение в Новгород. Это являлось данью

Там же. С. 143.

предшествующей историографической традиции, хотя в то время уже был известен Ипатьевский список «Повести временных лет», в котором указывалось, что местом княжения Изяслава был Туров. Не менее показательно и утверждение о том, что Игорю, младшему сыну Ярослава, стол не был назначен отцом. Позиция Соловьёва по данному вопросу (см. 2.1) сводилась к тому, что Игорь не получил волости, потому что оставался при отце, а после его смерти был наделен своими братьями Владимиром на Волыни. Уязвимость этого построения демонстрирует внутреннее его противоречие — утверждая, что Игорь находился при отце, Соловьёв, чтобы согласовать свое предположение с летописным рассказом, все же был вынужден допустить, что он отсутствовал в момент кончины Ярослава, — как следует из цитаты, приведенной выше. В то же время Соловьёв, как и другие приверженцы родовой теории, попытался опровергнуть представление Карамзина об особом характере этого надела и утверждал, что «Игорь владел своей областью точно также, как другие братья владели своими», исходя из концептуального представления о том, что «различия в способе владения *уделов частных* и каких-нибудь других еще быть в то время не могло, ибо господствовали исключительно родовые отношения, а не отношения собственности, по зависимости»¹⁰². Это высказывание является еще одним свидетельством того, что Соловьёв пытался дистанцироваться от историографической традиции, предшествовавшей родовой теории. Но это удалось лишь частично, так как свой вывод историк сделал на базе объяснения, сформулированного Карамзиным, предложив для него альтернативную интерпретацию.

Ключевое место в построениях С. М. Соловьёва, как и других приверженцев родовой теории, занимал вопрос о приоритете «старейшинства» в княжеском роду, однако его позиция отличалась от подхода предшественников. Если Рейц писал о постепенном формировании

Там же. С. 141–142.

приоритета «старейшинства», то Соловьёв представлял приоритет «старейшинства», сопряженный с великокняжеским титулом, как статичное явление, воспринимаемое догматически, что видно из первого же его утверждения: «Старший в роде княжеском, или великий князь, принимал в отношении к младшим членам рода значение отца, был для них в *отца место*, по тогдашнему выражению». Однако, следующие затем семь примеров из Ипатьевской и Радзивилловской летописей, приведенных им для обоснования этого утверждения, относятся к событиям конца XI или к XII в., — то есть, к позднему периоду развития междукняжеских отношений, тогда как Рейц и Погодин обращали внимание на более ранние летописные свидетельства о приоритете «старейшинства», — из чего следует, что вопрос об истоках явления и его проявлениях в более ранний период пока был для Соловьёва непринципиален. Он предпочел сфокусировать внимание на особенностях взаимоотношений младших князей и старшего (великого) князя, который, по его мнению, «был только совладельцем с младшими родичами и распоряжался волостями сообща с ними»¹⁰³. Обязанностью старшего князя, по Соловьёву, являлось поддержание справедливости и соблюдение интересов каждого члена княжеского рода, а не собственных выгод, в то время как младшие князья должны были подчиняться старшему при соблюдении им этих условий. В то же время, специфика репрезентативных приемов, использованных С. М. Соловьёвым, обусловила нивелирование вопроса о возникновении и развитии приоритета «старейшинства» и, как следствие, нивелирование вопроса о политическом значении завещания Ярослава I, которое в тексте никак не выражено. О том, что Соловьёв, подобно своим предшественникам, все же воспринимал его как определенную грань, мы можем судить по тому, что рассказом о последней воле Ярослава он завершил главу, посвященную первому этапу развития отношений в роду Рюриковичей.

Там же. С. 117, 120.

Более конкретный взгляд на завещание Ярослава мы можем найти в другой работе С. М. Соловьёва — статье «О родовых княжеских отношениях западных славян», опубликованной в альманахе «Комета» в 1851 г., где проводятся параллели между последней волей Ярослава и его современника, чешского князя Брячислава (Бржетислава) I. Как отмечал исследователь, «...для нас он особенно замечателен тем, что ему приписывается полное восстановление старого славянского обычая, по которому целый род княжеский должен был сообща владеть Чешской землею, причем старший стол должен был переходить всегда к старшему в целом роде князю». Таким образом, заключает Соловьёв, «с 1054 года, по смерти Брячислава I, мы видим, что в Богемии начинает владеть целый род княжеский с переходом главного стола к старшему в целом роде; то же самое явление мы видим у нас на Руси начиная с того же самого времени, то есть, с 1054 года, со смерти Ярослава I»¹⁰⁴. Очевидно, что трансформация представлений историка была вызвана необходимостью синхронизации политических процессов в Чехии и на Руси, для чего дата смерти Бржетислава I была сдвинута на один год (согласно хронике Козьмы Пражского, князь скончался в 1055 году)¹⁰⁵. На материале чешской истории Соловьёв стремился продемонстрировать общность «братского совладения» у славянских народов, которое было представлено как исконный обычай по отношению к наследованию по праву первородства, способствовавшему введению в политическую практику единовластия. Лакуна в его концепции, связанная с проблемой генезиса междукняжеских отношений, оказалась до определенной степени заполнена.

Еще раз к вопросу о завещании Ярослава С. М. Соловьёв обратился в 1852 г. во втором томе «Истории России с древнейших времен», где заметно

Соловьёв С. М. О родовых княжеских отношениях у западных славян // *Его же*. Сочинения. Кн. 23 (дополнительная). Статьи, рецензии, выступления. М.: Мысль, 2000. С. 27. См. также: Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2 // *Его же*. Сочинения. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. С. 347.

Ср. *Козьма Пражский*. Чешская хроника (Вступит. статья, перевод и комментарий Г. Э. Санчука). М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 122, 123.

продолжение тенденции, заложенной в статье «О родовых княжеских отношениях...», но определенно противоречащей взгляду, представленному «Истории отношений между русскими князьями...». На первый аспект указывает противопоставление феодальных отношений, господствовавших в «латино-германской Европе», родовым отношениям, господствовавшим в славянских странах и на Руси, что является данью стереотипу, получившему распространение в историографии с начала 1830-х гг. Индикатором второго аспекта является стремление Соловьёва интерпретировать летописный рассказ под 1054 г. как источник информации об отношениях между старшими и младшими князьями, несмотря на то, что пятью годами ранее он рассматривал его как набор литературных формул и заявлял: «мы никак не должны принимать описание кончины Ярослава I за факт несомненный». Теперь же ход мысли исследователя оказался иным.

«Общим родоначальником почти всех княжеских племен (линий) был Ярослав I, которому приписывают первый письменный устав гражданский, так называемую Русскую Правду; посмотрим, не дал ли он какого-нибудь устава и детям своим, как вести себя относительно друг друга? К счастью, летописец исполняет наше желание: у него находим предсмертные слова, завещание Ярослава своим сыновьям. По словам летописца, Ярослав перед смертью сказал следующее: "Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и от одной матери. Если будете жить в любви между собою, то бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга; свой стол — Киев поручаю вместо себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: пусть он будет вам вместо меня". Раздавши остальные волости другим сыновьям, он наказал им не выступать из пределов этих волостей, не выгонять из них

друг друга и, обратясь к старшему сыну, Изяславу, прибавил: "Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному"».

данном случае летописный рассказ о завещании Ярослава, по аналогии с «Русской правдой» интерпретированном как «устав», использовался С. М. Соловьёвым для иллюстрации общей модели междукняжеских отношений. Сомнения в его достоверности были отброшены, а авторский комментарий призван стать аргументом в пользу его представлений о «братском совладении», сформулированных в статье о родовых княжеских отношениях у западных славян. «...Князья должны любить друг друга, слушаться друг друга, слушаться старшего брата, как отца; ни слова о правах младших братьев, об их обязанностях как подчиненных владельцев, относительно старшего как государя всей страны; выставляются на вид одни связи родственные, одни обязанности родственные; о государственной связи, государственной подчиненности нет помину» — писал исследователь¹⁰⁶, как и прежде, пытаясь дистанцироваться от историографической традиции XVIII и XIX в. Структурные элементы модели взаимоотношений между старшими и младшими князьями, разработанные в докторской диссертации Соловьёва и иллюстрировавшие его представления о приоритете «старейшинства», в «Истории России...» были сохранены, а сам порядок наследования столов по старшинству получил терминологическое определение «лествичное восхождение», заимствованное историком из Никоновской летописи¹⁰⁷ (сходную идею еще в начале 1840-х гг. высказал Погодин)¹⁰⁸. Подобная «иллюстративная» репрезентация летописного рассказа о последней воле Ярослава позднее использовалась Соловьёвым и в «Общедоступных чтениях по русской

Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 333–334.

Там же. С. 337.

Погодин М. О старшинстве между великими князьями... С. 84–85.

истории»¹⁰⁹. Это разнообразие представлений может служить не только свидетельством интеллектуальной эволюции историка и трансформации его исследовательских приоритетов, но и свидетельством того, что мы имеем дело с разными по целевому назначению видами исторического исследования¹¹⁰.

Основываясь на этом, можно заключить, что наблюдения Соловьёва заложили основу нового подхода к завещанию Ярослава, отличительными чертами которого, помимо критицизма, стали более последовательная, чем у его коллег по родовой теории, фокусировка внимания на летописной терминологии; стремление дистанцироваться от историографической традиции предшествующего периода и выработанных ею понятий; сравнительно-историческое рассмотрение изучаемого явления¹¹¹. В то же время, его приоритетом являлась концептуальная интерпретация летописного рассказа в рамках родовой теории, позволившая конкретизировать ее структурные элементы и сформулировать общую модель междукняжеских отношений между старшими и младшими князьями, формирование которой было начато Рейцем, Погодиным и Кавелиным, тогда как результаты критики текста оказались второстепенными и дальнейшего развития в творчестве исследователя не получили.

Следует отметить, что эти результаты не были приняты даже К. Д. Кавелиным, который в подробной рецензии отказался согласиться с мнением том, что завещание Ярослава есть позднейшее сочинение, назвав доводы слишком слабыми, а текстологические аргументы — второстепенным доказательством, «уважительном при других и ничего не значащим само по

Соловьёв С. М. Общедоступные чтения по русской истории // *Его же*. Сочинения. Кн. С. 263–264.

См. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука... С. 77.

Подробнее о применявшихся Соловьёвым методах см.: Черепнин Л. В. С. М. Соловьёв как историк // *Его же*. Отечественные историки XVIII–XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. С. 28–29; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX вв. Московский и Петербургский университеты. М.: Наука, 2003. С.

себе», поскольку «одинаковость выражений в завещании и других местах летописи указывает на одинаковость их предмета содержания — никак не более». «Что слова, сказанные Ярославом, получили значение не прежде усобиц между потомками этого великого князя, едва ли справедливо», а что «касается до сомнений, выводимых из разбора самого завещания, то они нам кажутся не более как натяжкой» — таким заявлением Кавелин предварял собственные критические рассуждения о тексте завещания, исходя из представления о том, что перед Ярославом «были примеры Святославичей и его братьев Владимировичей», а так как «в распрях последних он сам принимал деятельное участие», то «опыт не мог не умудрить такого умного человека, каков был Ярослав»¹¹².

Из приведенных высказываний Кавелина видно, что его критика текстологических аргументов Соловьёва строилась не столько на конкретных наблюдениях над текстом, сколько на общих рассуждениях в духе Карамзина, из которых следовало, что в завещании «очень заметно стремление Ярослава создать прочную систему, и если ему это не удалось, если начала, положенные им во главу угла его системы, были слишком шатки и недостаточны, то во всяком случае она есть нечто новое в нашем политическом устройстве и в сравнении с прежним порядком вещей представляет собой шаг вперед, высшую ступень в развитии родовых понятий». Эту «высшую ступень» Кавелин видел в установлении Ярославом иерархического порядка и политической зависимости между братьями, которое должно было обеспечить единство Руси, которое утрачивалось, как только власть оставалась в руках братьев, равных между собой по рождению. «Против этого-то и направлено все завещание» — писал рецензент, считавший, что «Ярослав не мог, по времени, в котором он жил, отрешиться от мысли, что Россия есть наследственная вотчина его детей; но он старался помирить это представление с другим, противоположным ему, а именно с

Кавелин К. Д. [Рец на кн.]: История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. Статья вторая // Современник. 1847. Т. 6. Отд. 3. С. 186.

неясным, смутным представлением о государстве». Для этого было необходимо «возвести начало рода в степень политической системы, что Ярослав и сделал, хотя и несовершенно, потому что юридические элементы вовсе не были развиты в Древней Руси». Исследователь полагал, что «самая недостаточность мер, предложенных в завещании, говорит в его пользу» и «будь оно составлено позднее, оно непременно предвидело бы поводы распрей и замешательств, обнаружившихся в так называемый период уделов, и которых не мог предвидеть Ярослав»¹¹³.

По сути дела, в рецензии Кавелин в несколько упрощенном виде повторил аргументы, изложенные в статье «Взгляд на юридический быт Древней России». При этом он пытался нивелировать текстологические наблюдения Соловьёва с помощью общих рассуждений, а не с помощью контраргументов, опиравшихся на данные источников. Трудно сказать, насколько критика Кавелина повлияла на трансформацию взгляда Соловьёва на завещание Ярослава в работах 1850—1851 гг., но нельзя не отметить, что она может рассматриваться не только в качестве показателя восприятия критически ориентированного подхода в интерпретации завещания Ярослава¹¹⁴, но и в качестве показателя его противостояния с концептуально ориентированным подходом.

Во второй половине 1840-х гг. в «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории» продолжилось оформление концепции М. П. Погодина, чьи расхождения с Соловьёвым начались с появлением работы

Там же. С. 187–188. Ключевые положения рецензии Кавелина разобраны в дополнениях ко второму тому «Истории России» (Соловьёв С. М. История России... Т. 1–2. С. 649–659). О критике Соловьёва см. также: Киреева Р. А. Историческая наука в России XIX века в трактовке К. Д. Кавелина. С. 144–147.

В историографии конца 1840-х гг. можно указать на оговорку, сделанную при воспроизведении текста завещания Ярослава I А. С. Клевановым и заключающуюся в том, что слова умирающего князя, обращенные к сыновьям, в его уста влагает летописец (Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М.: Типография А. Семена, 1849. С. 43). В более позднем труде (Клеванов А. Летописный рассказ событий в Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1871. С. 95–96) эта оговорка отсутствует.

«Об отношении Новгорода к великим князьям»¹¹⁵. Специфика труда Погодина заключалась в том, что он не представлял собой цельного исторического повествования, а был структурирован по тематическому принципу, представлявшему «механическую систематизацию летописного содержания по рубрикам»¹¹⁶, обусловленную «математическим методом» исследователя (см. 1.2).

IV томе «Исследований...» (1850), который охватывал так называемый удельный период от смерти Ярослава I до татаро-монгольского нашествия (1054—1240), Погодин повторил свои соображения о «старейшинстве», «лестничном» порядке наследования и отчинном праве. Кроме того, затронув вопрос о политической роли великого князя Киевского, он пришел к выводу, что хотя по завещанию Ярослава великий князь должен был быть «в отца место» меньшим своим братьям, это было «именное старшинство, почетное титуло, завидное владение», но реальный объем власти зависел от находившегося в его распоряжении ресурсов. Раздел Ярослава исследователь представил как наделение сыновей отчинами, но, в то же время, как и Соловьёв, высказал предположение о том, что «Ярослав роздал города *гораздо прежде своей смерти*, и это ясно видно из того, что во время смерти сынов при нем никого не было, кроме одного, соседнего из Переяславля, Всеволода <...> Не может же быть, чтобы они только теперь разъехались от умирающего отца, который проводил их в уделы, да тотчас и умер» — писал Погодин. Однако он не ограничился этим утверждением, заметив следующее: «Рассматривая сказание Нестора, можно подумать, что речь Ярославова с наставлениями и распоряжениями вставлена после <...>. Впрочем, и без вставки, по ходу повествования, можно понимать, что

Соловьёв С. М. Мои записки... С. 567–570, 573–574, 593–596, 598–600, 611–613. Ср.: Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М.: Наука, 1980. С. 30–32; Цимбаев Н. И. Сергей Соловьёв. М.: Молодая Гвардия, 1990. С. 155–173; Соколов Р. А. О Сергее Михайловиче Соловьёве // Соловьёв С. М. Древнерусские князья. С. 8–15; Умбрашко К. Б. М. П. Погодин — человек, историк, публицист. С. 173–182.

Милуков П. Н. Главные течения... С. 306.

летописатель возвращается здесь к прежнему времени и рассказывает события минувшие; с другой стороны, нет никаких причин полагать, чтобы он относил распоряжения ко времени перед самой смертью Ярослава»¹¹⁷.

Хотя нельзя утверждать, сделал ли М. П. Погодин этот вывод на основании собственных наблюдений, или на него оказали определенное влияние наблюдения, сделанные С. М. Соловьёвым, надо отметить, что тенденция к критической интерпретации летописного рассказа под 1054 г. получила свое продолжение. Погодин первым из исследователей поставил на повестку дня вопрос о месте княжения Изяслава Ярославича в момент смерти отца, высказавшись не в пользу общепринятой в то время версии, о княжении Изяслава в Новгороде, а в пользу версии, предложенной в Ипатьевском и Хлебниковском списках «Повести временных лет», по которой Изяслав находился на княжении в Турове. Обращение к этому вопросу, прежде проходившему мимо внимания историков, было обусловлено предположением о том, что уделы сыновей Ярослава представляли собой отчины, заставившим Погодина заняться поиском отчины Изяслава.

Погодин подробно обрисовал поиск ответа на этот вопрос: «...Что же должно было достаться старшему Ярославову сыну Изяславу? На что имели право его дети после смерти отца, когда киевский стол должен был достаться их дяде, черниговскому князю Святославу? У Святославовых детей была отчина Чернигов, у Всеволодовых Переяславль, и проч., где роды их могли найти себе всегда пристанище и уделы, кому бы ни доставался Киев, а Изяславову роду куда было деваться в подобных случаях? <...> Долго думал я над этим затруднением и покончил было следующим рассуждением: Ярослав роздал уделы сыновьям, предоставляя им, при новых обстоятельствах, когда кто-либо из них умрет, старший или младший, поделиться сизнова, как то мы увидим у них по смерти Вячеслава...». Изначально, предположение заключалось в том, что Изяслав мог раздать

Погодин М. Исследования... Т. 4. М.: Университетская типография, 1850. С. 419, 423–424, 426.

своим сыновьям города в отчины, которые могли быть утверждены его преемниками на киевском столе на правах «частных уделов». Но, заключает исследователь, «счастливый случай разрешил мне мое недоумение гораздо лучше вернее и положительнее предложенного рассуждения», а далее высказывает предположение, что «отчиной Изяславу роду был Туров», мотивируя свое заключение тем, что здесь княжили потомки Изяслава Ярославича, из чего и был сделан вывод о том, что Туров являлся для Изяславичей отчиной¹¹⁸.

Этот пассаж показывает, каким образом вследствие авторской характеристики раздела Ярослава I как раздела отчин удалось актуализировать летописное известие о Турове, хотя, на первых порах, для заполнения лакуны в своей концепции Погодин склонялся к тому, чтобы актуализировать гипотезу Карамзина о «частных уделах», а чуть далее — удивлялся тому, как Карамзин мог «просмотреть» отчину Изяслава в Ипатьевском списке и где видел пребывание Изяслава в Новгороде. Последнее замечание свидетельствует о том, что источник альтернативной гипотезы о месте княжения Изяслава Ярославича, известной в то время по Воскресенской летописи, Погодину известен не был. Погодин не обошел вниманием и другой историографической проблемы, обязанной своим появлением Карамзину: вопроса о том, от кого получил свой удел Игорь Ярославич. Как мы показали выше, Соловьёв отверг предположение Карамзина лишь частично — в той части, которая касалась мнения о «частном уделе» и противоречила его модели родовых отношений, — но не отказался от него целиком. Погодин, напротив, отверг гипотезу Карамзина полностью и попытался обосновать мысль о том, что Игорь получил свой удел непосредственно от Ярослава, предположением, что его имя могло выпасть при переписке текста¹¹⁹.

Там же. С. 424–427.

Там же. С. 429–431.

Построения Погодина вызвали критику С. М. Соловьёва, который в своей рецензии на IV том «Исследований», опубликованной в журнале «Отечественные записки» (1851), высказался, в частности, против дополнений, сделанных Погодиным к родовой теории¹²⁰. Если сопоставить их точки зрения, становится очевидным, что дополнения Погодина являлись конкретизацией идеи Рейца о противостоянии права «старейшинства» и «отчинного» права, которая лежала в основе предположения Кавелина о противостоянии «родового» и «семейственного» начала¹²¹, тогда как Соловьёв сформулировал более жесткую модель, с ориентацией на приоритет родовых отношений и права «старейшинства», над семейными отношениями отчинным правом. Вследствие этого расхождения между исследователями возникли как в определении функций старшего представителя княжеского рода (великого князя), так и в реконструкции порядка наследования волостей. Соловьёв, выступив против предположения Погодина об «именном старшинстве» великого князя, для обоснования своей точки зрения обратился к летописным известиям, датированным 1195 г., тогда как Погодин обосновал свой вывод о том, что «великий князь был только что первый, старший между равными»¹²², на анализе летописных известий с упоминанием киевских князей с 1054 по 1097 гг.

Иначе говоря, Соловьёв аргументировал свою точку зрения путем экстраполяции позднейших явлений на более ранний период, исходя из представления о неизменности родовых отношений. Погодин аргументировал свою позицию, опираясь на наблюдения над конкретно-

Соловьёв С. М. [Рец. на кн.]: М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4 // *Его же*. Сочинения. Кн. 23. С. 201–209.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука... С. 62.

Погодин М. Исследования... Т. 4. С. 407. Об употреблении титула «великий князь» в древнерусский период (в том числе в статье 1054 г. Лаврентьевской летописи) и о трактовках этого термина в историографии XIX—XX вв. см. в кн. *Филюшкин А. И.* Титулы древнерусских государей. М., СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 24–26, 31–32.

историческим материалом, близким к рассматриваемой эпохе¹²³. Аналогичным образом, в вопросе о порядке наследования волостей корень разногласий заключался в том, что Соловьёв абсолютизировал модель родового совладения с порядком наследования по старшинству (то есть, «лествичным» правом), а Погодин, наряду с наследованием по старшинству допускал наследование волостей внутри отдельных княжеских линий, обусловленное отчинным правом. Соответственно, ими по-разному трактовалось понятие «отчина». Соловьёв рассматривал отчину как волость, право владения которой переходило по наследству от отца к сыну и реализовывалось в порядке старшинства между членами отдельных княжеских линий (по его терминологии — племен). Погодин представлял отчину наследственным владением определенной княжеской линии. Но Соловьёв считал такой вариант актуальным, если речь шла об отчине, выделенной князьям-изгоям, лишенным права участвовать в общих разделах рода. Эта позиция обусловила критику Соловьёвым гипотезы Погодина о княжении Изяслава Ярославича в Турове и последующем превращении его в наследственную отчину Изяславичей. Дискредитировать это предположение он пытался не только за счет сомнений в первоначальности этого чтения летописи и собственных рассуждений о принципах замещения новгородского туровского стола, но и за счет ссылки на мнение Карамзина, от которого обычно дистанцировался.

Несмотря на критику, в процессе дальнейшего развития взгляд Погодина на модель междукняжеских отношений изменился столь же мало, как и взгляд Соловьёва, чего нельзя сказать о критическом подходе к завещанию Ярослава. В V томе «Исследований» (1857), пытаясь обосновать отвергнутую Соловьёвым мысль, что двигателем этих отношений являлась борьба за владения, Погодин сослался на летописную статью 1054 г.: «Из

¹²³ Это наблюдение позволяет говорить об использовании противоположных методов построения гипотез: сформировавшегося под влиянием гегельянской философии дедуктивного метода Соловьёва и близкого к позитивистской методологии индуктивного («математического») метода Погодина.

слов Ярослава, разделившего пред кончиною волости, ясно, что он сам, по ходу дела, по обстоятельствам времени, по характеру действующих лиц, предвидел последующие междоусобия: “и тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братьня, ни сгонити”»¹²⁴. Критическое представление о завещании Ярослава как о позднейшей вставке, сделанной летописцами, вновь было отброшено ради иллюстрации концептуального тезиса¹²⁵. Зато теоретические аспекты модели междукняжеских отношений оказались более устойчивыми.

статье «Взгляд на удельный период от кончины Ярослава до нашествия монголов» (1861) Погодин повторил положения о Турове, как отчине Изяславичей, об ограничении старшинства отчинным правом и об эфемерности власти киевского князя над другими князьями, которая ограничивалась пределами его собственного Киевского княжества (или майората), если не складывались обстоятельства к ее расширению¹²⁶. Эти же положения были воспроизведены во втором томе итогового труда Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» (1871)¹²⁷. С конкретно-исторической точки зрения его трактовка выглядела следующим образом. С одной стороны, Погодин вернулся к представлению об опосредованности «наставления Ярослава детям при наделении их областями», признав, что оно передано через посредство летописателя. С другой стороны, он связал с княжением Ярослава окончание первого периода русской истории, который «по всей справедливости, можно назвать варяжским или норманским», за

Погодин М. Исследования... Т. 5. М.: Университетская типография, 1857. С. 116.

В этой связи показательным наблюдением является О. М. Медушевской, отмечавшей, что «появление нового отношения к качеству исторических сообщений является индикатором нового сознания», но «традиционное некритическое отношение к сообщению в принципе чрезвычайно устойчиво», так как «оно восходит к основам психики» (*Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. С. 149).

Погодин М. Взгляд на удельный период от кончины Ярослава до нашествия монголов // *Его же.* Историко-критические отрывки: В 2 книгах. Кн. 2. М.: Синодальная типография, 1867. С. 76–77, 82, 84.

Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига: В 2 томах. Т. 2. М.: Синодальная типография, 1871. С. 406–408.

которым последовал удельный период от кончины Ярослава до покорения России монголами. Характер отношений между Ярославичами историк раскрыл формулировками о том, что «Изяслав, как старший из оставшихся сыновей Ярослава сел по его кончине на стол киевский, имея отчиною Туров» и «лет двадцать жили Ярославичи в согласии, по крайней мере, наружном, рядили ряды дома, обороняли Русскую землю, соединенными силами ходили на войну»¹²⁸. Таким образом, в характеристике взаимоотношений между сыновьями Ярослава, Погодин, по сути дела, вернулся к представлениям Ф. А. Эмина, М. Н. Муравьёва и Н. М. Карамзина. Единственная новация заключалась в том, что, сохранив взгляд на Туров как на отчину Изяслава, Погодин все же допустил, что в момент смерти Ярослава он мог находиться на княжении в Новгороде, — то есть, синтезировал информацию Ипатьевской и Воскресенской летописей.

Взгляды М. П. Погодина на завещание Ярослава I претерпели такую же эволюцию, как у С. М. Соловьёва, трансформируясь в зависимости от цели исследования: критическую интерпретацию летописного рассказа под 1054 г. сменила «иллюстративная» концептуальная интерпретация с традиционной характеристикой раздела 1054 г. как начала «удельного периода». По сравнению с Соловьёвым, Погодин уделил большее внимание критическому анализу проблем, вытекавших из лакун летописного рассказа и историографических расхождений в их интерпретациях. Сформулированная им в рамках родовой теории модель междукняжеских отношений оказалась менее жесткой, чем модель, предложенная Соловьёвым, и учитывала сосуществование разных принципов наследования в княжеском роду.

Выводы. Наблюдения С. М. Соловьёва и М. П. Погодина над текстом летописной статьи 1054 г. положили начало критическому подходу в интерпретации завещания Ярослава I, который начал сосуществование с

Там же. Т. 1. С. 66, 72, 95. См. также: *Ключевский В. О.* М. П. Погодин [Рец. на кн. М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига»] // *Ключевский В. О.* Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 7. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 280–297.

концептуально ориентированным подходом, сложившимся на рубеже XVIII—XIX вв. Для каждого из основоположников этого подхода было характерно стремление дистанцироваться от предшествующей историографической традиции и предложенных ею интерпретаций и терминов, что является показателем методологического прорыва в изучении проблемы¹²⁹. Наиболее последовательное развитие эта тенденция получила у Соловьёва, тогда как Погодин сохранил некоторые термины предшествующего периода (напр., «удел», «удельный порядок»). Из интерпретаций Соловьёва полностью, а из интерпретаций Погодина частично исчезло ключевое для историографии XVIII — первой половины XIX вв. определение раздела 1054 г. как раздела «государства», хотя само понятие использовалось ими и применительно к древнерусскому периоду¹³⁰. Однако, лишь рассмотрев работы их последователей, можно понять, насколько разрабатываемые ими идеи и подходы получили развитие в историографии междукняжеских отношений второй половины XIX — начала XX вв., анализу которой посвящены следующие параграфы.

2.2. Интерпретации ряда Ярослава I

в теории родового быта во второй половине XIX — начале XX вв.

Чтобы выяснить, какой подход в авторских интерпретациях завещания Ярослава I получил распространение после появления критически ориентированных идей С. М. Соловьёва и М. П. Погодина, следует обратить внимание на ключевые работы исследователей, реконструировавших междукняжеские отношения в рамках родовой теории, хотя не все из них сформулировали свою точку зрения по поводу раздела 1054 г.¹³¹

См.: Кун Т. С. Структура научных революций. С. 215; *Его же*. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. С. 42.

Ср.: Погодин М. Исследования... Т. 3. С. 475–489; Соловьёв С. М. История России... Т. 1–2. С. 261.

Например, один из лидеров второго поколения «государственной школы» Б. Н. Чичерин, в 1860-х гг. преподававший в Московском университете, в «Опытах по истории русского

Через год после выхода в свет IV тома «Исследований» Погодина академик К. А. Неволин (1806—1855), один из представителей «государственной школы», преподававший в Петербургском университете историю законодательства, опубликовал статью «О преемстве великокняжеского Киевского престола» (1851), в которой, основываясь на совокупности летописных данных, реконструировал порядок престолонаследия в Киеве, начиная с кончины Владимира I, и пришел к выводу о том, что до последней четверти XII в. киевский стол за некоторыми исключениями наследовался согласно родовому старейшинству, каковое он считал действовавшим уже в тот момент, когда киевский стол после смерти Владимира занял старший брат Ярослава Святополк (1015), но недостаточным для прочного обеспечения власти.

Летописный рассказ о завещании Ярослава Неволин трактовал как акт применения обычного права. «Ярослав, делая по смерти своей распоряжение русских землях, находившихся под непосредственною его властью, отказал киевский престол старшему из своих сыновей, бывших в то время живыми, Изяславу. Таким образом, Изяслав Ярославич занял киевский престол на основании последней воли своего отца. По крайней мере так повествует летописец» — этим исчерпывается критическая составляющая. Внимание фокусируется на том, на каком основании Ярослав сделал распоряжение о киевском престоле. Неволин считал, что «он имел для того примеры из прежнего времени», когда Рюрик передал власть Олегу, а Святослав Ярополку, и находился под влиянием обычая. «Пользуясь своим правом, Ярослав действовал, сколько возможно было, без нарушения обычных прав

права» (1858), рассмотрел проблему наследования среди русских князей XIV—XVI вв., для более раннего периода ограничившись замечанием о том, что «первые князья Рюриковичи, Святослав, Владимир, Ярослав, владели весьма обширным пространством земли», но «умножение их потомства, при частном способе наследования, произвело чрезвычайную дробность их владений» (Чичерин Б. Н. *Опыты по истории русского права*. М.: Типография Э. Баркиехта, 1858. С. 283).

других лиц», поэтому, «из своих сыновей, оставшихся в живых, он назначил своим преемником на киевском престоле старшего сына»¹³².

Подход К. А. Неволлина к интерпретации завещания Ярослава I мы охарактеризовали бы как консервативный — не только по отношению к источниковедческим наблюдениям Соловьёва и Погодина¹³³, которые не оказали на него влияния, но и по отношению к интерпретациям Рейца и Кавелина, — поскольку он видел здесь лишь проявление родовой традиции, уходящей корнями в IX–X вв. Его представление об ординарности этого акта развития междукняжеских отношений было близко к воззрению, которое формировалось в трудах Екатерины II, М. Н. Муравьёва, Н. М. Карамзина, хотя и без характерной для них феодальной трактовки, чем к воззрениям коллег по родовой теории.

Один из основоположников изучения истории русских земель Д. И. Иловайский (1832—1920), защитивший в Московском университете магистерскую диссертацию «История Рязанского княжества» (1858), писал о разделении волостей между сыновьями Ярослава I, как об акте, надолго определившем развитие составных частей Древней России. «Святослав Ярославич получил на свою долю черниговский удел. К этому уделу кроме Северской земли причислялась долина Оки и Тмутраканское княжество, точно также как к Переяславскому уделу Всеволода принадлежало почти все верхнее Поволожье. Существование такого деления подтверждается событиями восточной Руси во второй половине XI в. и особенно Любецким съездом, на котором все течение Оки навсегда укреплено за родом Святослава Ярославича»¹³⁴. Столь лаконичная интерпретация раздела 1054 г.,

Неволин К. А. О преемстве великокняжеского престола // Его же. Полное собрание сочинений: В 6 томах. Т. 6. О различных предметах законовведения. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. С. 589–590, 592–593.

Термин “источниковедение” получил распространение в отечественной историографии лишь в 1870-х гг., благодаря трудам А. Г. Брикнера и К. Н. Бестужева-Рюмина (См. *Топычканов А. В. К истории раннего бытования слова “источниковедение” в России // Археографический ежегодник за 2003 год. М.: Наука, 2004. С. 149–153).*

Иловайский Д. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. С. 14–15.

основывавшаяся на синтезе информации из Новгородской I летописи младшего извода и летописного рассказа 1095—1097 гг. из «Повести временных лет», обусловленная отраслевой спецификой исследования, не предоставляет возможности для реконструкции взглядов Иловайского¹³⁵, как, например, первый том его «Истории России» (по киевскому периоду), вышедший в свет в 1876 г. и переизданный три десятилетия спустя.

В первом и втором изданиях «Истории России» воззрения Д. И. Иловайского на механизм междукняжеских отношений не претерпели существенных изменений. По его мнению, деление Русской земли на уделы и признание приоритета старейшего князя, сидевшего на киевском столе, имело место уже в X в., во времена Олега и Игоря, но, поскольку киевский князь «не хотел ограничиваться только званием старшего князя, но стремился быть действительным господином всей Русской земли», исследователь считал, что со времени Святославичей междукняжеские отношения являли собой «борьбу единовластия с удельным порядком», добавляя, что в эпоху Владимира и Ярослава понятие о единовластии еще не сложилось и Русь находилась во владении всего княжеского рода. Некоторые из этих положений Д. И. Иловайский повторил в рассказе о разделе Ярослава I, отметив, что «Ярослав соединил в своем владении почти все русские земли», но «это единовластие было личное и временное», так как, подобно Владимиру, «он восстановил единство русских земель только для того, чтоб укрепить их за своим собственным семейством, а не для того, чтобы водворить на Руси единовластие» и «если бы Киевский князь вздумал всю Русскую землю отдать одному сыну, то остальные сыновья и родственники не признали бы такого распоряжения и общими силами подняли против него оружие». Построение Иловайского является промежуточным звеном между почти угасшим к 1870-м гг. представлением о княжеском единовластии, претензии на которое предъявляли киевские

Ср. Шаханов А. Н. «...В моих работах ничего не может устареть»: Д. И. Иловайский // История и историки. Историографический вестник. 2001. С. 95.

князя, и умеренным вариантом родовой теории, рассматривавшей киевского князя как главу княжеского рода¹³⁶. Рассуждения подобного рода обусловили интерпретацию Д. И. Иловайским раздела 1054 г. как ординарного акта междукняжеских отношений: «Ярослав, подобно отцу, деду и прадеду, еще при жизни своей раздавал сыновьям в управление или в наместничество свои земли. Старейший его сын Владимир, по установившемуся обычаю, был наместником в северном Новгороде. Он скончался за два года до смерти отца, и тогда в Новгород был переведен из Турова Изяслав, оставшийся теперь старшим. Летопись рассказывает, что Ярослав перед смертью распорядился волостями таким образом: Изяславу он назначил Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир Волынский и Вячеславу — Смоленск. При этом он увещевал их жить в любви и согласии между собою и дружно действовать против врагов; в противном случае предрекал гибель Русской земле, которую их отцы и деды стяжали великими трудами. Он внушал им слушаться старшего брата, имея его «в отца место», а старшему завещал не давать в обиду никого из братьев

помогать обиженному. Но подобные увещания составляют общее место; их делал почти каждый попечительный отец своим детям. Летописец, впрочем, тут же сообщает, что во время кончины Ярослава Изяслав был в Новгороде, Святослав — во Владимире Волынском, а в Киеве оставался только Всеволод, которого отец любил и всегда держал при себе. Во всяком случае сыновья Ярослава должны были быть теснее связаны между собою, нежели сыновья Владимира: последние были рождены в язычестве от разных жен и наложниц, тогда как Ярославичи были плодом брака, освященного церковью, были дети не только одного отца, но и одной матери» — заключал исследователь¹³⁷.

Там же. С. 109.

Ср.: *Иловайский Д.* История России. Ч. 1. Киевский период. М.: Типография И. К. Грачева, 1876. С. 36–37, 60–61, 107–109; *Его же.* Становление Руси [воспр. 2-го изд. 1906]. М.: АСТ, 2005. С. 49, 71, 113–114.

интерпретации летописной статьи 1054 г. Д. И. Иловайским необходимо подчеркнуть несколько моментов: во-первых, тенденцию к синтезу противоречивой летописной информации о месте княжения Изяслава Ярославича; во-вторых, неправильный порядок перечисления младших сыновей Ярослава, который можно объяснить тем, что гипотеза о лествичном восхождении князей, являвшаяся одним из ключевых элементов концепций Соловьёва, не имела значения для Иловайского при описании междукняжеских отношений середины XI в. Это позволяет охарактеризовать сформулированный им вариант родовой теории как умеренный, хотя из введения ко второму изданию «Истории России» можно сделать вывод об эклектичности представлений ученого, у которого предположения о том, что «целый ряд веков Русь пребывала на степени родового, или точнее, племенного быта», соседствовали с утверждениями о том, что вече и князь сосуществовали на Руси с незапамятных времен, отчего возникала борьба народно-вечевого и княжеско-дружинного укладов, в которой последний из них «брал верх и полагал начало единовластию»¹³⁸.

Сходные идеи развивал профессор Киевского университета святого Владимира И. В. Лашнюков (1823—1869), который в своей трактовке междукняжеских отношений следовал родовой теории, утверждая, что со времени Ярослава они утверждаются «на родовом общеславянском начале» и «по наряду Ярослава старший сын его Изяслав получил Киев, а остальные князья получают другие города, соответственно степени их старшинства», при этом «младшие братья должны находиться к старшему в сыновних отношениях, должны были слушаться его как отца», тогда как «старший долженствовал быть посредником между ними, сохранять наряд, стоять за единство рода и целостность русской земли». В то же время историк отмечал, что «родовые отношения скоро обнаруживают свою несостоятельность» и «род Ярослава распадается на отдельные ветви, а вместе с ним распадается и

Иловайский Д. Становление Руси. С. 10, 11.

территория на отдельные волости или отчины», так что «один только Киев или собственно русская земля, составляет общую, нераздельную собственность целого княжеского рода, и потому право на престол киевский принадлежит старшему в роде Ярослава; но и это право часто нарушается силою оружия и волею народа»¹³⁹, — признавая, таким образом, влияние общины, как одного из факторов развития русского общества и государства.

Еще одну модификацию родовая теория междукняжеских отношений получила в работах академика В. О. Ключевского (1841—1911) — преемника С. М. Соловьёва на кафедре русской истории Московского университета¹⁴⁰. Большинство историков признают сильную зависимость концепции Ключевского от концепции Соловьёва¹⁴¹, хотя существуют и противоположные мнения¹⁴². Не претендуя на всеобъемлющий анализ данного вопроса, мы попытаемся прояснить отдельные его аспекты в контексте рассматриваемой темы.

курсе лекций по русской истории, прочитанном в 1872/73 г. на Высших женских курсах, руководимых профессором всеобщей истории В. И.

Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Вып. 1. Киев: Типография М. П. Фрица, 1870. С. 86.

См. *Шаханов* А. Н. Русская историческая наука... С. 114.

Милюков П. Н. Главные течения... С. 458; *Любавский* М. К. С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский. М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей Российских, 1913; *Рубинштейн* Н. Л. Русская историография. С. 446, 447; *Пресняков* А. Е. С. М. Соловьёв и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР. Вып. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 76–78; *Нечкина* М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни творчества. М.: Наука, 1974. С. 250; *Цамутали* А. Н. Борьба течений... С. 220–225; *Черепнин* Л. В. В. О. Ключевский // *Его же*. Отечественные историки XVIII–XX вв. С. 76, 86–87; *Свердлов* М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 128, 129; *Киреева* Р. А. Профессорский дебют В. О. Ключевского // *Ключевский* В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872—1875 гг. М.: Владос, 1997. С. 6–7; *Вернадский* Г. В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 141; *Соловьёв* К. А. Дело власти. С. 68; *Шаханов* А. Н. Русская историческая наука... С. 126–128, 131–132; *Дербин* Е. Н. Институт княжеской власти на Руси... С. 129–130.

Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров. Т. 69. С. 178–196. М.: Изд-во АН СССР, 1961; *Астахов* В. И. Курс лекций по русской историографии. С. 472, 474. Эскурсы в историю вопроса см. в кн.: *Шаханов* А. Н. Русская историческая наука... С. 110–111; *Гришина* Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. С. 91–92.

Герье, которые были записаны под руководством его супруги А. И. Герье, но вышли в свет только в 1997 г., В. О. Ключевский разделял представление о господстве у славян родовых отношений, но утверждал, что к середине XI в. родовой быт начал разрушаться под влиянием внешних влияний, в то время как С. М. Соловьёв относил начало процесса вытеснения родовых отношений государственными отношениями лишь к середине XII в.¹⁴³

Показательно и отношение Ключевского к отвергнутому С. М. Соловьёвым термину «удельный период» для характеристики политических отношений до XIII в. Ключевский писал, что удельный период «представляет муку для учащих», поскольку «нельзя даже сказать, когда начались и сложились те княжеские отношения, которыми характеризуется период, нами теперь изучаемый; видим только, что эти отношения выходят наружу и непрерывно развиваются со смерти Ярослава». Таким образом, Ключевский не только сформулировал более конкретный взгляд на историческое значение раздела 1054 г., но и задался вопросом, которого не поставил Соловьёв — можно ли видеть в установлении Ярослава истоки междукняжеских отношений? — высказав такое суждение: «Почти в продолжение двух веков (5 поколений сменилось в княжеском доме со времен Рюрика до смерти Ярослава) княжеский род развивался очень туго. Рюрик оставил одного сына, Игорь — тоже. Из трех сыновей Святослава двое погибли бездетными. Владимир оставил много сыновей, но они или умирали без потомства, или перегрызли друг друга прежде, чем имели потомков, или откололись от братии, как Изяслав Полоцкий, и продолжателем Рюрикова рода остался опять один Ярослав. До сих пор ни разу не случилось, чтоб князья-братья в достаточном числе своими счетами открыли нам правила и понятия, которыми они руководствовались в своих владельческих отношениях». Заявив о невозможности с хронологической точностью проследить их генезис, Ключевский, тем не менее, попытался определить их источник,

Ср.: *Ключевский В. О. Лекции по русской истории. С. 92, 94; Соловьёв С. М. История отношений... С. 109–110.*

которым, по его мнению, могло стать туземное славянское влияние на варяжский княжеский род, в результате чего после смерти Ярослава между князьями и сложились родовые отношения. «Прежде чем говорить, как сами князья характеризовали свои взаимные отношения, надо обратить внимание на свидетельство одного памятника, из которого видно, как русское общество XI и XII вв. смотрело на них. Этот памятник — летописное завещание умирающего Ярослава детям. Трудно доказать его подлинность. Есть много неясного в обстоятельствах его происхождения по рассказу летописи. Завещание это, вероятно, сочинение летописца, но он мог сочинить только то, что думало общество. Вот что, по понятиям этого общества, должен был сказать умирающий Ярослав своим детям: «Вот я отхожу от этого света; пребывайте в любви между собой, потому что вы братья, дети одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит всех врагов и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться (катораться) в распрях, то погубите землю отцов своих и дедов. Живите же мирно. Отдаю в свое место старший стол Киев старейшему сыну Изяславу, да будет он вам меня вместо; слушайтесь его, как меня слушались». Раздавши остальные волости другим сыновьям, он прибавил, обращаясь к старшему: «Если кто будет обижать брата, ты помогай обиженному. Когда отец закрыл глаза, братья перестали составлять одну семью, но родовая связь между ними не исчезла: место отца заступил старший брат» — утверждал Ключевский в лекции №12¹⁴⁴, приведя в подтверждение своего мнения о приоритете «брата старейшего» три летописных примера, относившихся к событиям середины и второй половины XII в.

Надо отметить, что изложение завещания Ярослава у Ключевского более сжато, чем в «Истории России с древнейших времен», что можно объяснить не только тем, что он «избегает лишних подробностей, которыми

Ключевский В. О. Лекции по русской истории... С. 100–102.

так изобилует несколько архаичная манера письма С. М. Соловьёва»¹⁴⁵, но и ограниченными рамками лекционного курса. Не будет преувеличением сказать, что Ключевский в определенной степени является продолжателем критически ориентированного подхода к интерпретации завещания Ярослава, созданного Соловьёвым и Погодиным, так как, выразив сомнения в достоверности летописного рассказа, он увидел в нем не документ, фиксирующий последнюю волю Ярослава, а памятник, отражающий настроения древнерусского общества. С другой стороны, следует подчеркнуть, что на интерпретацию летописного текста Ключевским наложило отпечаток представление о старшинстве столов. «Отдаю в свое место *старший стол* Киев старейшему сыну Изяславу...» — такие слова атрибутирует Ярославу исследователь, источником которого, как указывает

А. Киреева, послужил текст Лаврентьевской летописи по изданию 1846 г. (под ред. Я. И. Бердникова), однако, при обращении к этому изданию мы находим стандартный летописный текст — «Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев»¹⁴⁶, — где говорится только о старейшинстве Изяслава, но не о старшинстве стола, из чего следует заключить, что это было концептуальное дополнение Ключевского, сделанное под влиянием родовой теории, постулировавшей соотношение генеалогического старшинства со старшинством стольных городов.

Обсуждение раздела 1054 г. В. О. Ключевский продолжал в лекции №13 синтезом материала из «Повести временных лет» и Новгородской I летописи младшего извода: «Ярославичи распределили отцовскую землю так: 1) старший брат Изяслав получил Киев и Новгород, который с тех пор обыкновенно принадлежал старшему князю киевскому. Второй брат,

Гулыга А. В. Искусство истории. М.: Современник, 1980. С. 188.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории... С. 785; Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Типография Э. Праца, 1846. С. 69 (в примечании Р. А. Киреевой ошибочно — С. 61).

Святослав, получил Чернигов с Муромо-Рязанской волостью и Тмутороканью (где-то за степью на берегу Азовского моря). Третий брат, Всеволод, получил Переяславль русский или южный, Суздаль, Белоозеро и Верхнее Поволжье. Четвертый брат, Вячеслав, получил Смоленск. Пятый брат, Игорь — Владимир на Волыне». Авторская интерпретация раздела 1054

заклучала в себе элементы экономически ориентированного подхода, выразившегося в следующих утверждениях: «Легко заметить, как велики волости трех старших братьев сравнительно с волостями младших. Волости старших братьев состоят из двух частей: 1) из края в Приднепровье и 2) из края на далеком севере. Волости младших братьев в Приднепровье, но дальше от Киева сравнительно с волостями старших». По мнению исследователя, подобная ситуация являлась следствием того, что «князья издавна относились с особенною любовью к югу и с пренебрежением к северу и северо-востоку». Это предположение позволяло сделать вывод о том, что «Киев стал старшим столом, потому что это был самый богатый город. Чернигов вследствие этих же причин получил второе место; близкий к Киеву, он имел выгодное для торговли положение при двух реках — Десне и Днепре <...>. Владимир на Волыне достался младшему из Ярославичей, и он сам был младший из южных городов; он был основан Владимиром Святым. Третий город по распределению Ярославичей — Переяславль, вероятно был важен по близости к Киеву...». Эту мысль исследователь развил в лекции №14, где говорилось о том, что «отношения между князьями по родовому старшинству должны были соответствовать их отношениям и по владеемым ими частям земли; лица и волости составляли два порядка, соответствовавшие, параллельные друг другу, но так как известная волость не могла стать выше, старше от того, что ее владетель становился выше на родовой лестнице, то владетель этот должен был менять ее на другую, соответствовавшую его новому положению в кругу родичей»¹⁴⁷.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории... С. 104–106, 110–111.

Из приведенных высказываний следует, что В. О. Ключевский пытался дать представлению о старшинстве городов, которое развивалось в рамках родовой теории, экономическое обоснование, основываясь на общих рассуждениях. Судя по их содержанию, в данном случае, он стоял ближе к точке зрения К. Д. Кавелина, чем к точке зрения С. М. Соловьёва. В пользу подобного предположения свидетельствуют общий для Кавелина и Ключевского взгляд на Киев как на «старший город»; общие воззрения на процесс ассимиляции варягов славянами, способствовавшей оформлению родовых отношений в княжеском роду при Ярославе I; употребление термина «удельный период», от которого дистанцировался Соловьёв. Указав истоки взглядов Ключевского на завещание Ярослава, мы должны проследить, как трансформировались его представления об этом феномене в «Лекциях по русской истории», которые были изданы без ведома автора на основе литографированных университетских лекций В. О. Ключевского по распоряжению министра финансов С. Ю. Витте (1902)¹⁴⁸, и в подготовленном самим Ключевским чуть позже «Курсе русской истории» (1904—1910).

От раннего лекционного курса эти работы отличаются наличием теории о торговом происхождении городов, формировании городских областей и варяжских княжеств, из позднее которых сложилось великое княжество Киевское¹⁴⁹. По наблюдениям М. Б. Свердлова, в данном случае на В. О. Ключевского оказали влияние взгляды одного из приверженцев родовой теории, специализировавшегося на изучении русского быта, И. Е. Забелина, работы которого были опубликованы во второй половине 1870-х гг.¹⁵⁰, в то время как первые элементы торговой теории появляются в докторской диссертации Ключевского «Боярская дума Древней Руси»

Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. С. 398–401.

Ср.: Ключевский В. О. Лекции по русской истории: В 3 томах. Т. 1. СПб.: Типография В. О. Киришбаума, 1902. С. 44–53; *Его же*. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 148–151, 156–160.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 119.

(1882)¹⁵¹, получив продолжение в «Лекциях по русской истории» и «Курсе русской истории». В этих работах Ключевский продолжал испытывать затруднения в решении вопроса о том, какой «правительственный порядок» (в цитируемом далее «Курсе русской истории» — «порядок княжеского владения») действовал на Руси до кончины Ярослава I и даже выражал сомнение относительно того, существовал ли какой либо определённый порядок. По этому поводу историк писал следующее: «Иногда власть как будто переходила от одного князя к другому по старшинству; так, преемником Рюрика был не малолетний сын его Игорь, а родственник Олег, по преданию, его племянник. Иногда всю землёю правил, по-видимому, один князь; но можно заметить, что это бывало тогда, когда не оставалось налицо русских взрослых князей. Следовательно, единовластие до половины XI в. было политической случайностью, а не политическим порядком. Как скоро у князя подрастало несколько сыновей, каждый из них, несмотря на возраст, обыкновенно ещё при жизни отца получал известную область в управление». Такие князья, по убеждению исследователя, правили областями на правах посадников и платили дань отцу. «Но когда умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все политические связи между его сыновьями: политической зависимости младших областных князей от старшего их брата, садившегося после отца в Киеве, незаметно». Эти высказывания практически идентичны друг другу в «Лекциях...» и в «Курсе...». Однако, «Курс...» содержал авторское пояснение о том, что «между отцом и детьми действовало семейное право; но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права, чем и можно объяснить усобицы между сыновьями Святослава и Владимира»¹⁵².

«Своеобразный порядок княжеского владения» — отмечалось в «Лекциях...» — обнаруживался лишь со смерти Ярослава I. После этого

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // *Его же. О государственности в России.* М.: Мысль, 2003. С. 18–28.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 64–65; *Его же. Курс русской истории.* Ч. 1. С. 179–180.

начиналось изложение раздела между Ярославичами. В «Курсе...» ход мысли Ключевского раскрывался полнее за счет рассуждений о единовластии. «По смерти Ярослава власть над Русской землёй не сосредоточивается более в одном лице: единовластие, случавшееся иногда до Ярослава, не повторяется; никто из потомков Ярослава не принимает, по выражению летописи, «власть русскую всю», не становится «самовластцем Русстей земли». Это происходит оттого, что род Ярослава с каждым поколением размножается всё более и земля Русская делится и переделывается между подраставшими князьями». Собственно описание раздела сводилось к следующему: «Старший Ярославич, Изяслав, сел в Киеве, присоединив к нему и Новгородскую волость: значит, в его руках сосредоточились оба конца речного пути «из Варяг в Греки». Второму сыну Ярослава, Святославу, досталась область днепровского притока Десны, земля Черниговская с примыкавшей к ней по Оке Муромо-Рязанской окраиной и с отдаленной азовской колонией Руси Тмутороканью, возникшей на месте старинной византийской колонии Таматарха (Тамань). Третий Ярославич, Всеволод, сел

Переяславле Русском (ныне уездный город Полтавской губернии) и получил в прибавок к этой сравнительно небольшой и окраинной волости оторванный от неё географически край Суздальский и Белозёрский по Верхнему Поволжью. Четвертый, Вячеслав, сел в Смоленске, пятый, Игорь, — на Волыни, где правительственным центром стал построенный при Владимире Святом город Владимир (на реке Луге, притоке Западного Буга)».

Этот пассаж, по сути дела, являлся расширением соответствующего фрагмента из лекций 1872/73 гг., был идентичен в «Лекциях...» 1902 г. и в «Курсе...». Несколько подробнее, по сравнению с «Лекциями...» 1902 г. было разработано в «Курсе...» предположение Ключевского о приоритетном политическом и экономическом значении Киева, Чернигова и Переяславля среди русских городов, которое он высказал, основываясь на том, что эти города упоминаются в договорах X в. Руси с Византией в том же порядке, что и в завещании Ярослава. А вот инициатива раздела 1054 г. раскрывалась

по-разному. Если в «Лекциях...» 1902 г. говорилось: «Легко заметить, чем руководствовались Ярославичи в таком распределении земли между собою. Они руководствовались двойным соображением: старались распределить части Русской земли между собою по старшинству и по доходности волостей. Чем старше князь, тем лучшую волость получал он», то в «Курсе...» этот фрагмент представлен следующим образом: «Легко заметить двойное соображение, каким руководился Ярослав при таком разделе Русской земли: он распределил её части между сыновьями, согласуя их взаимное отношение по степени старшинства со сравнительной доходностью этих частей. Чем старше был князь, тем лучше и богаче волость ему доставалась». Далее следует комментарий: «Говоря короче, раздел основан был на согласовании генеалогического отношения князей с экономическим значением городских областей»¹⁵³. Трудно сказать, возникло ли это разночтение в результате редактирования лекционного текста Ключевского в издании 1902 г., или все же отражало определенную трансформацию представлений исследователя, представлявшего инициаторами раздела сначала Ярославичей, а затем — Ярослава. Фактом остается то, что в «Курсе...» В. О. Ключевский затронул вопрос о единовластии на Руси, который не освещался в «Лекциях...» и, по-видимому, изменил текст, чтобы подчеркнуть роль Ярослава как «самовластца» Русской земли.

отличие от своего раннего труда в поздних лекциях Ключевский не привел завещания Ярослава. В «Курсе...» он указывал лишь на то, что слушатели «наверное, читали его ещё в гимназии». В общих, можно сказать образных, выражениях, ученый излагал перед аудиторией не столько суть летописного повествования, сколько свое впечатление от него: «Оно отечески задушевно, но очень скудно политическим содержанием; невольно спрашиваешь себя, не летописец ли говорит здесь устами Ярослава. Среди наставлений сыновьям пребывать в любви между собою можно уловить

Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 65–66; Его же. Курс русской истории. Ч. 1. С. 180–181.

только два указания на дальнейший порядок отношений между братьями-наследниками. Перечислив города, назначенные каждому, завещание внушает младшим братьям слушаться старшего, как они слушались отца: «...да той вы будет в мене место». Потом отец сказал старшему сыну: «Если брат будет обижать брата, ты помогай обижаемому». Вот и всё». Зато на страницах «Курса...» Ключевский дал образец сравнительного анализа, которого не было в его ранних лекциях. Историк отметил «два важных дополнения этого завещания», одним из которых назвал «Сказание о Борисе и Глебе» (атрибутируемое в XIX в. автору «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакову «мниху»), где говорилось, что Ярослав «оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых своих сыновей, а только троих старших», в чем Ключевский, вслед за Соловьёвым, видел «известную норму родовых отношений, ставшую потом одной из основ местничества»; норму, согласно которой «в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, т.е. из дядей и племянников, первое, властное поколение состоит только из трёх старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам». Вторым дополнением к завещанию Ярослава Ключевский считал сюжет «Повести временных лет» под 1093 г., в котором «летописец, рассказав о смерти третьего Ярославича — Всеволода, вспомнил, что Ярослав, любя его больше других своих сыновей, говорил ему перед смертью: «Если бог даст тебе принять власть стола моего *после своих братьев* с правдою, а не с насилием, то, когда придёт к тебе смерть, вели положить себя, где я буду лежать, подле моего гроба». На основании свидетельства летописца историк делал вывод о том, что «Ярослав отчётливо представлял себе порядок, какому после него будут следовать его сыновья в занятии киевского стола: это порядок по очереди старшинства»¹⁵⁴.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. С. 182–183.

Вопрос о соотношении летописных статей 1054 и 1093 гг. к тому моменту затрагивался М. П. Погодиным (см. 2.1), С. М. Соловьёвым, В. И. Сергеевичем¹⁵⁵ и другими исследователями, поэтому, сопоставление было вполне закономерным. Судя по «Лекциям...» 1902 г., Ключевский, последовав примеру Соловьёва, попытался обосновать представление о приоритете старшинства и особый характер политического порядка Ярославичей сравнением с политической культурой западнославянских народов. «И на Западе, особенно у Славян в начале их государственной жизни, действовало право старшинства при участии всех родичей во владении. И там иногда государи делили свои владения между сыновьями, подчиня младших власти старшего. Так было в Чехии при Брячиславе, в Польше при Болеславе Кривоустом, в Моравии при Святополке. Но там раз поделившиеся совладельцы, не меняясь владениями, устанавливали скоро наследование в прямой нисходящей линии. Там из права старшинства, при участии всего рода во владении, не развивался такой подвижной порядок владения, который старались установить у нас Ярославичи. Следовательно, — полагал Ключевский, — у нас действовали на ряду с родовым правом старшинства еще другие, так сказать, вспомогательные условия». В числе вспомогательных условий он выделил подвижность «действовавшего у нас порядка владения», обусловленную тем, что князья XI в., подобно «викингам-витязям» IX в., «видели в себе не столько владетелей и правителей русской территории, сколько руководителей и охранителей русского торгового и военных сторожей русских границ», поэтому, «составляя тесный родственный круг, а не толпу случайно встретившихся искателей торгового барыша и сытного корма», Ярославичи «старались заменить

Ср.: Соловьёв С. М. История отношений... С. 144; *Его же*. История России... Т. 1–2. С. 665; Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: Типография А. Мамонтова, 1867. С. 325 (Прим. 79).

случайное и беспорядочное действие личной удали или личной удачи обязательным правом старшинства, как обязательным правилом»¹⁵⁶.

В этих суждениях заметно влияние идей, сформулированных С. М. Соловьёвым, которые получили у Ключевского определенную экономическую нагрузку. Однако экскурс в историю западных славян не был воспроизведен Ключевским на страницах «Курса...». Его внимание сфокусировалось на объяснении гипотезы о лестничном восхождении князей, предполагавшей, что «Ярославичи не делили достояния отцов и дедов на постоянные доли и не передавали доставшейся каждому доли своим сыновьям по завещанию. Они были подвижными владельцами, которые передвигались из волости в волость по известной очереди. Очередь эта определялась старшинством лиц и устанавливала постоянно колебавшееся, изменчивое соотношение наличного числа князей с количеством княжеских волостей или владений. Все наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лестницу. Точно так же вся Русская земля представляла лестницу областей по степени их значения и доходности. Порядок княжеского владения основывался на точном соответствии ступеней обеих этих лестниц, генеалогической и территориальной, лестницы лиц и лестницы областей. На верху лестницы лиц стоял старший из наличных князей, великий князь киевский. Это старшинство давало ему кроме обладания лучшей волостью известные права и преимущества над младшими родичами, которые «ходили в его послушании». Он носил звание *великого*, т.е. старшего князя, названного отца своей братии. *Быть в отца место* — эта юридическая фикция поддерживала политическое единство княжеского рода при его естественном распадении, восполняя или исправляя естественный ход дел. Великий князь распределял владения между младшими родичами, «наделял» их, разбираал их споры и судил их, заботился об их осиротелых семьях, был высший попечитель Русской земли, «думал, гадал о Русской

Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 69, 70.

земле», о чести своей и своих родичей. Так, великому князю принадлежали распорядок владений, суд над родичами, родственная опека и всеземское попечительство. Но, руководя Русью и родичами, великий князь в более важных случаях действовал не один, а собирал князей на общий *совет*, *снем* или *поряд*, заботился об исполнении постановлений этого родственного совета, вообще действовал как представитель и исполнитель воли всего державного княжеского рода. Так можно формулировать междукняжеские отношения, какие признавались правильными. В нашей исторической литературе они впервые подробно были исследованы С. М. Соловьёвым. Если я не ошибаюсь, нигде более в истории мы не имеем возможности наблюдать столь своеобразный политический порядок. По его главной основе, очереди старшинства, будем называть его *очередным* в отличие от последующего *удельного*, установившегося в XIII и XIV вв.» — отмечал Ключевский¹⁵⁷. Из этого текста следует, что влияние Соловьёва более всего сказалось на поздних лекциях Ключевского, где мы находим едва ли не догматическое воспроизведение соловьёвской концепции междукняжеских отношений, на что указывает, в том числе, и отказ от термина «удельный порядок» для характеристики исторического периода, начавшегося после смерти Ярослава I.

Подобную тенденцию можно наблюдать в работах других историков, разделявших положения теории родового быта, причем не только у непосредственных учеников В. О. Ключевского, но и, например одного из ведущих представителей Петербургской исторической школы¹⁵⁸, ученика К.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. С. 185–186.

См.: Цамутали А. Н. Борьба направлений... С. 66–126; *Его же*. Глава Петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начало XX вв. С. 538–552; Шмидт С. О. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // *Его же*. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. С. 495–553; *Его же*. Жизнь и творчество историка С. Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург – Москва» // *Его же*. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 487–490 (1-я публ. 1999). Петербургская историческая школа, формирование которой началось во второй трети XIX в., объединяла широкий круг историков, в состав которых включаются специалисты по русской и по зарубежной истории. Так, А. Н. Шаханов относит к Петербургской исторической школе К. Н. Бестужева-Рюмина, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского и А. Е. Преснякова (Шаханов А. Н. Русская

Н. Бестужева-Рюмина, академика С. Ф. Платонова (1860—1933), лекционный курс которого по русской истории выдержал 10 изданий в 1899—1917 гг.¹⁵⁹ Это касается и положений о генезисе древнерусской государственности, трактовавшимся Платоновым как результат перерастания родовых отношений в общинные с последующим формированием городских волостей, обусловленным развитием экономики, и положений о развитии взаимоотношений между русскими князьями¹⁶⁰. Сюжет о завещании Ярослава I, не претерпев в этом курсе изменений, сводился к следующему: «Изучая период дохристианский, мы приходим к тому заключению, что единое государство в то время не было; Русь несколько раз дробилась на княжества (после Святослава, Владимира Св.). При жизни князя-отца сыновья сидели наместниками в главных городах и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила к тому, что в конце концов восстанавливалось единое государство. Братья, враждуя из-за наследства, обыкновенно истребляли друг друга. После такой борьбы между сыновьями Св. Владимира Русь разделилась на две части: левою стороною Днепра владел Мстислав, правою — Ярослав. По смерти же Мстислава Ярослав владел всей землей; умирая (1054), он разделил землю таким образом: старшему сыну Изяславу дал Киев и Новгород, т.е. оба конца водного торгового пути (очевидно, что Изяслав был самый богатый, самый

историческая наука... С. 268–357). Е. А. Ростовцев относит к школе 1890–1920-х гг. Е. Ф.

Шмурло, Н. П. Лихачёва, А. А. Шахматова, Н. П. Павлова-Сильванского, М. Д. Присёлкова и др. (*Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и Петербургская историческая школа*. Рязань, 2004. С.

60–61). Еще более широкий состав школы приводят Б. В. Ананьич и В. М. Панеях (*Ананьич Б. В., Панеях В. М. О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история*. 2000. №5). Из работ представителей Петербургской исторической школы далее рассмотрены труды К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Е. Преснякова, А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука... С. 271, 272, 274–276. Впрочем, текст «Лекций», изданных по инициативе слушателей Военно-юридической академии И. А. Блинова и

Р. Фон Раупаха, был авторизован С. Ф. Платоновым в 1907 г. (Брачев В. С. Академик С. Ф. Платонов и его «Дело» // Его же. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб.: Астерион, 2010. С. 148).

Об идейной близости к В. О. Ключевскому свидетельствуют утверждения самого С. Ф. Платонова (См.: *Цамутали А. Н. Борьба направлений... С. 75–76; Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории... С. 57; Брачев В. С. Академик С. Ф. Платонов и его «Дело». С. 37, 39).*

могущественный князь), второму сыну Святославу — Чернигов, третьему — Всеволоду — Переяславль (недалеко от Киева), четвертому — Вячеславу — Смоленск, пятому — Игорю — Владимир-Волынский; но у Ярослава был еще внук от старшего сына, Владимира Ярославовича, доблестный Ростислав, о котором сложилось много легенд; ему Ярослав ничего не дал. Ростислав бросился сам на Тмутаракань, захватил ее и оставил за собою. Ярослав велел почитать Изяслава, как старейшего, но Изяслав не сумел поддержать свой авторитет...»¹⁶¹.

Сформулированные С. Ф. Платоновым идеи, увидевшие свет в 1899 г., имеют большое сходство с идеями В. О. Ключевского в том виде, как они позднее были представлены в «Курсе русской истории». Так, общими для двух авторов являются упоминания князя-отца, сыновей-посадников, «политической случайности» в установлении единодержавия, водного торгового пути («из Варяг в Греки»), два конца которого по разделу Ярослава держал в своих руках его старший сын Изяслав. Единственным отклонением можно считать лишь то, что Платонов отметил отсутствие волости у Ростислава Владимировича, тогда как Ключевский во всех лекционных курсах следовал за гипотезой В. Н. Татищева и С. М. Соловьёва, предполагавшей, что местом княжения Ростислава по разделу 1054 г. стал Ростов¹⁶².

Большинство учеников Ключевского, известных под названием Московской исторической школы (П. Н. Милюков, М. М. Богословский, А. А. Кизеветтер, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин и др.)¹⁶³, посвятили свои

¹⁶¹ Ср.: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории: В 3 выпусках. Вып. 1. СПб.: Столичная скоропечатня, 1899. С. 65–66; *Его же*. Лекции по русской истории [переиздание 10-го изд., Пг., 1917]. СПб., 2004. С. 78–79.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории... С. 104; *Его же*. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 66; *Его же*. Курс русской истории. Ч. 1. С. 181. Ср.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 2–3. С. 83; Соловьёв С. М. История России... Т. 1–2. С. 341.

Подробнее о Московской исторической школе, сложившейся вокруг В. О. Ключевского см.: Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. №10; Попов А. С. В. О. Ключевский и его «школа»: синтез истории и социологии. М.: Сигнал, 2001; Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского в историографии»: научный дискурс и историографическая судьба // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №12 (150). История. Вып. 31; *Её же*.

исследования XVI—XVIII вв., поэтому, мы сосредоточимся на рассмотрении характеристик ряда Ярослава, сделанных двумя учениками мэтра — Н. А. Рожковым (1868—1927) в «Обзоре русской истории с социологической точки зрения» (1905) и академиком М. К. Любавским (1860—1936), преемником Ключевского по кафедре русской истории, а позже ректором Московского университета, в курсе лекций по русской истории, вышедшем в 1910-х гг.

Н. А. Рожков, считая князей одной из главных движущих сил Древней Руси, наряду с вечем, отмечал, что родовая теория с гипотезой о «лествичном восхождении» князей по городам, так и противостоящая ей теория «добывания столов» (см. 3.2), последователи которой из положений родовой теории готовы признать «некоторое влияние понятия об «отчине», а также участие веча в замещении княжеских столов», дают лишь «частичное понимание целого». По мнению исследователя, летописные известия о наследовании княжеских столов между 972 и 1113 гг. позволяли согласиться со сторонниками родовой теории в том, что «идеалом княжеского владения было известное соответствие между степенью старшинства князей и степенью богатства волостей, ими занимаемых, при чем Киев всегда должен доставаться старшему, а определение лестницы остальных волостей, по степени их достоинства, установилось не сразу»¹⁶⁴.

Точка зрения Рожкова на «порядок княжеского владения» являлась воспроизведением трактовки В. О. Ключевского¹⁶⁵, с той разницей, что Рожков допускал постепенное формирование «лествицы» волостей. Рассказ о разделе Ярослава I был сведен к простому перечислению княжений, а поскольку приоритет «старейшинства», выражавшегося во владении Киевом,

«Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. С. 23–27; Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М., СПб.: Нестор-История, 2012; *Его же*. Московская и Петербургская школа «русских историков» в контексте дихотомии «Москва – Петербург» (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013; Шаханов А. Н. Русская историческая наука... С. 148–251, и др.

Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). 2-е изд. М.: Изд. И. К. Шамова, 1905. С. 76.

Ср. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. С. 184.

историк видел уже в летописных статьях 1015 и 1026 гг., данное обстоятельство свидетельствует о том, что он не связывал принципиальных трансформаций принципов наследования с разделом 1054 г.¹⁶⁶ Дав общую характеристику междукняжеских отношений конца X — начала XII вв. в рамках родовой теории, Рожков, в то же время, выделил ряд второстепенных принципов, оказывавших воздействие на порядок замещения столов: договорное начало (со времени договора 1026 между Ярославом и Мстиславом), «добывание столов» (которым, по мнению исследователя, руководствовались сыновья Святослава I), «отчинный» принцип наследования столов, выделение волостей для князей-изгоев и влияние веча на выбор князей¹⁶⁷. В этих дополнительных элементах концепции Н. А. Рожкова можно заметить влияние идей, восходящих к В. И. Сергеевичу (см. 3.2). Эти представления не претерпели изменений в процессе творческой эволюции исследователя, синтезировавшего достижения либеральной историографии второй половины XIX в. и марксизма, и в 1920-е гг. были воспроизведены в первом томе «Русской истории в сравнительно-историческом освещении»¹⁶⁸, где были дополнены рассуждениями о характере междукняжеских отношений, из которых следовало, что «отношения младших князей к старшему в XI и XII веках определялись весьма неясной формулой, обязывающей младших почитать старшего, как отца», а в качестве иллюстрации этого утверждения приводилась, в том числе, летописная «заповедь» Ярослава под 1054 г., причем подчеркивалось, что отношения младших князей к старшему не имели «характера государственного подчинения»¹⁶⁹. Иными словами, приоритет «старейшинства» рассматривался Н. А. Рожковым как патриархальное

Рожков Н. А. Обзор русской истории... С. 77, 79–80.

Там же. С. 77–79.

Ср. *Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)*. Т. 1. Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодалная революция. 3-изд. Л., М.: Книга, 1928. С. 190–195.

Там же. С. 195–196.

явление, утверждение которого не связывалось с конкретным междукняжеским разделом.

М. К. Любавский, несколько расходясь с Ключевским во взглядах на интенсивность процесса разложения родового быта, который, якобы, «держался в народной массе восточного славянства ко времени появления князей»¹⁷⁰, в остальном следовал концепции учителя, считая, что рядом с остатками «племенных организаций» в восточнославянском обществе существовали «городовые волости» и «варяжские княжества», сформировавшиеся вокруг торговых городов. Аналогично Ключевскому исследователь трактовал и механизм развития междукняжеских отношений: «до половины XI века великий князь Русский правил в сущности единолично русской землей. Рассылаемые им по волостям князья и мужи были его посадниками, которые были обязаны идти по его зову на войну, доставлять ему часть даней и других доходов. По большей части это были его сыновья или дружинники, которых он мог выводить из земель и волостей и смещать с должностей. Два раза, впрочем, великому князю пришлось иметь дело с братьями: в первый раз по смерти Святослава (972 год), во второй раз по смерти Владимира Святого (1015 год), и всякий раз происходила борьба, заканчивавшаяся торжеством одного князя, устранением и подчинением других»¹⁷¹. Здесь акцент авторской интерпретации событий делается на постулирование княжеского единовластия, которое предстает у Любавского не как «политическая случайность», а скорее как политическая закономерность. В остальном ход его суждений являлся амплификацией построений Ключевского, о чем исследователь написал в предисловии к своим лекциям.

Как отмечал Любавский, после кончины Ярослава I в 1054 г. «господствовавшая доселе тенденция к единоличному владению всей

Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4 изд., СПб.: Лань, 2000. С. 119.

Там же. С. 168.

Русской землей уступила свое место тенденции к товарищескому, братскому владению Русской землей всеми членами княжеского рода под главенством старшего. В области княжьего владения, совершилась обычная в то время на Руси эволюция, в силу которой единоличные владения и хозяйства по смерти их основателей превращались в совместные владения и хозяйства их потомков, без окончательного раздела, под главным распоряжением старшего или большака. Политическое значение княжьего владения обусловило особый порядок в распределении волостей, в силу которого наиболее важные города, наиболее ответственные посты в охране общего достояния Русской земли должны были доставаться и наиболее старшим, как более умудренным жизнью, князьям. Эти князья должны были получать и наибольшее количество средств, дани и разных других доходов для надлежащего выполнения лежащих на них задач. По рассказу летописи, начало новому порядку во владении Русской землей положил сам Ярослав. Перед смертью он призвал всех своих сыновей и внука Ростислава и положил ряд о Русской земле, распределив ее волости по старшинству между сыновьями и внуком. Старшему сыну Изяславу он дал Киев и Новгород, второму сыну — вторую по значению волость — Чернигов, присоединив к нему Муромо-Рязанскую область и отдаленную Тмутаракань, третьему сыну Всеволоду дал и третью по значению волость — Переяславль, присоединив к нему Суздаль и Белоозеро, четвертому Вячеславу — Смоленск, пятому Игорю — Владимир Волынский, внуку Ростиславу Владимировичу — Ростов. В этом распределении было довольно точное соответствие между старшинством князей и старшинством, т. е. политическим, значением волостей, как его можно видеть из рассказа летописи о договоре Олега с греками. Идею Ярослава усвоили и сыновья его и старались, по крайней мере, на первых порах, держаться ее в дальнейшем распределении волостей»¹⁷².

Там же. С. 168–169.

предложенной Любавским трактовке раздела 1054 г. отразилось влияние экономически ориентированной концепции Ключевского, спроецированной на гипотезу о лествичном восхождении князей при замещении княжеских столов, которые были аксиоматизированы историком, повторившим не только слова учителя о том, что политическое значение распределенных Ярославом городов подтверждается их упоминанием в русско-византийских договорах X в., но и утверждение о том, что в разделе 1054 г. принял участие внук Ярослава Ростислав, который наравне с Ярославичами получил во владение Ростов, что выходило не только за рамки летописного рассказа, но и интерпретации, предложенной Ключевским и его предшественниками. Этот пример демонстрирует не только неосторожность Любавского, но и некритическую рецепцию построений Ключевского, вследствие чего, его собственная интерпретация события превратилась в типичную иллюстрацию предшествующей теории (это характерно и для С. Ф. Платонова). Однако трудно сказать, произошла ли подобная рецепция механически, под влиянием авторитета Ключевского¹⁷³, либо вследствие невозможности самостоятельного рассмотрения проблемы исследователями, специализировавшимися на изучении позднего средневековья, в ограниченных рамках лекционных курсов.

Среди лекционных курсов рубежа XIX—XX вв., использовавших родовую теорию междукняжеских отношений, также следует выделить «Обзор истории русского права», написанный одним из основоположников Киевской исторической школы¹⁷⁴, членом-корреспондентом Петербургской АН М. Ф. Владимирским-Будановым (1838—1916), который выдержал в 1886—1915 гг. семь изданий. Суть его взглядов по рассматриваемому нами

¹⁷³ Такой механизм восприятия теорий постулировался Т. С. Куном (См. Кун Т. С. Структура научных революций. С. 73, 116). Этот случай является и показательным примером того, как исследователь «некритически принимает традицию, часто даже не осознавая ее» (Поппер К. Р. Предположения и опровержения. С. 211).

¹⁷⁴ См. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). М., Брянск, 1996.

вопросу сводилась к следующему: княжеская власть принадлежала роду, члены которого либо соправительствовали без раздела власти, либо делили власть по территориям, вследствие чего в каждой земле, сформировавшейся из волостей и пригородов, находившихся под властью старшего города, появился свой род князей-соправителей. Как считал исследователь, обычный порядок наследования княжеской власти соответствовал порядку старшинства членов рода, а наследование по обычаю получило приоритет перед наследованием по завещанию. При этом Владимирский-Буданов ссылаясь на завещание Ярослава 1054 г., которое, как он отметил, «сообразуется с порядком старшинства его детей», и, в то же время, указывая на летописную статью 1093 г., отмечал, что «Ярослав любил больше других детей своих Всеволода», но не имел права передать ему власть в нарушение обычая¹⁷⁵.

М. Ф. Владимирский-Буданов выступил как против представления о существовании на Руси единой великокняжеской власти, так и против модификации родовой теории, данной С. М. Соловьёвым, считая необходимым «отличать мысль о единстве княжеского рода от идеи власти старшего князя над всеми князьями-сородичами», так как «последняя идея столь же мало подтверждается фактами, как и мысль о великокняжеской власти», в то время как мысль о единстве княжеского рода, по его мнению, нашла свое выражение в союзе князей, «постоянно признаваемом в принципе, но весьма часто нарушаемом в действительности», оформление которого он относил к эпохе Ярославичей¹⁷⁶. В этом отношении М. Ф. Владимирского-Буданова можно назвать сторонником умеренного варианта родовой теории, на которого (как и на Д. И. Иловайского), оказала влияние

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 56–57.

Там же. С. 94–98. Гипотезу о существовании подобного союза князей отвергли В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и М. А. Дьяконов (См.: *Ключевский* В. О. Курс русской истории. Ч. 1. С. 208–209; *Платонов* С. Ф. Лекции по русской истории. С. 82–83; *Дьяконов* М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. С. 122–123).

теория общинного быта. В то же время в составленном им «Обзоре...» были синтезированы утверждения о сосуществовании на Руси в качестве источников власти князя, веча и боярской думы, о договорных отношениях между князем и народом, сменивших неограниченную княжескую власть, основанную на патриархальных началах, что позволяет говорить и о его близости к идеям В. И. Сергеевича (см. 3.2)¹⁷⁷.

Профессор Московского университета П. Н. Мрочек-Дроздовский (1848—1919), автор «Истории русского государственного права до конца XVII столетия» (1892), разделял междукняжеские отношения т. н. норманнского периода (IX—XI вв.), в продолжение которого власть переходила по родовому принципу к старшему представителю княжеского рода, так что «обладание Киевом тем или иным из наличных князей выпадает на долю старшего из них и без старшинства не случается», и междукняжеские отношения по смерти Ярослава I, когда на Руси началось «многокняжие», не прекращавшееся вплоть до XV—XVI вв. и регулировавшееся на основании завещания Ярослава. «Начала столопреемства и междукняжеских отношений в Ярославовом завещании следующие: 1) Киевское княжение (стол Ярослава), принадлежит старшему Ярославичу, Изяславу. 2) Изяслав Киевский по отношению к братьям становится *вместо отца*, а потому младшие Ярославичи обязаны повиноваться ему, как они повиновались отцу; с другой стороны, Изяслав обязан, в случае распри между братьями, помогать обиженному. 3) Младшим братьям даны *отдельные княжения* (уделы): Святославу — Черниговское, Всеволоду — Переяславское, Игорю — Владимиро-Волынское и Вячеславу — Смоленское». Раскрывая содержание летописной статьи 1054 г. Мрочек-Дроздовский отмечал: «Выраженные здесь начала столопреемства и междукняжеских отношений, очевидно, те же, какие существовали и в

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 58–91. К. А. Соловьёв считает Владимирского-Буданова продолжателем К. Н. Бестужева-Рюмина (*Соловьёв* К. А. Дело власти. С. 66. Прим. 90).

предыдущее время: то же начало старейшинства (власть киевского князя), та же связь со старейшинством Киевского княжения», за исключением того, что сравнительно с другими летописными известиями об этом предмете «Ярославово завещание только подробнее определяет существо права старейшинства», и делает вывод о том, что «в завещании Ярослава нет ничего нового: не ново в нем и раздробление Русской земли на уделы; подобное дробление было и при Святославе, и при Владимире Св., и если собственно удельный период нашей истории начинается со смерти Ярослава, — с его завещания, то потому только, что с этих пор, в течение двух–трех веков, ни одна линия размножившегося княжеского рода не могла упрочить за собою преобладания над остальными»¹⁷⁸. Точка зрения Мрочек-Дроздовского на роль завещания Ярослава в оформлении междукняжеских отношений была близка к той тенденции, сторонники которой пытались в рамках родовой теории нивелировать политическое значение Ярославова завещания, как можно убедиться на примере К. А. Неволлина и некоторых других исследователей, чьи взгляды были рассмотрены выше.

Своеобразный итог изучению проблемы междукняжеских отношений и роли в них завещания Ярослава I подвел ученик С. Ф. Платонова, член-корреспондент РАН (АН СССР) А. Е. Пресняков (1870—1929), в магистерской диссертации «Княжое право в Древней Руси», защищенной в Петербургском университете весной 1909 г., характерной чертой которой являлось стремление к дистанцированию от доминирующих теорий социально-политического развития¹⁷⁹. Характеризуя специфическую

Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского государственного права до конца XVII столетия. М.: Типография В. А. Гатцук, 1892. С. 16–19.

См.: *Рубинштейн* Н. Л. Русская историография. С. 506; *Свердлов* М. Б. А. Е. Пресняков (1870—1929). Жизнь и творчество // *Пресняков* А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С. 530–531; *Его же*. Проблемы изучения Руси в творчестве А. Е. Преснякова // Там же. С. 572–574; *Его же*. Общественный строй Древней Руси... С. 151, 152; *Шаханов* А. Н. Русская историческая наука... С. 330–334; *Брачев* В. С., *Дворниченко* А. Ю. Кафедра русской истории... С. 112–118; *Дворниченко* А. Ю. А. Е. Пресняков — исследователь Киевской Руси // Исследования по истории Средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 37–44;

ситуацию, сложившуюся к началу XX в., Пресняков заметил, что «представления об основах древнерусского быта продолжали жить научной жизнью почти исключительно в общих курсах русской истории или истории русского права», вследствие чего «в научно-литературном обороте» соседствовали «непримиренные и необобщенные элементы старых разрушенных теорий с новыми выводами и наблюдениями». Говоря о необходимости систематического пересмотра «рассыпанной хранины русской истории», исследователь ставил своей задачей не поиск одного основного начала — «родового, общинного или иного», — а эмпирический путь наблюдения и обобщения имеющихся данных¹⁸⁰, в рамках которого был осуществлен критический анализ основных исследовательских концепций родового и общинного быта, а также созданной в конце 1860 — первой половине 1870-х гг. путем синтеза древнерусского, западнославянского и южнославянского источникового материала задружной теории Ф. И. Леонтовича, в рамках которой задруга (семейная община) являлась первичным элементом территориальной общины и концепции перерастания семьи в общину, сложившиеся к концу XIX в. у зарубежных историков-славистов (К. Кадлеца, В. Богишича, О. Бальцера и др.)¹⁸¹.

Для нашей темы первостепенное значение представляет критика Пресняковым родовой теории в трактовке В. О. Ключевского, где он, в частности, отмечал, что вне концепции, изложенной в «Курсе русской истории», остается эпоха междукняжеских отношений до Ярослава I, а отношение ученого к завещанию князя нерешительно: «то он считает его «отечески задушевным, но очень скудным политическим содержанием», то с помощью комментария к нему из Иакова Мниха и одного позднейшего места летописи (о смерти Всеволода под 1093) находит, что «Ярослав отчетливо представлял себе порядок, какому после него будут следовать его сыновья в

Брачев В. С. А. Е. Пресняков и Петербургская историческая школа. СПб.: Астерион, 2011. С. 91–107, и др.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 7.

Там же. С. 10–17.

занятии киевского стола». Возражения договорной теории В. И. Сергеевича (см. 3.2), которую Пресняков поставил рядом с теорией В. О. Ключевского, были сведены к критике «догматичной системы изложения», создававшей иллюзию того, что «под торжественной словесной формулой документов в разные исторические эпохи мыслилось тождественное содержание». Со своей стороны, рассмотрев летописные факты о разделах волостей между сыновьями Святослава и Владимира в их «грубой элементарности», Пресняков пришел к выводу о том, что до времен Ярослава в княжеском роду наблюдалось «отсутствие всяких черт старейшинства» на фоне междоусобиц, возникновение которых было обусловлено как политикой киевских князей по «монополизации» власти в восточнославянских землях в руках Рюриковичей, так и отсутствием организации семейного владения вне патриархальной родительской власти либо общего для наследников нераздельного владения¹⁸².

Таким образом, А. Е. Пресняков попытался заполнить лауну в схеме междукняжеских отношений, предложенной В. О. Ключевским. Но, акцентируя внимание на том, что представления Ключевского о сыновьях, правивших при отце волостями в качестве посадников, а после его смерти разрывавших все политические связи, исторически никак не связаны с периодом «очередного» порядка наследования волостей, он все же раскрыл взаимоотношения последней трети X — начала XI вв. между сыновьями Святослава и Владимира в тех же формулировках, что и Ключевский, а вот раздел между сыновьями Ярослава охарактеризовал как компромисс для предотвращения кровавых междоусобиц и примирения государственного и семейно-династического начала¹⁸³, что стало отходом от родовой теории. Суждения Преснякова о ряде Ярослава, под которым он подразумевал «завещательное распоряжение особого типа», суть какового, вслед за М. Ф.

Там же. С. 26–27, 33.

Там же. С. 25–26, 30, 33, 34.

Владимирским-Будановым, определил как раздел имущества между законными наследниками, также сформировались под влиянием полемики с концепцией В. О. Ключевского.

Прочитав рассказ о последней воле Ярослава по Лаврентьевской летописи, Пресняков дал ему такую оценку: «Не буду взвешивать, скудно или нет политическое содержание этого ряда. Перед нами предсмертный «рядь» отца, делящего владения между своими сыновьями, с заповедью мирно хранить этот раздел, «Не преступати прѣдела братня, ни стонити». Но что составляет наиболее знаменательную черту «ряда» — это стремление избежать естественного последствия раздела: распада семейного союза. Напомнив сыновьям, что они «братья единого отца и матере» (не так, как сыновья Владимира), Ярослав убеждает их быть в любви и мирно «живуще», чтобы не погибнуть самим и не погубить «землю отецъ своихъ и дѣдь своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ», а для этой цели признать «въ отца мѣсто» старшего брата Изяслава, которого главная обязанность помогать тому из братьев, кого другие захотят обидеть. Изяслава братья должны слушать, как отца слушали; но это не значит, чтобы к нему переходила патриархальная власть; он лишь во главе братской семьи: «...пребывайте мирно, послушающе братъ брата». Цель завета Ярославова — сохранение семейного союза между его сыновьями ради внутреннего мира и единства в борьбе с врагами. В этом «политическое» содержание его ряда, попытка согласовать семейный раздел с потребностями государственного единства. Ведь результат семейного раздела — прекращение совладения и распад основанной на нем социальной группы» — резюмировал историк, подчеркивая, что «политическая функция», предназначенная Ярославом старшему сыну, намечена в летописном «ряде» крайне узко, в «терминах семейного быта», и связана с киевским столом. А. Е. Пресняков подчеркнул необходимость различать преемство наследования волостей и «преемство в старейшинстве над всеми князьями русской земли», которые «никогда не смешивались в древнерусских княжеских отношениях». Отвечая на вопрос о 98

том, можно ли назвать ряд Ярослава попыткой установления нового порядка наследования, исследователь заметил, что в «ряде Ярослава, как он нам передан, нет признаков установления на будущее время порядка преемства во владении княжими волостями; и прежде всего нет в нем понятия о сохранении единого, общего и нераздельного владения русской землей всеми князьями Ярославля, а тем более Рюрикова рода», поскольку внуки и правнуки князя «считали своими отчинами и дединами то, что получили деды их от своего отца Ярослава». Зато в вопросе о том, была ли установлена рядом 1054 г. «какая-либо норма преемства в киевском старейшинстве», несмотря на стремление обосновать концепцию семейного быта и дистанцироваться от родовой теории, А. Е. Пресняков последовал за В. О. Ключевским и его интерпретацией летописной статьи 1093 г. с «заповедью» Ярослава Всеволоду, сделав вывод о том, что там шла речь о «преемстве на столе киевском и о братском согласии, организованном с помощью старейшинства киевского князя». В то же время он выступил против критерия, «установленного родовой теорией» (правильнее было бы сказать — В. О. Ключевским), согласно которой «Ярослав распределил части русской земли между сыновьями, «согласуя их взаимное отношение по степени старшинства со сравнительной доходностью этих частей», высказав предположение, что князь руководствовался не столько экономическими, сколько политическими мотивами, пытаясь сохранить за своим преемником на киевском столе такие города Новгород и Туров, чье военное значение возросло в условиях экспансии полоцкого княжества, принадлежавшего потомкам Изяслава Владимировича, старшего брата Ярослава¹⁸⁴.

В сравнении раздела Ярослава с разделом Бржетислава I в Чехии, Пресняков продолжил тенденцию, заложенную С. М. Соловьёвым и продолженную К. Н. Бестужевым-Рюминым¹⁸⁵. Комментируя рассказ Козьмы

Там же. С. 26–27, 35–37, 39–40.

См. *Бестужев Рюмин* К. Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного. М.: Академический проект, 2015. С. 225.

Пражского о разделе Бржетислава I, ученый отмечал, что новизна идеи чешского князя была такой же, как в ряде Ярослава I: «избежать политических последствий раздела установлением объединения князей под старейшинством князя главного отняго стола»¹⁸⁶, по сути дела, воспроизведя идею Соловьёва, с той разницей, что вместо того, чтобы подчеркнуть этим сравнением единство княжеского рода он, в соответствии со своей концептуальной установкой, подчеркивал единство княжеской семьи. Обращение к польскому аналогу раздела 1054 г. — разделу Болеслава III Кривоустого по завещанию 1138 г., — имело прецедент в «Лекциях...» 1902 г. В. О. Ключевского¹⁸⁷, получив у Преснякова подробное освещение, суть которого сводилась к тому, что младшие сыновья князя были наделены уделами, а главный княжеский стол в Кракове передавался по старшинству и был закреплен за старейшим представителем княжеского рода, хотя, с точки зрения терминологии, это наблюдение более органично вписалось бы в родовую теорию Соловьёва, а не в концепцию Преснякова, пытавшегося дистанцироваться от нее. Однако данное обстоятельство не мешало А. Е. Преснякову утверждать, что «политическая мысль Ярослава» была тождественна «с идеями чешского и польского князей»¹⁸⁸. При этом в итоговой характеристике отношений, установившихся после смерти Ярослава, он отмечал, что хотя Русская земля сохранила некоторую политическую целостность, носителем этого единства стал не один старший брат (как предполагалось в родовой теории), а «триумвират» трех старших Ярославичей, коллективно управлявший делами в русской земле до тех пор, пока разногласия братьев, наметившиеся после киевского восстания 1068 г., на некоторое время свергнувшего Изяслава¹⁸⁹, не положили конец сотрудничеству между ними в 1073 г. Описание подобного порядка

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 38.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Т. 1. С. 69.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 39.

Там же. С. 41–43.

княжеского управления с коллективным принятием решений можно найти и «Лекциях...» В. О. Ключевского 1902 г., так что и в этом концептуальная оригинальность построений Преснякова является относительной¹⁹⁰.

Еще раз проблема междукняжеских отношений по ряду Ярослава была затронута А. Е. Пресняковым в лекционных курсах по истории Киевской Руси 1907—1908 и 1915—1916 гг. (доведен до кончины Ярослава I), которые вышли в свет в 1938 г. В лекции №9 говорится об отсутствии «следов старейшинства и родового начала» до смерти Ярослава, — что соответствует фактам лишь отчасти, так как вопрос о приоритете «старейшинства» затрагивается также в летописных статьях 1015 и 1026 гг., — а также о том, что идея «Устава Ярослава не была без корней в древнеславянском обычном праве», имея аналогию в порядках семейной общины (задруги), в которой «преемство в старейшинстве устанавливалось по соглашению ее членов или по завещанию предыдущего главы, притом иногда наряду с другими вариантами в виде преемства брата после брата», однако, признавая влияние задружной теории на свои построения, Пресняков не следовал ей до конца, отмечая, что «задружное старейшинство покоилось на общности нераздельного владения», что противоречило уничтожавшей ее практике раздела, практиковавшейся в княжеской семье, вследствие чего исследователь характеризовал завещание Ярослава как попытку «сохранить старейшинство при наличии раздела частей общего владения между членами княжеской семьи», так что междукняжеские отношения второй половины XI в. он раскрыл как борьбу двух противоположных тенденций, при которой каждая волость, выделенная тому или иному сыну князя, рассматривалась как отчина его потомства, в то время как князья, владевшие Киевом, стремились

¹⁹⁰ Под влиянием А. Е. Преснякова в середине 1920-х гг. В. А. Пархоменко, представлявший раздел 1054 г. как передачу Ярославом своим сыновьям охраны городов по пути «Из Варяг в Греки», писал о «коллективном единодержавии» династии Ярославичей, которое, тем не менее, «не дало реальных результатов в смысле создания единого государства» (Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Ленинград: Госиздат, 1924. С. 106–108).

распоряжаться частями и силами всей страны¹⁹¹. В дополнениях к лекционному курсу отмечалось, что «нет никаких оснований для вывода княжеского порядка «родового» владения Киевом и великим княжением из обычных гражданских отношений наследования и преемства <...>. Не наследство устанавливалось этим порядком, а преемство во власти старейшинства, притом так, что один из вариантов, возможных в практике жизни семейных общин, возводился в норму княжого преемства. Существенным недостатком Эверсо–Соловьёвской родовой теории было упущение из виду различия между семейным или родовым наследством — с одной и преемством во власти старейшины, с другой стороны. В завещании Ярослава речь шла только о последнем»¹⁹².

Концепция А. Е. Преснякова занимала промежуточное положение между задружной и родовой теориями, включая в себе элементы обоих, вследствие чего в его построениях возникло внутреннее противоречие, оказавшее воздействие на характеристику завещания Ярослава I: стремление дистанцироваться от родовой теории не было реализовано до конца, сохраняя некоторые формулировки из концепции Ключевского.

Выводы. Анализ основных репрезентаций завещания Ярослава I, сделанных в рамках родовой теории во второй половине XIX — начале XX вв., позволяет говорить о том, что критические интерпретации С. М. Соловьёва и М. П. Погодина не получили развития в трудах их последователей, внимание которых концентрировалось на концептуальных интерпретациях раздела 1054 г., продолжавших тенденции предшествующего периода. Наряду со сформулированной Соловьёвым жесткой моделью междукняжеских отношений, предусматривавшей гегемонию старейшего представителя рода и лествичное восхождение князей при наследовании волостей, получившей экономически ориентированную интерпретацию у В.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 388, 389.

Там же. С. 498–499.

О. Ключевского и следовавших за ним С. Ф. Платонова и М. К. Любавского, которую попытался преодолеть А. Е. Пресняков, разрабатывались более гибкие концепции Д. И. Иловайского, И. В. Лашнюкова, М. Ф. Владимирского-Буданова и Н. А. Рожкова, учитывавшие критику приверженцев теории общинного быта, к рассмотрению которой мы переходим в следующем параграфе.

3.2. Интерпретации ряда Ярослава I

в теории общинного быта во второй половине XIX — начале XX вв.

Наряду с родовой теорией в историографии с конца 1840-х гг. началось формирование теории общинного быта (или общинно-вечевой теории), в рамках которой внимание сфокусировалось на изучении общины как промежуточного элемента развития между родом и государством, и веча как высшего органа власти выросших из общин древнерусских городов, население которых вступало во взаимодействие с князьями в качестве равноправных субъектов политического процесса.

Одним из первых выразителей этой тенденции стал один из историков славянофильского направления И. Д. Беляев (1810—1873), опубликовавший в 1848 г. работу «Отношение Приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского», в которой вслед за М. П. Погодиным противопоставлял строй европейских государств, возникших в результате завоевания, политическим порядкам на Руси, сложившимся в результате «призвания» варяжских князей и их соглашениям с городами, которые «некоторым образом удерживали свою самостоятельность», несмотря на то, что «князь уже был более или менее самовластен»¹⁹³. Княжение Ярослава I Беляев рассматривал как период усиления княжеской власти, основываясь на

Беляев И. Отношение приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского. М.: Университетская типография, 1848. С. 2.

летописном свидетельстве о том, что после смерти Мстислава в 1036 г. Ярослав сделался «самовластцем» Русской земли. Беляев считал, что «лучшим свидетельством развития княжеской власти при Ярославе служит его духовное завещание, в котором он назначил своим сыновьям столицами уделов именно одни свободные доселе города: Киев, Чернигов, Переяславль

Смоленск, завоеванные или же уступленные земли дал только в придачу к самостоятельным городам, чего доселе не осмеливались делать ни Святослав, ни Владимир, отдававшие в уделы одни завоеванные области»¹⁹⁴.

Причину подобной трансформации исследователь видел в укреплении финансового положения князя, и в его градостроительной деятельности, в результате которой появлялись новые города, зависимые от княжеской власти и еще не успевшие развить самостоятельности. Из текста следует, что,

одной стороны, Беляев пытался придать летописному рассказу о завещании Ярослава новое содержание в рамках формирующейся теории общинного быта, но, с другой стороны, трактовал его в рамках гипотезы о княжеском самодержавии, которое в отличие от представлений, сложившихся в XVIII — начале XIX в., предполагало не постоянный, а временный его характер. И. Д. Беляев одним из первых при рассмотрении раздела 1054 г. акцентировал внимание на значении городских центров, хотя упомянул лишь те, которые имели отношение к Поднепровью. В то же время, критический анализ завещания Ярослава, которое и в 1848 г., и десятилетием позже, в магистерской диссертации «О наследстве без завещания по древним русским законам, до уложения царя Алексея Михайловича» (1858), было охарактеризовано как «древнейшее духовное завещание»¹⁹⁵, не проводился.

«Рассказах из русской истории» — работе научно-популярного характера, первая книга которой вышла в свет в 1861 г., — Беляев ограничился воспроизведением летописной статьи 1054 г., а затем дал

Там же. С. 12.

Беляев И. О наследстве без завещания по древним русским законам, до уложения царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1858. С. 52.

авторский комментарий, который сводился к тому, что по завещанию Ярослава Русь разделилась на семь независимых друг от друга владений, так как к существовавшим до этого раздела Новгородском и Полоцком княжестве прибавились Киевское, Черниговское, Переяславское, Смоленское

Владими́ро-Во́лынское. Относительно системы отношений, установленной Ярославом, он писал следующее: «Хотя по Ярославову завещанию Изяслав Киевский назван старшим князем и заступил место отца, но по характеру своему он не мог занимать этого места, а старшинство по завещанию не давало ему никакой власти над младшими князьями, которые по самому завещанию были признаны независимыми и самостоятельными владельцами каждый в своей области; старший брат даже не получал права суда над младшими и не мог изгнать ни одного из них, а только был обязан помогать тому из братьев, кого будут обижать другие»¹⁹⁶. Пытаясь нивелировать политическое значение «старейшинства», Беляев скорректировал прежнюю точку зрения об усилении княжеской власти во второй трети XI в. за счет высказывания о том, что ни Владимир, ни Ярослав «не были еще самовластцами в Русской земле»¹⁹⁷. Трансформация представлений ученого обуславливалась стремлением более рельефно показать политическую роль местного населения («земщины») с позиций теории общинного быта, которое получило свое продолжение в монографии «Судьбы земщины и земского начала на Руси», написанной в 1865—1866 гг., но опубликованной в 1905 г.

этой работе И. Д. Беляев постулировал исконность общинного быта на Руси, приоритет веча, наличие разных типов правления в русских землях и разных форм княжеской власти. «...Древнейшая форма власти Русского князя, несколько похожая на единоедержавие, постепенно развивалась от водворения Олега в Киев до смерти Ярослава Великого» — писал исследователь, модифицируя ранее высказанное предположение о

Беляев И. Рассказы из русской истории: В 4 книгах. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1861. С. 96, 108, 109.

Там же. С. 99.

«самовластии» князя так, что оно представлялось не результатом кратковременного действия ряда факторов, а результатом длительного развития. В то же время он развил высказанное в «Рассказах по русской истории», предположение о том, что приоритет киевского князя над братьями был формальным. «По смерти Ярослава Русская земля разделилась на несколько самостоятельных владений с самостоятельными князьями, состоявшими между собою лишь в родственной связи, и почти только номинально подчиненными великому князю Киевскому, как старшему из них, а отнюдь не как государю». Это, по его мнению, было причиной ослабления княжеской власти, потому что «по новому порядку каждый князь стал лицом к лицу с одним племенем, крепко сплоченным и имеющим прочную организацию в подчинении пригородов своему старшему городу». Из этого следует, что Беляев рассматривал раздел княжений, осуществленный Ярославом, как ключевую предпосылку усиления земщины, которая «очутилась вдруг в выгоднейшем положении, относительно к князьям, против прежнего времени, не замедлила воспользоваться им и заявить свои права, не высказывавшиеся в прежнее время». Первыми проявлениями этих тенденций историк считал восстание «киевской земщины» против Изяслава Ярославича в 1067 г. (по хронологии Беляева), борьбу «черниговской земщины» против Всеволода Ярославича (1078) и переход «владимири-волынской земщины» от Ярополка Изяславича на сторону его двоюродных племянников Ростиславичей (1084)¹⁹⁸.

Наиболее полное раскрытие идеи И. Д. Беляева о начальном этапе развития междукняжеских отношений и о значении, которое имело для них завещание Ярослава I, получили в «Лекциях по истории русского законодательства» — курсе, читавшемся с начала 1850-х гг. в Московском университете и опубликованном в 1879 г. В этой работе историк характеризовал отношения Рюриковичей, в период между разделом

Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Его же. Земский строй на Руси. СПб.: Наука, 2004. С. 23, 25, 30, 46, 51.

Святослава I и разделом Ярослава I, как отношения самостоятельных и равноправных князей. Применяя к ним термин «удельные князья», он, тем не менее, считал, что «удельные князья в собственном смысле этого слова являются не прежде, как по смерти Ярослава», потому что Ярослав, «умирая, разделил Русь на княжества и определил отношения удельных князей к великому князю и друг к другу», в результате чего «княжеская власть стала постепенно утрачивать свое значение вследствие раздробления Руси на уделы и происшедших отсюда междоусобий, не позволявших князьям утвердиться в том или ином княжестве». Раскрывая положение дел в авторском комментарии к летописному тексту, Беляев писал, что «удельные князья не были подручниками или феодалами великого князя, но владели своими уделами самостоятельно, как и великий князь своим», что «между удельными князьями нет и следов подчиненности великому князю, есть одни только родственные отношения и никаких служебных» и что Ярослав не объявил киевского князя в завещании государем удельных князей, поручив ему, как главе государства, лишь наблюдать за ними и защищать их. «Таким образом, русская земля, находившаяся под властью одного князя, по смерти Ярослава представляется федерацией из пяти самостоятельных и независимых уделов, князья которых, как родные братья, находились только в родственных отношениях между собою, и относились к старшему князю, как к отцу, или даже менее как к отцу, ибо старший князь, по завещанию, не имел права наказывать младших князей или отнимать у них владения и распоряжаться ими, а ему только поручался надзор за младшими князьями и вменялось в обязанность прекращать между ними споры и междоусобия»¹⁹⁹.

интерпретации завещания Ярослава как начальной точки «удельного периода» И. Д. Беляев сходил с М. П. Погодиным. Отдельные элементы концепции сближали Беляева как с Полевым (гипотеза о федерации князей, сложившейся после смерти Ярослава), так с Эверсом и Рейцем (гипотеза о

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типография С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. С. 102–104.

родственных отношениях между князьями и об ограниченной власти старшего брата по отношению к младшим). С одной стороны, формулировки, использованные Беляевым, свидетельствуют о том, что он находился под воздействием предшествующей историографической традиции. С другой стороны, поставленный им вопрос о земско-княжеских взаимоотношениях имел принципиальное значение для развития теории общинного быта и формирования новых представлений о характере княжеской власти. В то же время, его трактовка завещания Ярослава не содержала критики.

Сложнее выделить концептуальные характеристики завещания Ярослава в трудах члена-корреспондента Петербургской АН Н. И. Костомарова (1817—1885) — одного из основоположников изучения региональной (малороссийской) истории и этнографии, в начальный период деятельности близкого к революционно-демократической оппозиции царскому режиму. В 1846—1847 гг. Костомаров преподавал на кафедре русской истории Киевского университета, был арестован за участие в деятельности т. н. Кирилло-Мефодиевского братства, разрабатывавшего проект панславистского политического объединения, приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости и ссылке в Саратов, а после либерализации политического режима Александром II вернулся в Петербург.

в качестве экстраординарного профессора в 1859—1862 гг. он занимал кафедру русской истории в Петербургском университете до его закрытия из-за студенческих беспорядков, а вскоре прекратил преподавать, поскольку его стремление к компромиссу с правительством не нашло понимания у студентов²⁰⁰.

университетскому периоду деятельности Н. И. Костомарова относится появление работ, в которых обосновывается сосуществование двух

См.: *Рубинштейн* Н. Л. Русская историография. С. 424–426; *Астахов* В. И. Курс лекций по русской историографии. С. 378–382; *Иллерицкий* В. Е. Революционная историческая мысль в России. М.: Мысль, 1974. С. 263–264; *Цамутали* А. Н. Борьба течений... С. 127–134; *Шатило* А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. С. 457–458; *Киреева* Р. А. Не мог жить не писать: Николай Иванович Костомаров // *Историки России. XVIII — начало XX века*. С. 287–314; *Брачев* В. С., *Дворниченко* А. Ю. Кафедра русской истории... С. 26–34, и др.

векторов социально-политического развития. В первой университетской лекции, прочитанной 22 ноября 1859 г., Костомаров заявил о необходимости изучения не только истории государства, но и о необходимости изучения истории народа, противопоставив в этом отношении «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина и «Историю русского народа» Н. А. Полевого. В этой лекции Костомаров сформулировал представление о двух укладах — удельно-вечевом и самодержавном, — заявив, что «только приблизительно мы можем определить время первого уклада от древнейших веков до XVI века, когда начала противоположного уклада преобладают, хотя старая жизнь пробивалась и после, а элементы новой являлись ощутительно и во времена седой старины. Так например в X и XI веках Владимир и Ярослав показывают некоторые признаки единовластия, а в XVI

XVII веке, когда единовластие делается торжествующим, не раз порядок удельный как будто хочет возобновиться...». Под понятием «удельности» Костомаров подразумевал строй, при котором отдельные части образовывали «единое государственное тело», не прекращая «отдельного существования», их единство обеспечивалось различными «институциями», такими как единство княжеского рода²⁰¹.

Эти идеи получили развитие в опубликованной в 1860 г. статье «Мысли о федеративном начале в Древней Руси», которая, как установил В. В. Боярченков, основывалась на трех лекциях курса, читавшегося Н. И. Костомаровым в марте 1860 г.²⁰² В статье Костомаров сформулировал представление о том, что «коренной зачин русского государственного строя шел двумя путями: с одной стороны, к сложению всей Русской земли в единое самодержавное тело, а с другой — к образованию в нем политических обществ, которые, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между

Вступительная лекция по русской истории, читанная профессором Костомаровым в Императорском Санкт-Петербургском университете // Русское слово. 1859. №12. Отд. 1. Стр. X, XI.

Боярченков В. В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20—70-х гг. XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 72.

собою связи и единства, выражаемого их совокупностью»²⁰³. Эти представления получили название «федеративной теории»²⁰⁴.

Лишь применительно к XII в. Н. И. Костомаров писал, что «народное начало всплыло наверх и взяло перевес над княжеским»²⁰⁵. До этого времени он, напротив, подчеркивал взаимодействие народа и княжеской власти: «Если поставление у народов князей из единого рода, с одной стороны, способствовало обобщению самих народов, то, с другой стороны, поддерживало и особенные стихии каждого из них; чем более разветвлялись уделы, тем невообразимее казалось соединение против князей: народные побуждения переплелись с княжескими» и «значение князя совпало с народными убеждениями», а в отдельных случаях и приоритет княжеской воли над народными интересами. «Собственно князья, в распределении своих волостей, не сообразовались строго с народностями, не думали, чтобы один или другой из их собратий владел тем или другим племенем. Когда Ярослав делит своим детям волости, то говорит: одному Киев, другому Чернигов, третьему Переяславль, четвертому Владимир, пятому Смоленск; а не говорит: этому полян, другому древлян, третьему волынян и так далее». Этот, один из немногих примеров среди многочисленных абстрактных рассуждений исследователя, весьма показателен, хотя и страдает как недостатком конкретики, так и фактической неточностью (княжение во Владимире-Волынском получил не четвертый, а пятый по счету сын Ярослава). Говоря о факторах, обеспечивавших единство народностей и племен, — к которым исследователь относил общую религию, быт, язык и княжеский род, — он коснулся практики междукняжеских разделов, отметив, что «обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалеть об удельной

Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Основа. 1860. №2 (отд. оттиск). С. 1.

По М. Б. Свердлову, предшественником «федеративной теории» Н. И. Костомарова являлся А. И. Герцен (*Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 91, 93*), хотя представления о «федерации» русских земель разрабатывались еще Н. А. Полевым (*Киреева Р. А. Государственная школа... С. 55*) и И. Д. Беляевым.

Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси. С 27.

системе, жаловаться на ее беспорядки, думать, что она замедляла прогресс Русской земли, приписывать ее неблагоразумию Ярослава и если извинять его, то единственно грубостью и невежественностью века» и, подчеркнув, что именно подобный порядок поддерживал связь и единство “Русского мира”. «Не Ярослав выдумал делить Россию детям, даже не Владимир. В договоре Олега говорится о светлых князьях, сущих под его рукой. При Владимире эти старые удельные князья заменены другими из одного рода. Это могло повести только к большему единству, а не к раздроблению. Удельный порядок вытекал из сущности положения, в каком находились народы, составившие позднее Русскую державу. Чтобы соединить рассеянные, разделенные одни от других племена, нужно было именно то, чтобы и у одного и у другого народа были начальники, родственные меж собою, тогда и народное сознание взаимного родства получало себе пищу»²⁰⁶.

В 1870 г. эти идеи были воспроизведены Н. И. Костомаровым в статье «Начало единовластия в Древней Руси», где историк отметил, что «нет ничего ошибочнее, как воображать себе Владимира и Ярослава монархами и, хваля за мудрое строение государства, обвинять их за отеческую слабость, с какою они, по мнению некоторых, разрушив собственную работу, раздавали волости своим сыновьям и тем раскрыли дорогу бесконечным ссорам и усобицам» и что «если уж приходится хвалить или порицать этих деятелей давно минувших веков нашей истории, то их скорее можно похвалить за тот раздел Руси между сыновьями, за который их порицали», так как именно этот факт «приводил Русь к единству, а не отдалял ее от него»²⁰⁷. Подобные взгляды сближали Н. И. Костомарова с И. Д. Беляевым и Н. Г. Устряловым, которого он сменил на кафедре русской истории в Петербургском университете. Но, в отличие от Устрялова, возражая родовой теории,

Там же. С. 10, 28.

Костомаров Н. И. Начало единовластия в Древней Руси // *Его же*. История Руси Великой. Сочинения: В 12 томах. Т. 12. Истоки русского единовластия. М.: Мир книги, 2005. С. 15.

Костомаров выступал с критикой одного из ключевых ее элементов — идеи о приоритете старейшинства, которое, по его мнению, действовало только тогда, когда старейший князь княжил в старейшем городе, а родовые отношения князей принимались во внимание земщиной не как юридическое право, а как нравственное соображение, основанное на старшинстве в семейном быту²⁰⁸.

Еще раз к освещению этих вопросов Н. И. Костомаров обратился в первом выпуске «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (1873). Однако в биографическом очерке о Ярославе I он ограничился пересказом фактического содержания раздела, допустив неточность относительно того, что Святослав Ярославич был посажен князем

Чернигове, тогда как по летописному известию при жизни отца он княжил на Волыни. Авторскую интерпретацию раздела Н. И. Костомаров дал в биографическом очерке о Владимире Мономахе, где, в частности, отметил, что после Ярослава «начинается уже тот период, который обыкновенно называют удельным». При этом он отрицал за разделом Ярослава установление наследственного характера уделов или какого-либо порядка преемственности²⁰⁹, опустив данные «Повести временных лет», свидетельствовавшие о приоритете старейшинства. Идеи Костомарова вполне могут быть охарактеризованы как *общинно-княжеский дуализм*²¹⁰, что, на наш взгляд, более точно выражает суть данной модели взаимодействия княжеской и народной власти, чем традиционное ее определение как «общинно-вечевой», в которой внимание акцентируется лишь на одной части этой модели и игнорируется значение князей в организации общинного быта.

Там же. С. 29–30, 32.

Костомаров Н. И. Русская история в биографиях ее главнейших деятелей // *Его же*. История Руси Великой. Т. 1. М.: Мир книги, 2004. С. 27, 40, 41, 43.

Термин предложен в кн.: Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси... С. 33.

Дальнейшее развитие теории связано с работами ученика И. Д. Беляева, профессора, а позже ректора Петербургского университета В. И. Сергеевича (1832—1911), который осуществил анализ взаимодействия составных ее элементов в магистерской диссертации «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей» (1867). Первые же слова Сергеевича — «Народ и князь суть два одинаково существенных элемента древне-русского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, другой — главную силу князя составляет тот же народ» — свидетельствуют о том, что краеугольным камнем его концепции являлось представление об общинно-княжеском дуализме. Вече он считал формой участия народа в общественных делах, «первоначальной формой быта», которая во времена князей Рюриковичей встречалась «на всем пространстве княжеской России» — то есть, сопутствовала княжеской власти, а не противопоставлялась ей. Это вытекает из утверждений историка о том, что «где были князья, там было и вече», о том, что вече «не есть явление одиночное, стоящее вне прямой связи с другими сочинениями княжеской России», так как «оно составляет необходимое к нему дополнение»²¹¹.

разделе, посвященном реконструкции взаимоотношений веча и княжеской власти, Сергеевич не только акцентировал внимание на том, что «все общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя», на том, что «страдательное отношение к вечу сделало бы князя только послушным орудием враждебных одна другой партий вместо того, чтобы дать в нем обществу начало примирения, сосредоточение и олицетворение интересов, общих целой волости», но и подчеркнул следующее: «в наших источниках не встречаем ни одного указания на то, чтобы народ смотрел на князя только как на исполнителя вечевых постановлений», поскольку «князь постоянно принимает деятельное участие в вечевых решениях и приводит в

Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 1, 2, 20.

исполнение только те из них, на которые дает свое согласие». Юридическим оформлением такого порядка, с точки зрения исследователя, являлся ряд — соглашение об условиях между общиной и призываемым ею князем, которые «кладутся в основание будущему княжению»²¹². Приведенные примеры являются основанием для того, чтобы охарактеризовать концепцию Сергеевича, предполагавшую существование «двух одинаково существенных элементов древнерусской государственности»²¹³, как концепцию общинно-княжеского дуализма.

концепции Сергеевича предполагалось, что договор регулировал не только взаимодействие между князьями и общинами, но и взаимоотношения между членами княжеского рода, в развитии которых исследователь выделил 9 периодов, соответствующих 9 поколениям Рюриковичей от смерти Святослава I до смерти Михаила Ярославича Тверского (972—1318), отметив, что «эти периоды, не представляя никакого различия начал, имеют одно значение внешних рамок, в пределах которых будут рассматриваться отношения князей современников». В рамках исследуемой темы достаточно раскрыть содержание первых трех периодов междукняжеских отношений, включающих отношения между сыновьями Святослава I (972—1015), отношения между сыновьями Владимира I (1015—1054) и отношения между сыновьями Ярослава I (1054—1093). Отношения между Святославичами Сергеевич представлял как равноправное братское совладение: «каждый из братьев имел свою особую волость, причем власть одного исключала власть другого...»; отношения между Владимировичами, по его мнению, очень напоминали отношения Святославичей. В этот же период исследователь фиксировал появление между князьями договорного начала, выразившегося в соглашениях, заключенных Ярославом I по результатам вооруженных столкновений с племянником Брячиславом Полоцким (1021) и братом

Там же. С. 99, 100–101.

Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление... С. 87; *Её же*. Некоторые вопросы истории России в трудах В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, Ф. И. Леонтовича // История и историки. Историографический вестник. 2001. С. 151.

Мстиславом Тмутороканским (1026). Отношения между сыновьями Ярослава I с 1054 по 1073 гг. Сергеевич характеризовал как отличающиеся «более миролюбивым характером», предполагая, что их коллективные действия также регулировались на основании соглашения²¹⁴.

завещании Ярослава I В. И. Сергеевич писал, сравнивая его с завещанием великого князя Московского Ивана III (1462—1505), следующее: «Приказывая, как и Иван Васильевич, «слушаться старшаго в собе место», он делит между ними города и завещает им «не преступати предела братьня, ни сгонити». Столь странное, на первый взгляд, сравнение было обусловлено догматическим подходом юриспруденции, согласно которому «договор всех времен и народов» представлял собой одну и ту же форму²¹⁵, и следствием его являлся вывод о том, что как после смерти Ивана III, так и после смерти Ярослава произошло нарушение «единства власти» в результате появления уделов. «Если у каждого брата свой особый удел, то понятно, что между ними возможны враждебные столкновения. Ярослав, не раз поднимавший оружие на родных братьев, предвидел это. Но и он, как его далекий и знаменитый потомок, не подчиняет младших сыновей суду старшего, а только приказывает ему помогать тому из братьев, на которого восстанут другие. Таким образом, Ярослав оставляет отношения своих сыновей в таком положении, при котором суд Божий был необходимым решителем княжеских споров». Из этих слов следует, что В. И. Сергеевич представлял власть старшего из братьев по завещанию Ярослава весьма ограниченной и это представление получило свое развитие в анализе летописной формулы «въ отца место», о которой он писал следующее: «Власть отца семейства была единственной не договорной властью, какую только знали князья; она

Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 158–163.

Милуков П. Н. Главные течения... С. 409. О специфике методологии В. И. Сергеевича, испытавшей влияние позитивизма, см. в кн.: Медушевский А. Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993. С. 52–58; Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление... С. 45–47; Её же. Некоторые вопросы истории России в трудах В. И. Сергеевича... С. 149–150; Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси... С. 108.

устанавливалась не в силу свободной воли сторон и была выше человеческого произвола. В семействе не было войны. Состояние членов семейства под властью отца представляется замиренным, прочным; это завидное состояние эпохи столь богатую войнами, как княжеская эпоха. Отсюда понятно, что князья ничего лучшего не могли завещать своим детям, как продолжение семейного быта под властью названного отца. Но так как названному отцу не сообщалась действительная отеческая власть, то тоже понятно, что воля отца оставалась только добрым желанием, а выражение «въ отца место» формой, которой вовсе не соответствовали новые отношения, возникшие между братьями в силу того же завещания»²¹⁶.

Из этого высказывания видно, что «старейшинство» князей В. И. Сергеевич трактовал как формальное явление. Хотя относительно завещания Ярослава I ученый полагал, что оно «сохранено летописцем далеко не вполне», это не помешало ему увидеть в нем одно из первых установлений порядка наследования городов и волостей по праву отчины, переходящей по прямой нисходящей линии от отца к сыну. Доказательство этому утверждению историк видел в рассказе Ипатьевской летописи под 1195 г., обсуждавшемся в историографии со времени С. М. Соловьёва, где говорилось о том, что потомки Всеволода Ярославича (Мономашичи) безуспешно пытались предъявить потомкам Святослава Ярославича (Ольговичам) ультиматум с требованием отказаться от претензий на Киев — «како разделил нас дед наш Ярослав — по Днепр», — ограничившись в своих притязаниях левым берегом реки²¹⁷.

Специальный раздел В. И. Сергеевич посвятил критике родовой теории в том виде, как она была изложена во втором томе «Истории России» С. М. Соловьёва, подвергнув сомнению его представления о взаимоотношениях между «старшими» и «младшими» князьями в силу «обычаев родового быта», и основываясь на поздних летописных примерах, описывавших

Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 261, 262–263.

Там же. С. 323–324. Ср. *Соловьёв* С. М. История отношений... С. 144. Прим. 1.

события конца XI—XII вв. Ключевое возражение было направлено против предположения Соловьёва о существовании «старейшинства», общего для всего княжеского рода. В связи с этим, Сергеевич обратился к завещанию Ярослава I, отметив, что «в Ярославовом завещании не говорится ни слова о правах старшего князя над младшими. Там нет ни малейшего намека на право Изяслава судить своих младших братьев, наказывать их, распределять между ними русские волости по усмотрению, приказывать выступать в поход пр.; а потому его нельзя приводить в пояснение высказанного автором взгляда. В завещании говорится, правда, о послушании младших братьев старшему, но в то же время говорится и о послушании их друг другу, и, следовательно, о послушании старшего младшим». Вывод В. И. Сергеевича сводился к тому, что предположение Соловьёва о «старшем» князе было неправильным и это неправильное предположение «повело к неправильному представлению о порядке перехода столов, о князьях, исключенных из старшинства, изгоях, и пр.». Исследователь указал и на источник этого представления, которое, по его мнению, коренилось в «предшествующем состоянии исторической науки, в некоторых взглядах Эверса и Рейца»²¹⁸.

С. М. Соловьёв в дополнениях к пятому изданию II тома «Истории России...» (1879) в общих чертах подверг критике представления В. И. Сергеевича о вече и об отсутствии родового «старейшинства» среди русских князей, отметив, что при воспроизведении междукняжеских отношений он следует взгляду М. П. Погодина, у которого «князья действуют как владельцы, не имеющие никаких отношений между собою», вследствие чего, «читая книгу г-на Сергеевича, мы видим себя среди каких-то зверей, а не людей, всегда чувствующих потребность оправдать свои действия»²¹⁹. Однако, подвергая критике догматический подход Сергеевича при интерпретации рассматриваемых явлений, настаивая на «историческом пути»

Сергеевич В. И. Вече и князь. С. 271, 272. Ср. Иллерицкая Н. В. Некоторые вопросы истории России в трудах В. И. Сергеевича... С. 154–155.

Соловьёв С. М. История России... Т. 1–2. С. 663.

их рассмотрения, С. М. Соловьёв умолчал о том, что критика родовой теории Сергеевичем не была лишена собственной «теоретической нагрузки», обусловленной тенденцией к раскрытию междукняжеских отношений как договорных, которая приобрела законченный вид в его трехтомном труде «Русские юридические древности» (во 2 и 3 изданиях — «Древности русского права»), вышедших в свет между 1890 и 1911 гг.

последней прижизненной публикации этого компендиума, произошла радикализация представлений автора относительно договорного начала в междукняжеских отношениях. Если сначала исследователь датировал появление договорной практики третьим десятилетием XI в., то затем ее зарождение было отнесено к 970-м гг. — точнее, к несостоявшемуся мирному договору между Владимиром и Ярополком Святославичами, заключение которого, согласно «Повести временных лет», сорвалось из-за убийства последнего в результате предательства воеводы Блуда. Исходя из представления о том, что удельные князья являлись выразителями интересов волостей, В. И. Сергеевич предполагал, что служение этим интересам могло разорвать даже естественную связь отца с сыном, приводя в качестве примера конфликт между Владимиром Святославичем и его сыном Ярославом из-за новгородской дани в 1014—1015 гг. и, подразумевая, что если было возможно открытие военных действий отцом против сына, сорванных вследствие внезапной кончины Владимира, то столь же вероятным было и заключение между ними договора о мире. Налицо была тенденция к целенаправленному удревнению договорных отношений, которая опиралась уже не на факты из летописи, а на гипотетические допущения исследователя. Меньшую трансформацию испытало представление Сергеевича о роли завещания Ярослава I в утверждении отчинного принципа наследования уделов, в котором исследователь видел вторую попытку установления подобного порядка наследования после выделения Владимиром I полоцкого княжества в отчину своему сыну Изяславу, о чем ретроспективно сообщалось в Лаврентьевской летописи под

1128 г. Подобная точка зрения обусловила утверждение о том, что «переход одного из сыновей Ярослава на стол другого по его смерти является таким же нарушением завещания, как и захват братнина стола при его жизни»²²⁰. Последняя воля князя модифицировалась за счет проецирования концептуальной интерпретации, определяющей раскрытие дальнейшего хода междукняжеских взаимоотношений, на зафиксированный в «Повести временных лет» запрет захвата чужих владений. В результате целый ряд последующих событий, — включая изгнание Изяслава Ярославича из Киева младшими братьями в 1073 г., — трактовался Сергеевичем как нарушение отчинного принципа наследования волостей, которые, по его мнению, должны были передаваться по прямой нисходящей линии.

Существенные изменения претерпели взгляды исследователя на вопрос о приоритете «старейшинства». Если в 1867 г. Сергеевич считал его формальным явлением, то к 1909 г. он утверждал следующее: «Есть основание думать, что в княжеских семьях старшему сыну принадлежало некоторое преимущество в наследовании княжеских владений. Наследование в княжеских владениях отличалось от наследования в частной собственности. Собственность делилась на равные части, а при дележе владений сообразовалась с естественным делением их на волости, а волостей на города пригороды. При этом доли получались неравные и не одинакового достоинства; одни волости были лучше, другие хуже; города же, по общему правилу, всегда были лучше пригородов. Таким образом, при разделе княжеских отчин всегда возникал вопрос, кому дать лучшую волость, кому следующую за ней по достоинству и т. д. При этом обнаруживалось преимущество старшинства братьев. Старший брат при всех других равных условиях, получал от отца лучший стол, остальные распределялись между

Сергеевич В. И. Древности русского права: В 3 томах. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. М.: Зерцало, 2006. С. 117–119, 135.

младшими»²²¹. Установление подобного порядка — наблюдаемого «с древнейших времен» — В. И. Сергеевич относил ко времени сыновей Святослава I, тогда как в первом издании своего труда он отстаивал мнение об их равноправии. При этом надо отметить, что на представления В. И. Сергеевича о приоритете «брата старейшего» повлияли не только летописные примеры, относящиеся к X—XI вв., но и более поздние примеры, относящиеся к XII—XIV вв., что стало следствием догматического подхода к интерпретации рассматриваемых явлений, при котором идея развития практически отсутствовала. Казалось бы, в представлениях В. И. Сергеевича родовом старейшинстве мы могли бы констатировать определенную эволюцию взглядов, если бы в том же томе «Древностей русского права», в посвященном родовому старейшинству разделе, исследователь не выступил с критикой гипотезы о наследовании киевского стола по старшинству, полемизируя с концепцией К. А. Неволлина и отстаивая мнение о многообразии вариантов приобретения столов²²².

Подобная тенденция имела место и в отношении концепции С. М. Соловьёва, критика которой была существенно расширена за счет вопроса о порядке наследования столов в X—XI вв., который В. И. Сергеевич обошел молчанием в 1867 г. «По смерти Святослава старший его сын получает Киев, младшие — один Древлянскую землю, другой Новгород. По теории, Ярополк делается отцом своих братьев, младшие его братья, Олег и Владимир, — его сыновьями. Но действительные отношения этих князей совершенно не соответствуют такому предположению. Ярополк начинает войну с Олегом и присоединяет волость брата к своим владениям. За этим Владимир начинает войну с Ярополком, изменнически приказывает его убить при входе в свой дворец и завладевает всеми его владениями. Это ли господство родового быта в среде князей, это ли общее, нераздельное владение Русской землей

Там же. С. 142. Наряду с генеалогическим «старейшинством» В. И. Сергеевич выделял «старейшинство» по княжению в «старейшем» городе, которое могло быть приобретено на основании договора между князьями (Там же. С. 144).

Там же. С. 224–248.

целым родом Рюриковичей? По смерти Владимира старший его сын, Святополк, делается киевским князем и также вступает в братоубийственную войну с братьями из-за владений. Где же тут отец и дети? Победителем выходит Ярослав. Он переживает всех своих братьев за исключением Судислава, но и он не может терпеть подле себя брата, а по родовой теории — сына. Он заключает его в тюрьму и раздает все свои владения сыновьям, ничего не оставляя брату, тогда как, по теории, брату следовало дать первое место. Отчего же устранен Судислав от общего, нераздельного владения Русской землей? Может быть, он изгой в том смысле, как понимает это слово родовая теория? Нет, его отец сидел в Киеве и с точки зрения теории он имел несомненное право на старейшинство после Ярослава. Он устранен был потому, что наши древние князья и не подозревали о существовании теории родового распределения столов» — заключал В. И. Сергеевич²²³.

Комментируя это высказывание историка, во-первых, необходимо заметить, что оно, в некоторой степени, вступало в противоречие с его утверждением о том, что право «брата старейшего» на лучший стол складывалось с древнейших времен, а во-вторых, теоретические несоответствия подобного рода, при всей их справедливости, можно найти и гипотезе об отчинном порядке наследования волостей, которые Сергеевич списывал на «самовольные распоряжения старших братьев»²²⁴. Не ограничиваясь указанными соображениями, авторская критика родовой теории в «Древностях русского права» распространялась и на гипотезу о лестничном восхождении при распределении волостей. Против этой гипотезы В. И. Сергеевич выдвинул несколько возражений. Одно из них заключалось в том, что, основываясь, видимо, на вышеуказанном наблюдении Н. М. Карамзина (см. 2.1), он утверждал, что при перечислении сыновей Ярослава I в Троицкой летописи Игорь упоминался перед своим братом Вячеславом, которому наследовал в Смоленске в 1057 г., будучи

Там же. С. 279.

Там же. С. 135.

выведен старшими братьями из Владимира на Волыни. «Если принять это свидетельство Троицкой летописи — писал исследователь, — то будет доказано совершенно противное тому, чего желает родовая теория: старший брат окажется переведенным на место младшего и получится движение не к старшинству, а в обратную сторону». Сомневался Сергеевич и в том, «можно ли видеть в сыновьях Ярослава верных проводников патриархальных начал и всякое действие их объяснять стремлением к выполнению правил родовой теории», приводя в качестве аргумента как факт изгнания из Киева Святославом и Всеволодом старшего брата Изяслава, так и тот факт, что Изяслав в союзе с Всеволодом «не затруднился обобрать своих племянников, сыновей Святослава и Вячеслава» — при этом, определенно утрируя суть событий, имевших место, соответственно, в 1077 и 1057 гг., в попытке обосновать предположение о том, что Игорь был переведен братьями в Смоленск «вовсе не для того, чтобы открыть ему радужные перспективы киевского княжения, а чтобы поделиться его властью, а его самого удовлетворить наследием малолетнего Бориса Вячеславича, который явился
этом случае изгоем в настоящем смысле слова, ибо по малолетству совершенно был обобран своими дядями»²²⁵.

В. И. Сергеевич провел и критический анализ термина «лествичное восхождение», в данном случае пойдя «историческим путем», в отсутствие которого упрекнул его в своей рецензии С. М. Соловьёв, и пришел к следующему выводу: «Самое выражение «лествичное восхождение» не выдуманно автором теории родового быта, оно взято им из Никоновской летописи и принадлежит XVI веку. Неизвестный нам составитель Никоновской летописи не ограничивается простой передачей того летописного материала, который он нашел в старых списках летописей. Он заинтересован смыслом описываемых событий и иногда не может отказать себе в попытке объяснить эти события. Но он делает это не со стороны, не от

Там же. С. 280–281.

своего имени, он влагает свои объяснения в уста действующих лиц. Вот именно в таком-то сочиненном своим составителем месте и идет речь о лествичном восхождении. Составителя Никоновской летописи заинтересовал нас занимающий вопрос о том, на каком основании происходило в древности преемство столов. Он начал вдумываться в него и решил, что они достигают Киева лествичным восхождением. Но он не написал об этом особого исследования, как сделали бы люди нашего времени. Он воспользовался приводимым в старой летописи спором князей из-за обладания Киевом и заставил черниговского князя в своем ответе киевскому высказать свою собственную мысль о древнем порядке преемства.

Составитель летописи, конечно, был совершенно убежден в правдивости своего объяснения, а потому и не затруднился объяснить старый текст, по всей видимости, мало ему понятный, своим сочинением <...>. Если Соловьев отдает в этом случае предпочтение тексту Никоновского списка перед списками более древними, это прискорбное недоразумение и только» — заключал исследователь²²⁶.

Надо сказать, что В. И. Сергеевич допустил натяжку, приписав авторство родовой теории исключительно Соловьёву, хотя в первом издании своего труда он упомянул и о его предшественниках — Эверсе и Рейце. В общих чертах, претензии Сергеевича к родовой теории сводились к следующему: «Корень ошибочного толкования источников родовой теорией заключается в том, что она отправлялась от предположения наличности строго выработанного порядка преемства для такого времени, когда люди действовали не столько по правилам, сколько в меру своей силы. Родовая теория заплатила этим дань своему времени: мы понимаем пользу правового порядка, мы говорим — всякий закон лучше произвола; мы думаем, что без

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 281–282. В издании 1867 г. исследователь отметил только то, что это место Никоновской летописи «не может быть рассматриваемо как источник, а только как первый и при том очень слабый опыт отечественной историографии XVI века к объяснению порядка перехода столов» (*Его же*. Вече и князь. С. 303. Прим. 48).

закона жить нельзя. Родовая теория перенесла эти воззрения в отдаленную древность. Она была не в состоянии представить себе жизни без точных правил, а наша древность не успела еще выработать эти правила. Наши летописи говорят о старшинстве князей, но предвзятость теории помешала разглядеть, какое это старшинство. Это — старшинство лет, старшинство по договору, по договору, а она везде видела родовое старшинство, принадлежавшее единому старейшине во всем роде Рюриковичей, занимающему киевский стол. По отношению к этому старейшине все другие князья — младшие и ему подчинены. На такого старейшину в наших источниках нет ни малейшего намека»²²⁷.

Несмотря на то, что возражения В. И. Сергеевича против гипотезы о лестничном восхождении князей и родовой теории в целом были обоснованными с источниковедческой точки зрения, следует заметить, что, как и его оппоненты, он пользовался методом экстраполяции позднейших явлений на ранний исторический период как в соображениях о приоритете «старейшинства», так и в соображениях о договорных отношениях между князьями, о чем говорилось выше. Высказывания Сергеевича о формальном приоритете старейшинства, о существовании отчинного права наследования волостей, равно как и том, что завещание Ярослава I являлось лишь одним из этапов его становления, позволяют говорить о его близости к взглядам М. П. Погодина, от которого, тем не менее, его отделяло расхождение с ключевыми элементами родовой теории и отсутствие критического подхода к рассказу «Повести временных лет» под 1054 г.

Полемика между В. И. Сергеевичем и С. М. Соловьёвым на рубеже 1860—1870-х гг. получила освещение в трудах ряда исследователей²²⁸. Первым ее коснулся профессор А. Д. Градовский (1841—1889), наряду с

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 282.

Краткое изложение рецензий М. П. Погодина, В. Н. Лешкова и А. Ф. Бычкова на монографию «Вече и князь», оставшихся для нас недоступными, см. в кн.: *Иллерицкая* Н. В. Историко-юридическое направление... С. 90–91; *Её же*. Некоторые вопросы истории России в трудах В. И. Сергеевича... С. 155–156.

Сергеевичем являвшийся представителем второго поколения «государственной школы», преподававшим в Петербургском университете историю государственного права. Градовский, в целом, разделял положения общинной теории²²⁹, в рецензии на монографию Сергеевича, опубликованной

«Журнале Министерства народного просвещения» (№10 за 1868) под названием «Государственный строй древней России», признавая взаимодействие в общественно-политическом процессе князя и народа, однако расходился с ним в определении веча как формы народных собраний, а не формы «быта народного», так как «непосредственная демократия не есть исключительное произведение древней русской жизни» и ее начала «в самых разнообразных формах проявлялись у различных народов». То же самое можно сказать об определении понятия «волость», которую, в отличие от Сергеевича, он рассматривал не как «княжение», а как «цепь общин, связанных между собою иерархическими отношениями»²³⁰.

то же время Градовский выступал в защиту некоторых элементов родовой теории, отметив, что «автор отверг идею наследования престолов и с горячностью новатора отрицает ее везде», хотя это «слишком поспешно, да при том и бесполезно». Разбирая критику Сергеевичем теории Соловьёва, рецензент подчеркнул, что «теория г. Соловьёва очень проста и мало походит на вымышленную теорию», поэтому, «мы не видим, почему князья не могли иметь особых правил о наследовании престолов — правил, которые в некоторых случаях противоречили понятиям народа и практике самих князей». В качестве аргумента в пользу представления о порядке лестничного восхождения князей Градовский сослался на то, что он доказывается «распределением столов после смерти Ярослава Мудрого и тем, что впоследствии каждый князь, считавший себя старшим братом, предъявлял права на киевский стол», тогда как племянники могли «занимать его только

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 110–111; Иллерицкая Н. В. Некоторые вопросы истории России в трудах В. И. Сергеевича... С. 156–158.

Цит по: *Градовский А. Д. Государственный строй древней России // Его же. Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. С. 348, 350.*

фактически, силою, но не по праву». Особое внимание рецензент уделил критике понятия о лествичном восхождении князей: «Г. Сергеевич говорит, что теория “лествичного восхождения” основана на свидетельстве Никоновской летописи, и что все это свидетельство есть *сочинение* позднейшего составителя летописи. Всякий, кто читал историю г. Соловьёва, припомнит, что почтенный наш историк строит свою теорию не на основании одного этого места Никоновской летописи. Он приводит его потому, что в нем действительно хорошо сформулировано правило, которым, по мнению г. Соловьёва, определялось наследование престолов. Он видит применение этого закона во многих фактах нашей истории, независимо от слов летописи». Градовский усомнился в том, что указанный Сергеевичем летописный фрагмент мог быть выдуман летописцем XVI в. и завершил разбор вопроса заключением о том, что «Соловьёв выставил свою теорию. Его противники не выставили никакой. Между тем его теория — самая естественная и наиболее подходящая к фактам истории Рюриковичей»²³¹. Таким образом, построения А. Д. Градовского в определенной степени являются попыткой синтеза теорий общинного и родового быта.

Альтернативный взгляд в «Заметках по истории русского государственного устройства и управления», также опубликованных в «Журнале Министерства народного просвещения» (№11–12 за 1869), обосновал выпускник юридического факультета Петербургского университета Д. Я. Самоквасов (1843—1911), позже ставший профессором русского права в Варшавском и Московском университетах и директором Московского архива Министерства юстиции. Самоквасов отметил, что С. М. Соловьёв признает родовой быт у славян, не выяснив значения слова *род*, и таким образом, «целая система заключений, самых смелых и высшей степени важных для науки, строится на недоказанном положении, и из него выясняются общественные и государственные отношения», и присоединился

Там же. С. 352–354.

мнению В. И. Сергеевича, утверждавшего, что в «историческую эпоху Рюриковичей род не существовал, как учреждение с определенными правами и обязанностями его членов», в то же время, отметив, что «г. Сергеевич, разбивая теории, до сих пор царившие в науке, положил в основание своей книги не выясненное, не доказанное положение, построенное на односторонних или неверно понятых фактах, и потому, желая осветить им весь строй государственного быта и управления России во времена Рюриковичей, впадает в противоречия и ошибки, из которых получилась картина древней жизни, древних государственных и общественных отношений, далеко не соответствующая действительности».

Суть расхождений Самоквасова с Сергеевичем сводилась к тому, что он пытался опротестовать представление об универсальности вечевого строя, полагая, что он существовал только на севере Руси, в Новгороде, Пскове и Вятке, тогда как в южнорусских землях сложилась княжеская монархия. В то же время, Самоквасов отметил, что предложенная Сергеевичем теория призвания князей на княжение, совместно с теорией “добывания” столов, пытается опровергнуть теорию законного порядка их наследования, «основанную на подлинном свидетельстве летописи, на не подлежащем сомнению завещании Ярослава Владимировича и на множестве исторических фактов, относящихся к порядку преемству великокняжеского стола Киевского». Обратив внимание на взаимосвязь летописной статьи 1054 г. с летописными статьями 1073 г. (рассказ об изгнании Изяслава Ярославича из Киева) и 1093 г. (рассказ о “заповеди” Ярослава Всеволоду), Д. Я. Самоквасов на основании последнего сюжета сделал вывод о том, что в соответствии с завещанием Ярослава «стол киевский мог быть законно наследуем только по очереди, без насилия, то есть, был учрежден законный порядок перехода Киевского стола, а под 1054 годом об этом порядке не сказано ни слова»²³².

Самоквасов Д. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб.: Печатня В. Головина, 1870. С. 28–30, 35, 41.

Еще раз к этому вопросу Д. Я. Самоквасов вернулся в работе «Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства» (1886), где охарактеризовал порядок наследования княжеской власти в период от Рюрика до Ярослава I как распоряжение русской землей на правах полной частной собственности и имения, приобретенного в результате варяжского завоевания, в отношении которого действовали такие юридические процедуры, как завещание, наследование и раздел. После же смерти Ярослава русская земля утратила значение «благоприобретенного имущества», получив значение «родовой собственности», переходящей от одного поколения потомков родоначальника к другому «законным порядком помимо воли умирающих князей», когда «все потомки родоначальника имеют право на части в имении, принадлежавшем их общему предку»²³³.

Свою точку зрения Д. Я. Самоквасов окончательно сформулировал в лекционном курсе «Древнее русское право» (1903), где подробно остановился на завещании Ярослава I: «*Ярослав Владимирович разделил между своими сыновьями Русскую землю: старшему сыну Изяславу назначил Туров и поручил ему владение великим княжеством Киевским, Святославу дал Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир, а Вячеславу — Смоленск*» — писал исследователь, упуская из виду, что Туров не был получен Изяславом по завещанию Ярослава, а являлся местом его княжения при жизни отца. «Со времени этого распоряжения Русь делается родовым имением потомков завоевателя, долженствующим переходить по наследству между размножавшимися потомками бывшего единодержавного обладателя по определенному законному порядку» — утверждал историк, считая, что этот порядок «несомненно существовал в сознании Ярослава, его современников и потомков, как священная старая правда, данная Богом и не подлежащая произволу людей». Фактами, доказывавшими существование

Самоквасов Д. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1886. С. 26–29.

этого порядка, Самоквасов считал рассказ о “заповеди” Ярослава Всеволоду летописной статье 1093 г. и помещенный там же рассказ об отказе сына Всеволода, Владимира Мономаха, от занятия вакантного киевского стола в пользу своего двоюродного брата Святополка Изяславича. Из сопоставления этих данных следовал вывод о том, что вакантный стол должен был наследоваться строго по старшинству, от представителей старшей ветви к младшей²³⁴. Начав с критической оценки оснований доминировавших в историографии второй половины XIX в. теорий, Д. Я. Самоквасов ограничился констатацией сосуществования в русских землях разных типов правления (сблизившись в этом отношении с И. Д. Беляевым) и догматической интерпретацией летописного текста о завещании Ярослава, которому придавал значение как акту юридического оформления родовой собственности Рюриковичей на русскую землю и признания приоритетным права наследования по старшинству (что сближало его с приверженцами родовой теории).

Аналогичную позицию занял Н. И. Хлебников (1840—1880) — выпускник юридического факультета Московского университета, позднее преподававший право в Варшавском и Киевском университетах. В докторской диссертации «Общество и государство в до-монгольский период русской истории» (1872) он выделил три стадии развития древнерусского общества: период механического соединения племен в одно государство, период господства патриархальных идей и отношений, период политической дезорганизации и нравственного упадка. По мнению исследователя, «первое столетие после смерти Ярослава представляет такой своеобразный мир идей, отношений и характеров, что для того, чтобы понять этот мир, освоиться с ним, нужно совершенно отрешиться от окружающей нас жизни». Изложив основные постулаты теории «родового владения» С. М. Соловьёва, Хлебников акцентировал внимание на том, что он придал «нравственным

Самоквасов Д. Древнее русское право. М.: Университетская типография, 1903. С. 325–327.

идеалам», имевшим определенное влияние на жизнь, «не принадлежавшую им силу закона», а потому, «в своих объяснениях удельного периода должен был делать многие натяжки для доказательства, что жизнь шла безусловно по этим идеям». Эти натяжки, утверждал автор, привели к появлению теории В. И. Сергеевича, который, «видя, что бесконечное множество фактов противоречат истории г. Соловьёва, видя, что нравственно управляющие идеи, высказанные г. Соловьёвым, имеют относительно малое влияние на жизнь, стал доказывать, что личный эгоизм князей и их случайная сила были единственными двигательными пружинами периода». Со своей стороны Н. И. Хлебников заметил, что «если мы для этой теории развернем летописи, то, действительно, в фактах жизни найдем множество подтверждений ее, но несколько не менее фактов, поддерживающих г. Соловьёва». Сам он видел свою задачу в том, чтобы «указать в общих чертах главные моменты периода, не имея ввиду исторической полноты».

Первым из таких моментов и стал летописный рассказ о завещании Ярослава I, который историк передал следующим образом: «Ярослав, умирая, созвал своих сыновей и сказал им следующую речь: “вот теперь я оставляю этот мир, сыновья мои; любите друг друга, потому что все вы братья одного отца и матери; если будете любить друг друга, то Бог будет с вами и покорит всех сопротивляющихся, и сами будете жить мирно, если же будете жить ненавидя друг друга, порознь, то сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели великим трудом. Живите мирно, слушайтесь друг друга; вот я поручаю старейшему сыну моему, а брату вашему, Киев; слушайтесь его, как слушались меня, пусть он будет вам вместо меня; а Святополку (правильно: Святославу. — Д. Б.) даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск”. Обратившись к Изяславу, он сказал: “если кто захочет обидеть твоего брата, то ты помогай обиженному”». Н. И. Хлебников подчеркивал эпический характер летописного рассказа и отмечал, что «Ярослав устанавливает совершенно не юридические основания, а отношения

нравственные. Отец, умирая, далек от мысли установить какую-нибудь простую государственную власть. Он, можно сказать, с совершенную легкостью предвидит усобицы, которые кажутся ему даже неизбежными, и он предостерегает от них своих сыновей только тем, что усобицами они сами себя погубят. Он постановляет своего старшего сына вместо себя, но это только в нравственном отношении; все дети получают отдельные волости, в которых они будут настоящими государями или, лучше, хозяевами, в совершенной независимости от старшего брата. Все отношения их чисто нравственные: младший брат обязан слушаться старшего; старший, как старейший, обязан подавать пример младшим. Старший брат мог вмешиваться в семейную жизнь младших, даже мог советовать им лучше управляться, но он не имел ни малейшего права отнять хотя бы одну волость от братьев, ни требовать ни малейшей части от них, ни вступаться в их управление не как старший брат, а как великий князь русский». Очевидно, что в трактовке вопроса о приоритете старейшинства Хлебников был близок не к Соловьёву, а к Сергеевичу. Он также обратил внимание на взаимосвязь летописных статей 1054 и 1093 гг., на заповедь Ярослава к Всеволоду принять власть после своих братьев «с правдой, а не с насилием», придя к выводу о том, что сам Ярослав «считал такой порядок вещей естественным» установил как закон «порядок смены одного сына за другим, по старшинству, в Киеве». В то же время, историк отметил, что идеи родового быта после смерти Ярослава получили только частное применение и уже при первом поколении князей доказали, как «слабы и шатки эти идеи в управлении государством»²³⁵. Н. И. Хлебникова можно было бы считать основоположником антропологического подхода, ориентированного на понимание проблемы с точки зрения людей «другой» эпохи (элементы которого можно также заметить у В. О. Ключевского), если бы он попытался не только раскрыть регулирующее значение завещания Ярослава, как в

Хлебников Н. Общество и государство в до-монгольский период русской истории. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1872. С. 185–191.

системе междукняжеских отношений, так и в системе идеологических установок Древней Руси, но и действительно дистанцировался от современных ему концепций, вместо того, чтобы искать компромисс между позициями Соловьёва и Сергеевича.

Не прошел мимо их спора и академик К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), преемник Н. И. Костомарова на кафедре русской истории Петербургского университета²³⁶, писавший в первом томе «Русской истории» (1872), что теория С. М. Соловьёва (одного из его наставников в Московском университете), «любопытная, как попытка осмыслить русскую историю, во многом неудовлетворительна», поскольку, во-первых, «она ограничивается только княжеским родом, а он был далеко не единственным деятелем истории», а во-вторых, «она имеет ввиду идеал, а в действительности, мы видим, что родовые отношения наблюдались очень мало», так как «стоны получались вследствие призвания, завещания и т. д.». Относительно гипотезы В. И. Сергеевича о договорных отношениях между князьями историк писал, что упоминаемые в летописи «ряды» — это «еще не договор, хотя в них зерно договора», вслед за А. Д. Градовским упрекая исследователя

догматическом изложении предмета. Сам Бестужев-Рюмин, подчеркивая многофакторность развития государственного быта Древней Руси, считал, что порядок междукняжеских отношений «не существовал как нечто готовое, а делался, слагался»²³⁷. Под влиянием этих воззрений он считал, что «завещание Ярослава, по которому князья должны слушаться старшего, как отца, и не отымать друг у друга владений, послужило основанием права в период удельный, но, к сожалению, только идеальным», так как «нарушать его начали уже сыновья Ярослава»²³⁸. Факт утверждения приоритета

См. Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории... С. 35–43.

Бестужев Рюмин К. Н. Русская история. С. 291, 293, 295. Подробнее об отношении к концепции С. М. Соловьёва см. в кн.: Бестужев-Рюмин К. Н. Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879) // *Его же*. Биографии и характеристики. С. 254–272; Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 175–188; Шаханов А. Н. Русская историческая наука... С. 269.

Бестужев Рюмин К. Н. Русская история. С. 258.

старейшинства за великим князем киевским по завещанию Ярослава исследователем не отвергался²³⁹, однако, концептуального развития не получил.

последующие годы отголоски полемики Соловьёва и Сергеевича можно найти, например, в составленных на основе лекционного курса, читавшегося в Дерптском (Юрьевском) университете, «Очерках общественного и государственного строя Древней Руси» (1907) академика М. А. Дьяконова (1855/56—1919), который высказался в поддержку аргументов своего учителя В. И. Сергеевича против теории лестничного восхождения Соловьёва, отметив, что заслугой Сергеевича является как «истинное разъяснение» указанных Соловьёвым фактов, так и «вообще выяснение вопроса о порядке распределения столов». Перечислив эти аргументы, — упоминание Игоря перед Вячеславом, изгнание Изяслава Святославом, упоминание лестничного восхождения в Никоновской летописи и отсутствие этого термина в Ипатьевской, — Дьяконов пришел к выводу, что эти факты говорят не в подтверждение того, что «столы распределялись по единому началу родового старшинства», а в подтверждение того, что в преемстве столов «вообще не существовало какого-либо единого порядка». При этом исследователь признавал приоритет «старейшинства» внутри одной княжеской семьи, сопряженное с обладанием лучшим столом, но допускал, что оно могло быть условным или фиктивным, и не связывал установление этого порядка с последней волей Ярослава, которую трактовал лишь как завещательное распоряжение, оговаривая, что летопись не содержит указаний о том, «при каких условиях приводилась в исполнение воля Ярослава»²⁴⁰.

1880—1890-х гг. развитие теории общинного быта продолжалось в исследованиях по истории отдельных русских земель, осуществленных в

Там же. С. 225, 294.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 116–121.

Киевском университете под руководством В. Б. Антоновича, специалиста по истории юго-западной Руси XIV—XVII вв., испытавшего влияние Н. И. Костомарова²⁴¹. Некоторые из учеников Антоновича, за которыми закрепилось наименование Киевской исторической школы (П. В. Голубовский, Д. И. Багалеи, М. В. Довнар-Запольский, В. Г. Ляскоронский, М. С. и А. С. Грушевские)²⁴², в своих работах обратили внимание на завещание Ярослава I, попытавшись раскрыть его политическое значение с точки зрения местной истории.

П. В. Голубовский (1857—1907) в магистерской диссертации «История Северской земли до половины XIV столетия» (1881) интерпретировал раздел 1054 г. следующим образом: «Пред смертью Ярослав раздал уделы своим сыновьям: Изяслава посадил в Киеве, Святослава в Чернигове, Всеволода в Переяславле, Игоря во Владимире (Волынском), Вячеслава в Смоленске. Таким образом, почти каждое племя получило своего особого князя. Обособление, которого домогались отдельные области, совершилось мирным путем, так как только эта мера могла устранить волнения племен: вся Русь представляла из себя несколько единиц, федеративно соединенных между собою в одно целое. Ни один из князей не имел преимущества над другими: киевский князь имел первенствующее значение только в нравственном отношении, как старший брат, что имел в виду и Ярослав в своем завещании детям. Но устраивая подобный порядок Ярослав многого не мог предусмотреть. Во-первых он упустил из вида постановить, что сыновья умершего князя получают его удел и не могут быть выгнаны; во-вторых, он Северскую область разбил на две части, на два княжества — Переяславское и Черниговское, т. е., разделил одно племя на два враждебные лагеря»²⁴³.

См. *Дербин* Е. Н. Институт княжеской власти на Руси... С. 140, 141.

Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). М., Брянск, 1997.

Голубовский П. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография, 1881. С. 62.

Интерпретация автора основывалась на том, что раздел Ярослава был призван предупредить волнения племен, пытавшихся выйти из власти киевского князя. Но, подобное утверждение не имеет основания в источниках, что позволяет усматривать в построениях П. В. Голубовского влияние концептуальной предпосылки, предполагавшей, что с момента подчинения в X в. киевскими князьями, представлявшими полянскую общину, племена, стремились избавиться от гегемонии Киева, вследствие чего «областные интересы» соединились с интересами членов разросшегося княжеского рода, получавших княжения в различных областях²⁴⁴.

Источником этой предпосылки послужили идеи Н. И. Костомарова, постулировавшего тождество областных и княжеских интересов на определенном этапе политического развития. Сходные мнения исследователи высказывали и о проблеме приоритета старейшинства. Однако, в отличие от Костомарова, Голубовский попытался не только объяснить политические недостатки завещания Ярослава, но и раскрыть его значение для политического развития изучаемого им региона, в результате чего на повестку дня был поставлен вопрос о причинах раздела на две части Северской земли, который получил освещение в других работах по истории этого региона.

Ближайшая из них, также называвшаяся «Историей Северской земли до половины XIV столетия», вышла в свет в 1882 г. и принадлежала выпускнику Киевского университета Д. И. Багалею (1857—1932) — позже ректору Харьковского университета и академику АН УССР. В отличие от Голубовского, Багалею не акцентировал внимания на центробежных стремлениях племен, находившихся под властью киевского князя, но также, без указания причин, писал о разделе Северской земли в 1054 г. на две политические единицы — черниговское и переяславское княжества, — которые, по его мнению, должны были служить оплотом Руси с юго-востока

Там же. С. 47–48.

против степняков²⁴⁵. В лекционном курсе Багалея по русской истории (1909) этот вопрос дальнейшего развития не получил²⁴⁶.

Более подробен в интерпретации раздела Ярослава I 1054 г. В. Г. Ляскоронский (1859—1928), автор «Истории Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия» (1897), которая была защищена в качестве магистерской диссертации в Киевском университете в 1899 г. С одной стороны, он пытался обосновать предположение о существовании на Руси федерации городов, деливших между собой финансовые и экономические выгоды, а с другой — считал киевских князей поборниками централизации государства, стремлением к которой объяснял практику междукняжеских разделов, вошедшую в обиход со времени Святослава I. По мнению исследователя, «сознавая опасность для целостности государства со стороны Чернигова, Ярослав постарался устроить дело таким образом, чтобы Чернигов не сделался крупным объединяющимся центром, могущим притянуть к себе соседние земли: он отделил от Чернигова некоторые участки земель и придал их к другим уделам, образовав из них самостоятельные княжества, которые перед смертью и раздал своим сыновьям, завещав при этом жить в мире и почитать старшего брата, киевского князя, как отца. Изяславу был отдан Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, а Вячеславу Смоленск (Игорь Ярославич автором пропущен. — Д. Б.). Выделением Переяславльской земли в отдельное княжество достигалась двоякая цель: с одной стороны, порученное отдельному князю, это княжество могло лучше преследовать свою цель относительно защиты русских окраин от нападений врагов, с другой — оно не давало возможности усилиться Чернигову и тем

²⁴⁵ Багалея Д. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография, 1882. С. 160, 161.

Багалея Д. Русская история. Ч. 1. До половины XIII столетия (домонгольский период). Харьков: Филологическое отделение общества взаимопомощи студентов Харьковского университета, 1909. С. 160.

способствовало укреплению завещанного Ярославом I мира в стране»²⁴⁷. Ляскоронский попытался объяснить вопрос о причинах раздела Северской земли, поставленный Голубовским, однако, судя по сформулированному им представлению о роли киевских князей, он был близок не к сторонникам «федеративной теории» Н. И. Костомарова, а к историкам, разделявшим гипотезу о сильной княжеской власти и государстве.

М. С. Грушевский (1866—1934) — профессор Львовского университета, а позже академик АН УССР и АН СССР, начав творческую деятельность как сторонник «федеративной теории», сформулировал концепцию, в которой преемником «Киевского государства» считалась Галицко-Волынская Русь, а «Владимири-Московское государство» рассматривалось как выросшее «на собственном корне»²⁴⁸, что позволило исследователю разделить процесс возникновения и развития украинской и московской государственности. В «Очерке истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия» (1891) Грушевский писал, что «половина XI века представляет поворотный пункт в истории Руси», когда русские волости «собранные почти целиком в руках Ярослава Владимировича, снова распались со смертью его, разделенные между сыновьями». По мнению исследователя, само по себе это явление не представляло чего-нибудь нового, так как «то же было при сыновьях Владимира, Святослава и, вероятно, еще раньше», но, «на этот раз оно оказало существенное влияние на политический строй русских племен», поскольку, после этого раздела русские волости не могли быть собраны воедино на протяжении многих веков, как вследствие увеличения числа членов княжеского рода, так и вследствие стремления племен к самобытному существованию, которого они могли достигнуть без разрыва с

Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1897. С. 276, 277, 289.

См. *Грушевский М.* Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії Східного Словянства // Статті по славяноведенью. Вып. 1. Под ред. В. И. Ламанского. СПб.: Типография Академии Наук, 1904. С. 299.

существовавшим политическим строем, стоило им только «обзавестись отдельным князем, отдельной династией из дома Ярослава»²⁴⁹. Наряду с влиянием концепции Н. И. Костомарова, здесь надо отметить влияние историографической традиции, ориентированной на нивелирование политического значения раздела 1054 г.

Авторская интерпретация этого раздела сводилась к следующему: «Ярослав Владимирович скончался в феврале 1054 г., распределив свои волости между сыновьями; завещание, которое влагает в уста его летописец, указывает владения последних и определяет их взаимные отношения, но при этом перечисляются только главные столы, о других же волостях умалчивается, и мы, с помощью других летописных известий, только до некоторой степени можем заполнить этот пробел. Старший сын Ярослава, Изяслав, по этому завещанию получает Киевскую волость, в состав которой вошла теперь впервые и Древлянская земля, составлявшая отдельную волость при сыновьях Святослава и Владимира. Еще раньше, при жизни Ярослава, когда последний раздавал волости сыновьям в управление, Изяслав получил землю дреговичей, затем когда скончался старший брат его Владимир (в 1052 г.), сидевший в Новгороде, Изяслав был переведен на этот стол, но сохранил за собою и Дреговичскую волость; так заставляют думать упоминания летописей: они говорят, что в момент смерти отца Изяслав княжил в Турове, а находился в Новгороде; по смерти отца за ним кроме Киева остались и Новгород и Туров. Другие Ярославичи получили: Святослав — Черниговскую волость, Всеволод — Переяславскую, Игорь — Волынь, Вячеслав — Смоленск; полагают, что кроме того Святослав получил еще Муром и Тмутаракань, а Всеволод землю Ростово-Суздальскую» — писал историк, синтезируя информацию из Ипатьевской, Воскресенской, Софийской I и Новгородской I летописи младшего извода²⁵⁰.

Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Типография университета св. Владимира, 1891. С. 57–58.

Там же. С. 60–61.

М. С. Грушевский не ограничился этим, обратив внимание и на сделанные к тому времени достижения источниковедческой критики летописного рассказа. «Следует упомянуть еще об одном предположении; в большинстве списков летописи имя Игоря опущено в завещании Ярослава; это дало повод Карамзину высказать мнение, что Волынь принадлежала изначально к волости Изяслава и была отдана братьями Игорю, как частный удел киевский. Но это предположение не может быть принято: нельзя удовлетворительно объяснить, почему бы Игорь, уже взрослый в момент смерти отца, не получил от него самостоятельной волости». Помимо этого, в специальном примечании историк упомянул «скептический взгляд» Соловьёва на завещание Ярослава, от которого «он потом отказался», а также затронул вопрос о введенном им механизме междукняжеских отношений. «Отношения киевского князя к младшим братьям в завещании Ярослава приравниваются к отношениям отца к детям: “се же поручаю в себе место столь свой старейшему сынови своему, брату вашему Изяславу, Киев, сего послушайте, якоже послушайте мене, да ть вы будете в мене место”». Такая формулировка весьма неопределенна, особенно при обязанности взаимной любви, взаимного послушания, потому установление тех или других отношений зависело всецело от личных свойств и средств киевского князя: князь могущественный и энергичный мог обратить братские отношения в подчиненные, князь слабый не шел дальше призрачного старейшинства» — заключал исследователь, — добавляя, что Изяслав Ярославич, как можно судить из летописных известий, «не играл среди братьев особенно влиятельной, первенствующей роли»²⁵¹.

Проявив осведомленность в историографических нюансах, сопутствовавших изучению летописной статьи 1054 г., М. С. Грушевский, однако, не сделал из них никаких критических выводов, ни в «Очерке истории Киевской земли...», ни позже, в «Истории Украины-Руси», изданной

Там же. С. 61–62 (также прим. 3).

на украинском языке в бытность его профессором Львовского университета. Во втором томе этого труда Грушевский ограничился словами о том, что смерть не застала Ярослава внезапно, как Владимира, поэтому, он имел время распорядиться своим государством. «Двоих старших его сыновей уже не было на свете. Из живущих он больше всех любил Всеволода, но из-за пережитых после смерти Владимира междоусобий не отважился передать ему Киев; еще раз, в год смерти Всеволода, летопись говорит об особых симпатиях к нему Ярослава, вкладывая в уста Ярослава пожелание, чтобы Всеволоду пришлось быть князем в Киеве, но законным путем (“с правдою”), не насилуем». Подчеркнув взаимную связь летописных статей 1054 и 1093 гг., Грушевский отметил, что Ярослав передал Киев старейшему из оставшихся в живых сыну Изяславу, который перед тем держал Новгород и Турово-Пинскую землю, а вместе с Киевом получил Древлянскую землю, которая вошла в единую волость с полянской Киевщиной и больше никогда не выделялась. Грушевский добавлял, что Святослав, до того сидевший на Волыни, получил Чернигов с большей частью Северщины, земли радимичей и вятичей, что с того времени составляли одну волость с Северщиной, и Тмутараканскую волость. Он также обратил внимание на раздел Северщины, из которой была выделена волость для Всеволода Ярославича со столицей в Переяславле, но ограничился замечанием о том, что любимый сын Ярослава получил незначительную волость на юге, которой было далеко до значительных уделов старших братьев. О вокняжении на Волыни Игоря и Вячеслава в Смоленске упоминалось без всякого комментария. В то же время, говоря о наставлении, которое Ярослав дал на смертном одре сыновьям, Грушевский отмечал, что поучение соответствует политическим идеалам современного князю общества и что «оно могло быть вложено в уста Ярослава любым современным книжником, однако, с другой стороны, невозможно указать в нем ничего, что противилось бы положению или желаниям Ярослава»²⁵².

Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. Львів: Друкарня наукового товариства

По существу, этот текст является расширенной интерпретацией идей, изложенных в «Очерках истории Киевской земли...». В то же время, нельзя не отметить, что позиция Грушевского близка к идеям, сформулированным в «Курсе русской истории» Ключевского²⁵³, но также не получила развития ни «Истории Украины-Руси», ни в изданной позже «Иллюстрированной истории Украины», где Грушевский и вовсе затруднялся сказать, чего больше содержит летописный рассказ — «действительных распоряжений Ярослава или пожеланий современного общества, чтобы князь действительно жили в согласии, как следует близким родственникам, друг другу помогали и сообща защищали свое наследие от врагов: не отнимали самовольно один у другого земель, а наследовали столы друг после друга законным путем, младший после старшего, не захватывая их вооруженной силой»²⁵⁴. Исследователь ограничился интерпретацией летописного рассказа 1054 г. как феномена древнерусской общественно-политической мысли и, подобно своим предшественникам, не сделал шаг навстречу исторической критике²⁵⁵.

имени Шевченка, 1905. С. 45–47 [перевод наш].

Влияние гипотезы В. О. Ключевского о соотношении областей с генеалогическим местом того или иного князя в роду присутствует и в работах А. Я. Ефименко, которая связывала с разделом Ярослава I утверждение приоритета старейшинства и начало удельной раздробленности Южной Руси (Ср: *Ефименко А. Я.* История Украины и ее народа. СПб.: Типография Товарищества Общественная польза, 1907. С. 13–14; *Она же.* История украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. С. 42–43).

Грушевский М. Иллюстрированная история Украины СПб.: Типолитография акционерного общества “Самообразование”, 1913. С. 84. В книге «История украинского народа» автор ограничивается упоминанием о том, что с кончиной Ярослава I произошел окончательный распад Киевского государства (*Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. С. 59).

Младший брат М. С. Грушевского А. С. Грушевский, затронув вопрос о разделе 1054 г. исследовании по истории Пинского Полесья, ограничился синтезом информации из Ипатьевской и Воскресенской летописей, отметив, что при жизни Ярослава его сын Изяслав княжил в Турове, который сохранил, получив после смерти брата Владимира Новгород, а затем, после смерти отца, и киевский стол (*Грушевский А.* Пинское Полесье. Исторические очерки. Ч. 1. XI—XIII вв. Киев: Типография университета св. Владимира, 1901. С. 32–33), повторив утверждение М. С. Грушевского в «Очерке истории Киевской земли...». Тенденция к синтезу летописной информации при интерпретации раздела 1054 г. как начала уделов, наблюдается и в работе Н. Н. Аркаса «История Украины-Руси» (*Аркас М.* Історія України-Руси. Київ: Вища школа, 1990. С. 49).

Выводы. Приоритетом приверженцев теории общинного быта являлась не источниковедческая критика летописного рассказа 1054 г., а его концептуальная интерпретация, имевшая несколько аспектов. Так И. Д. Беляев и Н. И. Костомаров делали акцент на нивелировании ключевых положений родовой теории: политического значения завещания Ярослава и идеи о приоритете старейшинства; П. В. Голубовский, Д. И. Багалеи и В. Г. Ляскоронский раскрывали политическое значение завещания Ярослава в рамках региональной истории; у Н. И. Хлебникова и М. С. Грушевского превалировала интерпретация завещания Ярослава как феномена социально-политической мысли древнерусского общества, в то время как критический подход С. М. Соловьёва и М. П. Погодина к летописной статье 1054 г. почти не развивался до появления работ Н. В. Шлякова и А. А. Шахматова, которые мы рассмотрим ниже.

4.2. Критические интерпретации ряда Ярослава I в начале XX в.: концепция Н. В. Шлякова — А. А. Шахматова — М. Д. Присёлкова.

Развитие критически ориентированного подхода к летописному рассказу о ряде Ярослава I по традиции связывается с именем академика А. А. Шахматова (1864—1920), крупнейшего дореволюционного филолога-источниковеда, начавшего систематические исследования древнерусского летописания с 1897 г. В опубликованной им в 1908 г. монографии «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» было обосновано предположение о том, что рассказ «Повести временных лет» под 1054 г. является не документальным свидетельством о последней воле киевского князя, а результатом творчества монаха Никона, составившего в 1073 г. гипотетический «Первый Печерский свод» — один из ранних этапов развития летописной традиции, предшествовавшей «Повести временных лет». Гипотезы А. А. Шахматова были обусловлены представлением о возможности дифференциации летописных текстов на составные части — так называемые летописные своды, — сформулированному в 1820 г. П. М. 142

Строевым²⁵⁶, благодаря чему к середине XIX столетия сложились представления о начале летописания в IX—XI вв.²⁵⁷, синтезе в «Повести временных лет» нескольких летописных традиций и возможной реконструкции предшествующих ей письменных источников²⁵⁸. Тем не менее, сторонникам этого направления не удалось удовлетворительно «разложить» тексты летописей на отдельные элементы и реконструировать источники летописных сводов²⁵⁹, преодолению этих трудностей не способствовала и доминировавшая во второй половине XIX—XX вв. позитивистская методология, ориентированная, прежде всего, на социологическую репрезентацию исторических фактов.

Метод Шахматова в противоположность предшествующей историографической традиции, ориентированной лишь на дифференциацию летописных текстов, можно назвать интегрирующим, так как он основывался, во-первых, на восприятии летописи как взаимосвязанного произведения, составные части которого выявлялись на основании внутренних текстологических признаков (повторов, логических противоречий, точных и относительных дат и т. п.); во-вторых, комплексное изучение всех существующих летописных списков позволяло исследователю выявить общие места, которые возводились к единому протографу. Реконструируя этапы формирования текста «Повести временных лет», А. А. Шахматов обосновал гипотезу о двух предшествующих ей традициях:

[Строев П.] Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Часть первая, с 862 по 1425 год. М.: Типография С. Селиванского, 1820. С. I—XI.

Бодянский О. О времени происхождения славянских письмен. М.: Университетская типография, 1855. С. 125; Забелин И. История русской жизни с древнейших времен: В 2 частях Ч.

М.: Типография И. К. Грачева, 1876. С. 473—476; Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 3—4 // *Его же*. Сочинения... Кн. 2. М.: Мысль, 1988. С. 105; Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1 // *Его же*. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 311—312, 319—320, и др.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб.: Типография А. Траншея, 1868.

Подробнее о тенденциях развития дореволюционного летописиеведения см.: Иконников В. С. Опыт русской историографии: В 2 томах, 4 книгах. Т. 2. Кн. 1. Киев: Типография университета св. Владимира, 1908. С. 326—430; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей XIX—XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

новгородской, представленной летописными “сводами” 1017, 1050, 1079 гг., киевской, в составе которой он выделил “Древнейший Киевский свод 1037–1039 гг.”, “Первый Печерский свод 1073 г.”, “Начальный свод 1093–1095 гг.”, в общих чертах сохранившийся в Новгородской I летописи младшего извода (до 1015 г.), и 1-ю редакцию «Повести временных лет», атрибутированную печерскому агиографу Нестору (1113), написавшему в «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» и «Житие» Феодосия Печерского. Труд Нестора, как предполагал Шахматов, был переработан в “редакции 1116 г.”, составленной игуменом Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестром, которая сохранилась в Лаврентьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом, Троицком списках «Повести временных лет», а также в “редакции 1118 г.”, читавшейся в Ипатьевском и Хлебниковском списках «Повести временных лет». Такова, в общих чертах, схема развития первых этапов летописания, которая была сформулирована А. А. Шахматовым в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» и конкретизирована в исследовании, предваряющим подготовленное им критическое издание «Повести временных лет» (1916)²⁶⁰.

связи с нашей темой мы должны обратить внимание на этап древнерусского летописания, который исследователь относил ко второй половине 1060-х — началу 1070-х гг. При выделении этого этапа, по собственному утверждению Шахматова, которое игнорировалось последующими исследователями, основополагающую роль сыграла гипотеза

См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Его же*. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Наука, 2002; *Его же*. Повесть временных лет // Там же. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Наука, 2003. С. 528–554. Об этапах формирования концепции А. А. Шахматова см.: Лихачёв Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. 5. Вып. 5. С. 418–428; *Его же*. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов (1864—1920): Сборник статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 253–293; *Его же*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 14–32; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М.: Наука, 1975. С. 13–23; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 34–47; Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...»: Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб.: Алетейя, 2000. С. 190–192, 286–291; Зиборов В. К. Академик Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 11–15; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей... С. 210–227, и др.

филолога-литературоведа Н. В. Шлякова (1861—1932) о взаимной связи летописных статей 1054 и 1073 гг. с рассказом о заповеди Ярослава («не преступати предѣла братня, ни сгонити») и ее нарушении младшими Ярославичами. Эти статьи, как полагал Шляков, были связаны с открывающим «Повесть временных лет» рассказом о разделе земли по жребию между сыновьями Ноя (где говорилось о том, чтобы «не переступати никому же в жребий братень»), и статьями 1067—1068 гг., в том числе, с так называемым “рассуждением о крестной силе”, завершающим рассказ о восстании в Киеве против Изяслава Ярославича в 1068 г. Данные фрагменты Шляков атрибутировал книжнику Киево-Печерского монастыря, близкому к настоятелю монастыря Феодосию (в качестве предполагаемого автора назывался и пресвитер с Альты Иаков, которого Феодосий хотел назначить своим преемником на посту игумена перед смертью в 1074). Исследователь также обратил внимание на то, что, согласно «Житию» Феодосия, составленному печерским агиографом Нестором, настоятель монастыря выступил с осуждением изгнания Изяслава Ярославича из Киева младшими братьями в 1073 г., что, по его предположению, было зафиксировано в печерской летописи уже во второй четверти 1073 г.²⁶¹ Таким образом, именно Н. В. Шлякову, опубликовавшему свои наблюдения в 1907 г., должен принадлежать приоритет в выявлении тех основ, на которых в 1908 г. А. А. Шахматовым сформировано представление о “Первом Печерском своде”.

А. А. Шахматов адаптировал наблюдения Н. В. Шлякова к реконструируемым им этапам древнерусского летописания, отметив, что автор летописной статьи 1073 г. дважды указывает на нарушение заповеди Ярослава: «вполне вероятно поэтому отнести на счет того же летописца внесение в свод самого текста Ярославова завещания сыновьям, тем более что этот текст составлен в настолько общих выражениях, что предполагать у

Шахматов А. А. Разыскания... С. 273–274; Шляков Н. В. Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Журнал Министерства народного просвещения, 1907. Ч. 9, №6. Отд. 2. С. 371–375.

летописца наличность копии с Ярослава завещания у нас нет оснований». Исследователь даже допустил мысль о том, что текст завещания «мог быть сочинен самим летописцем, знавшим доподлинно, что Ярослав перед смертью увещевал своих сыновей жить в мире и поручал младшим слушаться старшего Изяслава»²⁶². Нельзя не заметить, что в данном случае скептические высказывания Шахматова были близки наблюдениям, сделанным в 1847 г. С. М. Соловьёвым. Но, если Соловьёв подчеркивал близость летописной статьи 1054 г. к летописной статье 1097 г., то Шахматов исключил появление рассказа о завещании Ярослава в реконструируемом им на материале Новгородской I летописи младшего извода «Начальном своде» на том основании, что «Начальный свод», согласно его датировке, был составлен около 1095 г. и «в нем ярко отразились злобы дня, волновавшие киевлян в 90-х гг.: плохое управление со стороны князя, склонного к поборам насилиям, растущая опасность от половцев, разорявших страну своими набегами», что, признавался исследователь, «делает для меня невероятным отнесение на счет составителя Начального свода речей и размышлений по поводу распри между Ярославичами», иначе «пришлось бы допустить возможность искусственного настроения со стороны летописца, волнующегося при описании событий за 20 и более лет также, как при описании живой, современной ему действительности»²⁶³.

то же время, обратив внимание на то обстоятельство, что некоторые летописные статьи 1060-х гг. имеют календарные даты и, следовательно, являются записями, которые современны описываемым событиям, исследователь пришел к выводу, что летописный свод с обличением действий Святослава и Всеволода, так же как и «Начальный свод», мог быть составлен в Киево-Печерском монастыре. Данное заключение Шахматов сделал, проведя аналогию между событиями начала 1090-х гг., когда Киево-Печерский монастырь оказался в конфликте с киевским князем Святополком

Шахматов А. А. Разыскания... С. 274.

Там же. С. 284.

Изяславичем, критика которого содержалась в летописной статье 1093 г. и в так называемом предисловии к “Начальному своду”, которое исследователь реконструировал на основании предисловия к Новгородской I летописи младшего извода, и событиями конца 1060 — начала 1070-х гг., когда основатель Киево-Печерского монастыря Антоний и игумен Феодосий оказались в оппозиции сначала к отцу Святополка Изяславу Ярославичу, в нарушение присяги захватившему в плен полоцкого князя Всеслава (1067), а затем к его братьям Святославу и Всеволоду, изгнавшим Изяслава из Киева (1073)²⁶⁴.

Так как выше говорилось, что приоритет в отношении гипотезы о “Печерском своде 1073 г.” надо отдать Н. В. Шлякову, определившему некоторые из его составных частей, достижением А. А. Шахматова следует признать гипотезу о том, что «главным редактором летописи», составлявшейся в Киево-Печерском монастыре, мог быть монах Никон, в подтверждение которой Шахматов привел из «Жития» Феодосия как информацию о том, что во время своего пребывания здесь он занимался переплетным делом и говорил поучения братии, так и свидетельство о том, что Никон некоторое время провел в основанном им монастыре в Тмуторокани, что дало Шахматову дополнительные аргументы в пользу его гипотезы, поскольку в летописных статьях, рассказывавших о событиях второй половины 1060-х гг., он обнаружил подробное изложение событий в Тмуторокани и сделал вывод о том, что позднее они могли быть записаны со слов Никона в Киеве, куда, по утверждению исследователя, он вернулся в 1068 г. и где оставался до 1073 г., когда, увидев «смятение въ князихъ», вернулся в свой монастырь в Тмуторокани. Перед тем, как покинуть Киев, Никон, по предположению Шахматова, раскритиковал в летописной статье 1073 г. организатора этого «смятения» Святослава Ярославича, обвинив его в нарушении завещания отца, рассказ о котором был включен в летописную

Там же. С. 284–285.

статью 1054 г. Ее содержание, согласно предположению исследователя, являлось «результатом частью сочинительства, частью же припоминаний»²⁶⁵. Иначе говоря, заслугой А. А. Шахматова является атрибуция летописного рассказа конкретной исторической личности²⁶⁶, которую затруднился дать Н. В. Шляков.

исследовании, предварявшем критическое издание текста «Повести временных лет», А. А. Шахматов обратил внимание на лакуну в рассказе о распределении городов между Ярославичами, высказав предположение, что сообщение об отказе Игорю Ярославичу Владимира на Волыни могло быть пропущено в первоначальном тексте летописи в интересах Святополка Изяславича, который посадил в этом городе своего сына Ярослава, но опасался претензий сына Игоря Давыда (у которого Владимир был отнят по решению княжеского съезда в Уветичах в 1100)²⁶⁷. В другой работе, известной под условным названием «Обозрение летописей и летописных сводов» (частичная публикация — 1938, полная публикация — 2011), комментируя вопрос о вставке в летописную статью 1054 г., поднятый Н. М. Карамзиным, исследователь высказал взаимоисключающие предположения о том, что слова «а Игорю Володимеръ» могли восходить как к «особой редакции древней летописи», сохранившейся в Комиссионном списке Новгородской I летописи (младшего извода), так и появиться в XV—XVI вв. при соединении московских летописей с новгородскими летописями²⁶⁸.

Сформулированная А. А. Шахматовым в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» точка зрения на процесс формирования «Первого Печерского свода» и начальных этапов древнерусского

Там же. С. 285–287, 291–294, 303–304.

Ср. с мнением В. С. Иконникова, который отмечал установление через Никона связей между Печерским монастырем и Тмутороканью, а также интерес к тмутороканским событиям киевского летописца, но не отождествил этого летописца с Никоном (*Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 1. С. 300. Прим. 4).*

Шахматов А. А. Повесть временных лет. С. 543.

Шахматов А. А. Обозрение летописей и летописных сводов XI—XVI вв. // Его же. История русского летописания. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 49.

летописания в целом была принята его последователем М. Д. Присёлковым (1881—1941), некритическое отношение которого к шахматовским построениям, отмечавшееся и самим Шахматовым, и другими исследователями²⁶⁹, контрастировало с осторожным отношением А. Е. Преснякова (признававшего ценность «Разысканий...», в том числе, из-за гипотезы о ряде Ярослава)²⁷⁰.

магистерской диссертации «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (1913) М. Д. Присёлков сделал акцент на рассказе о том, что после изгнания Изяслава Ярославича из Киева в 1073 г. Феодосий выступил против Святослава, связав этот факт с построением «идеальной теории» междукняжеских отношений в своде Никона, «где мы найдем объяснение того, что называл Феодосий «закономъ» в междукняжеских отношениях и откуда могла родиться мысль о киевском князе, как о старейшем и отце другим князьям русским»²⁷¹. Как считал исследователь, монастырскую точку зрения на эти события Никон изложил в ряде Ярослава, сформулировав в нем следующие принципы: «княжеские которы могут погубить землю Русскую, поэтому, долг князей — жить мирно между собою и слушаться старшего брата; старший брат — князь киевский;

См.: Лихачёв Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. С. 421 (Прим. 18); *Его же*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 17, 33; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 294; Будовниц И. У. Об исторических построениях М. Д. Присёлкова // Исторические записки. Т. 35 / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1948; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. С. 29–30, 35, 58–61; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. С. 9; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 47–48; Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей... С. 301–311, 318–328, и др. Впрочем, некоторые исследователи акцентируют внимание на самостоятельности построений М. Д. Присёлкова (Ср.: Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Присёлков – источниковед // ТОДРЛ. Т. 18 / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 465–466; Дворниченко А. Ю. М. Д. Присёлков как исследователь истории Киевской Руси // Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. 2-е изд., СПб.: Наука, 2003. С. 224, 228, и др.).

Ср.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 5; *Его же*. Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 338, 356, 365–366. Об отношении А. Е. Преснякова к методу А. А. Шахматова и его оценке см. в кн.: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей... С. 235–239.

Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории... С. 119.

он — в отца место; князья должны довольствоваться своею землею, не преступать чужого предела и не обижать братьев; старший князь в последнем случае должен помогать обиженному»²⁷². По Присёлкову, схему «идеальных отношений, рекомендуемых монастырем князьям как предсмертную волю отца», Никон и Феодосий позаимствовали из взаимоотношений епископов к митрополиту, который считался епископам «отцом и старейшиной», тогда как «уважение границ чужих епархий и благопокорение митрополиту» считалось законом²⁷³. Это дополнительное идеологическое обоснование идеи Шахматова Присёлков позже воспроизвел в трудах по истории летописания, вместе с разработанной Шахматовым концепцией генезиса «Повести временных лет» (см. 2.3)²⁷⁴. В то же время, от другого элемента концепции, который он предложил в развитие атрибуции Шахматова — гипотезы о тождестве Никона с Иларионом, возглавившим киевскую митрополию при Ярославе I в 1051 г., а после предполагаемого отстранения от митрополии по требованию Константинопольского патриархата принявшим в Печерском монастыре схиму под именем Никона²⁷⁵, — М. Д. Присёлков отказался.

Примером критической трактовки гипотез А. А. Шахматова о Начальном летописании является работа академика В. М. Истрина (1865—1937) «Замечания о начале русского летописания» (1922—1924), где сформулирована более простая схема генезиса Начальной летописи, предусматривавшая, что «первая редакция» «Повести временных лет»,

Там же. С. 103.

Там же. С. 119.

Присёлков М. Д. Нестор-летописец. 2-е изд. СПб.: Русский мир, 2009. С. 55–57.

Присёлков М. Д. Митрополит Иларион — в схиме Никон — как борец за независимую русскую церковь: Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб.: Типография главного управления уделов, 1911. С. 193–194; *Его же*. Очерки по церковно-политической истории... С. 104–106; *Его же*. Нестор-летописец. С. 47–49. Как предположил Я. С. Лурье, молчание М. Д. Присёлкова относительно этой гипотезы в «Истории русского летописания» объясняется тем, что «ученый ясно различал догадку, даже вполне вероятную, и гипотезу, вытекающую из необходимости объяснить соотношения между эмпирическими данными» (Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова и задачи дальнейшего исследования летописей

ТОДРЛ. Т. 44 / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л.: Наука, 1990. С. 189).

основанная на византийской хронике Георгия Амартола и ее сокращенном варианте, известном как “Хронограф по великому изложению”, появилась в 1050-х гг., а затем пополнялась погодными продолжениями, последнее из которых (“вторая редакция” Повести временных лет) в 1110-х гг. было написано Нестором и переписано Сильвестром. Летописное завещание Ярослава I под 1054 г. могло завершать “первую редакцию” «Повести временных лет», работа над которой велась в княжение Изяслава Ярославича²⁷⁶. Поддержав шахматовское предположение о том, что летописец мог не иметь копии с завещания Ярослава и изложил его под 1054 г. своими словами, Истрин считал, что этим летописцем мог быть любой современник князя, работавший вскоре после его смерти. Когда завещание Ярослава было нарушено младшими Ярославичами продолжателем «Повести...» (которым, по мнению исследователя, мог быть и Никон Печерский) выступил с их осуждением в летописной статье 1073 г.²⁷⁷ Однако взгляды В. М. Истрина на летописную статью 1054 г., представлявшие попытку компромисса между дошахматовскими и шахматовскими критическими наблюдениями, широкого применения не получили.

Выводы. Критический подход к интерпретации летописного рассказа 1054 г. о ряде Ярослава I утвердился лишь на втором этапе развития, благодаря трудам Н. В. Шлякова и А. А. Шахматова. Оценивая вклад в формирование указанного подхода каждого из них, необходимо отметить, что гипотезу о “Первом Печерском своде”, определение некоторых элементов его состава и первоначальную его датировку следует приписать Н. В. Шлякову, синтезировавшему данные летописной и агиографической

Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (по поводу исследований А. А. Шахматова в области древне-русской летописи) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. Т. 26. Пг., 1922. С. 83–88.

Там же. С. 100–102. О различиях концепций В. М. Истрина и А. А. Шахматова см.: *Буганов* В. И. Отечественная историография русского летописания. С. 50–52; *Вовина-Лебедева* В. Г. Школы исследования русских летописей... С. 273–278; *Жуков* А. Е. А. А. Шахматов и В. М. Истрин // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-история, 2015. С. 130–148.

традиции Киево-Печерского монастыря, а выявление большей части сюжетов в составе свода, их атрибуцию монаху Киево-Печерского монастыря Никону — А. А. Шахматову, адаптировавшему наблюдения Н. В. Шлякова для разработанной им концепции Начального летописания, которая получила развитие в трудах М. Д. Присёлкова и, несмотря на критику, была в общих чертах принята советской историографией, к рассмотрению которой мы переходим в следующей главе.

Глава 3. Формирование исследовательских представлений во второй трети — начале XXI вв.

1.3. Ряд Ярослава I в феодальной парадигме советской историографии 1930—1980-х гг.

На репрезентацию междукняжеских отношений на Руси и ряда Ярослава I в XX в. наложила отпечаток марксистская социологическая схема, утвердившиеся в историографии после установления в 1920—1930-х гг. партийно-государственного контроля над наукой. Формирование этой схемы было начато К. Марксом, в монографии «К критике политической экономии» (1859) выделившим азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства, и завершено в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938), за которым закрепился статус «энциклопедии марксизма-ленинизма», где, в частности, постулировалась последовательная смена первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций²⁷⁸.

«Маркс показал, что основной формой феодальных отношений являлись непосредственные формы отношений господства и подчинения, что отличало их от отношений последующего капиталистического общества», а «свойственным феодальному обществу основным отношением господства и подчинения Маркс провозгласил внеэкономическое принуждение непосредственного производителя, облекавшиеся в формы его поземельной и личной зависимости от помещика», которая, в условиях «феодальной собственности на землю и неполной феодальной собственности на работника

См. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938. С. 113, 114. О создании «Краткого курса...» и участии в этом процессе И. В. Сталина см.: Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // Советская историография / Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 240–273; «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2-х частях. Ч. 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)» 1931–1956 / Сост.: М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2014, и др.

производства» выражалась в трех последовательно сменявшихся видах феодальной ренты: отработочной (барщина), продуктовой (оброк) и денежной²⁷⁹. Принципиально важным для советских историков стал вопрос о разработке проблемы классовообразования на Руси и выявлении предпосылок развития феодального строя.

дореволюционной историографии за некоторыми исключениями преобладала оформившаяся в 1830—1840-х гг. тенденция к отрицанию феодальных отношений в Древней Руси²⁸⁰. Лишь в начале XX в. ученик С. Ф. Платонова Н. П. Павлов-Сильванский (1869—1908), вслед за М. М. Ковалевским и М. М. Кареевым с одной стороны и К. Лампрехтом и А. Люшером — с другой, считавший основой феодального строя преобладание крупного землевладения, путем сравнительно-исторического анализа социальных явлений в Европе и на Руси установил существование таких признаков феодализма, как создание крупных вотчин (боярщина), образование удельных княжеств (сеньорий), обладающих правами иммунитета в условиях раздробления верховной власти, оформление вассально-сюзеренных отношений, начавшееся со времени Андрея Боголюбского и завершившееся при Иване Грозном²⁸¹. Это привело к

Муравьев В. А. Теории феодализма в России... С. 104, 105.

Наиболее заметными среди этих исключений являлись: отождествление европейского прекариата и древнерусского закладничества (*Соловьёв С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Его же. Сочинения. Кн. 17. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996. С. 184*), уподобление вотчинных отношений отношениям феодальной зависимости, оформившимся среди русских князей после монголо-татарского нашествия (*Костомаров Н. И. Начало единодержавия в Древней Руси. С. 50*) и более абстрактные представления о том, что на смену варяжскому феодализму IX–X вв. при Владимире I пришло «семейное господство» Рюриковичей (*Ламбин Н. П. Источник летописного рассказа о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174 (Июль). Отд. 2. С. 78–79*), а общественное устройство представляло смесь порядка «народоправного» с порядком «феодально-иерархическим», однако феодальная монархия, «основанная на служебной зависимости всех землевладельцев от единой верховной власти», сложилась лишь в Северо-Восточной Руси, благодаря политике Юрия Долгорукого и его преемников (*Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М.: Университетская типография, 1874. С. 30, 342–343, 349 и след.*). См. также: *Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси...* С. 101–133; *Муравьев В. А. Теории феодализма в России...* С. 81–92.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси // Его же. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 42–49, 57–59, 82–95, 98–119, 125–126, 148.

отождествлению удельного и феодального периода, что также характерно для Б. И. Сыромятникова (1874—1947), локализовавшего его в XII—XV вв.²⁸² В 1910-х гг. наблюдения Н. П. Павлова-Сильванского поддержал М. Н. Покровский (1868—1932), ученик В. О. Ключевского, совместивший разработанную им теорию торгового развития городов с марксистскими представлениями о классовом антагонизме. Первоначально, Покровский распространил ключевые из установленных Павловым-Сильванским признаки феодального строя на XI—XII вв.²⁸³, но в 1920-е гг. относил господство крупного землевладения, связанного с политической властью и феодальной иерархией землевладельцев, эксплуатировавших зависимое население, преимущественно к XIII—XVI вв.²⁸⁴ Вопрос о генезисе феодальных отношений в предшествующий исторический период, который трактовался исследователями (в том числе Павловым-Сильванским и Покровским), в рамках общинно-вечевой теории, оставался неопределенным.

Проблема образования классов и государства, истоки которой в марксистской историографии восходили к монографии Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), стали предметом нескольких дискуссий в 1929—1940 гг. В результате концепция возникновения и развития феодальной формации на Руси в процессе дифференциации родоплеменного общества, разрабатывавшаяся академиком АН СССР Б. Д. Грековым и его последователями, получила приоритет над концепцией генезиса феодализма из разложившегося рабовладельческого

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 156; *Муравьев* В. А. Теории феодализма в России... С. 278–282.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 161–163 (изданная в 1910–1912 М. Н. Покровским при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева «Русская история с древнейших времен» для нас недоступна).

Покровский М. Н. Избранные произведения: В 4 кн. Кн. 1. Русская история с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1966. С. 104 и след. См. также: *Иллерицкий* В. Е. Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М.: РГГУ, 2006. С. 11 и след.; *Юрганов* А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 15–99; *Соловьёв* К. А. Осмысление темы властных отношений... С. 71, 75; *Муравьев* В. А. Теории феодализма в России... С. 290–309, и др.

строю, разрабатывавшейся М. М. Цвибаком, П. П. Смирновым, А. В. Шестаковым, Б. И. Сыромятниковым и другими исследователями, исходившими из представления о наличии в древнерусский период развитого рабовладения. При этом, как отмечает В. В. Тихонов, противопоставляя методологические основы приверженцев этих направлений в конце 1930-х гг., «сторонники теории феодального характера Киевской Руси во главе с Б. Д. Грековым» в защиту своих утверждений «оперировали высказываниями К. Маркса, а приверженцы концепции господства рабовладельческого строя (А. В. Шестаков и Б. И. Сыромятников) — «Кратким курсом истории ВКП(б)», где утверждалось, что все народы проходят одинаковые стадии развития, из чего следовало и то, что Киевская Русь должна быть государством рабовладельческим»²⁸⁵. Дискуссии 1920—1940-х гг. получили подробное освещение в историографии²⁸⁶, поэтому, обратим внимание на ключевые моменты, имеющие отношение к рассматриваемой нами проблеме.

Среди концептуальных новаций, появившихся в 1930-х гг. и оказавших воздействие на интерпретацию раздела 1054 г., следует отметить гипотезу о «готической империи Рюриковичей» или «лоскутной империи», как ее, по аналогии с австрийской монархией Габсбургов, охарактеризовал К. Маркс в работе «Секретная дипломатическая история восемнадцатого века» (1856—1857, полная публикация 1899), уподоблявший Древнюю Русь созданным в результате нашествий варваров германским государствам, а также империи Карла Великого. Под влиянием «норманской теории» происхождения русской государственности, доминировавшей в историографии XIX в., Маркс

Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 91.

Подробнее о ходе и содержании дискуссий см.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4 (Гл. ред. М. В. Нечкина). М.: Наука, 1966. С. 165–169, 272–276; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Общественный строй Киевской Руси // Советская историография Киевской Руси. С. 90–100; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 230–258; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 188–230; Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского университета им. И. Г. Петровского, 2005, др.

отметил, что специфической чертой «империи Рюриковичей», сложившейся в результате варяжской экспансии, стал «вассалитет без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани», а с прекращением завоевательной политики варягов при Ярославе I и раздроблением империи на уделы, начался кризис «Готической России», сопровождавшийся феодальными войнами между князьями²⁸⁷. Эти высказывания послужили базой конкретно-исторических построений части советских историков во второй половине 1930-х гг.

Б. Д. Греков (1882—1953) в монографии «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1-е изд. 1935, 2-е изд. 1936—1937) пересмотрел точку зрения Маркса на решающую роль варягов в формировании древнерусского государства, но согласился с приведенной им параллелью между империей Карла Великого и «империей Рюриковичей» (которую также характеризовал как «Киевскую Русь»). «Сколачивание» этого «аляповатого по форме и огромного по территории» государства исследователь соотнес с объединением Киева и Новгорода под властью князя Олега в 882 г., подобно Марксу, приурочив его распад к началу эпохи уделов после смерти Ярослава I, когда с усилением феодалов на местах вследствие экспроприации общинных земель усилилось влияние центробежных тенденций. Процесс образования уделов и создания политических предпосылок феодальной раздробленности локализовался исследователем в промежутке от смерти в 1054 г. Ярослава, после которой, «ни один из его сыновей не стал для своих братьев в отца место», так как Изяслав, Святослав Всеволод «не захотели рисковать во взаимной борьбе и заключили между собой «триумvirат», который правда скоро распался», до Любечского съезда 1097 г., на котором «феодальные владетели», договорившись о разделе «отчин», безуспешно попытались положить конец междукняжеским войнам

²⁸⁷ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века (Гл. 4). // Вопросы истории. 1989. №2. (Электронная версия: http://scepsis.net/library/id_883.html Дата обращения: 28.05.2016). Оригинальное издание: Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899. P. 74–77.

«путем создания далекого прообраза лиги наций», после чего, по заключению Б. Д. Грекова, «можно говорить с достаточными фактами в руках о наличии уделов и, стало быть, о феодальной раздробленности». Историк конкретизировал абстрактные высказывания К. Маркса, подкрепив их ссылками на факты и попытавшись установить периодизацию политических и социально-экономических процессов, разделенную на период «вызревания феодальных отношений» и «подготовки сил, способных разложить «империю» на уделы», и период феодальной раздробленности или «наибольшего для данного момента могущества отдельных феодалов, освоивших общинную землю и таким путем успевших поставить в зависимость от себя огромное число подданных»²⁸⁸.

Наряду с модернизацией событий, выразившейся в аналогии между Любечским съездом и Лигой Наций, следует отметить тенденцию к синтезу доминирующей марксистской терминологии с терминами дореволюционной историографии в репрезентации политических процессов, показателем чего является характеристика Б. Д. Грековым отношений между старшими сыновьями Ярослава I как «триумvirата Ярославичей», восходящее к А. Е. Преснякову (см. 2.2). Это же определение использовано и при интерпретации последней воли Ярослава: «У Ярослава было пять сыновей. Умирая, он мечтал, что дети его будут подчиняться старшему брату Изяславу, которому Ярослав поручил самые главные части земли, Киев и Новгород. Но надежды Ярослава не сбылись. Следующие по старшинству братья Изяслава оказались во главе достаточно сильных княжений, чтобы не считаться с старшим своим братом. Святослав владел Черниговом и несколькими княжествами, охватывавшими в общей сложности громадное пространство от Чернигова до

Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. 2-е изд. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 14–24, 171. Первое издание работы (1935) для нас недоступно. Принципиально важным назвал в рецензии на 4-е издание монографии Б. Д. Грекова «Киевская Русь» (1944) М. Н. Тихомиров сформулированное в книге «Феодальные отношения в Киевском государстве» утверждение о том, что Киевская Русь является государством, а «империя Рюриковичей» относится к «государственному периоду» в истории европейских народов (Цит. по: *Тихомиров М. Н.* Ценный труд по истории Киевской Руси // *Его же.* Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 282–283).

Рязани и Мурома, включая сюда землю вятичей. Ему же досталась и далекая Тмуторакань. Всеволод получил самую южную землю Переяславскую, земли по Волге, а также Ростов, Суздаль и Белоозеро. Остальные два брата получили сравнительно небольшие владения и, естественно, со старшими братьями конкурировать не могли.

Эти три старшие брата заключают между собой союз, образуют «триумvirат» и, таким образом, стараются поддерживать мир и единство огромной территории Восточной Европы»²⁸⁹. Как видно, представление о «триумvirате» старших князей настолько захватило внимание Б. Д. Грекова, что он не упомянул ни имен младших Ярославичей, ни отданных им княжений. От термина «империя Рюриковичей»²⁹⁰ Б. Д. Греков постепенно отказался: сначала в пользу определения «Киевское государство»²⁹¹, а затем в пользу определения «Древнерусское государство»²⁹². В то же время, интерпретация раздела 1054 г. в монографии «Киевская Русь», выдержавшей 1939—1953 гг. четыре издания, осталась неизменной, как и определение союза Ярославичей, предложенное А. Е. Пресняковым²⁹³, несмотря на критику, высказанную по этому поводу С. В. Бахрушиным и М. Н. Тихомировым²⁹⁴.

Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. С. 180.

Греков Б. Д. Киевская Русь. 1-е изд., М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 254.

Греков Б. Д. Киевская Русь. 2-е изд., М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 281.

Греков Б. Д. Киевская Русь. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1953. С. 481. Эту терминологическую особенность, которую можно связать с усилением «идеологической линии руссоцентризма» в политике И. В. Сталина с началом Великой Отечественной войны 1941—1945

(Дубровский А. М. Историк и власть. С. 409), отметил также А.Ю. Дворниченко (Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. С. 220). Об этапах формирования концепции Б. Д. Грекова см.: Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. С. 130–133, 135–136; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5 (гл. ред. М. В. Нечкина). М.: Наука, 1985. С. 114–118; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 230–234, 242–243, 246–247, 249, 257–258, 266–271; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 194–204, 207–208, 212–226, 230–233, 240–241; Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М.: Институт Российской истории РАН, 1999, и др.

Ср.: Греков Б. Д. Киевская Русь. 1-е изд. С. 261; То же. 4-е изд. С. 489–491; Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. В 2 частях: Ч. 1 / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 172.

Бахрушин С. В. К вопросу о русском феодализме [Рец. на кн.: Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М., Л., 1936] // Книга и пролетарская революция, 1936, №4;

С. В. Бахрушин (1882—1950) во второй половине 1930-х гг. синтезировал гипотезу К. Маркса об «империи Рюриковичей» с представлением о переходном (т. н. дофеодальном) периоде между рабовладельческим и феодальным строем, сформулированное И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым в замечаниях по поводу конспекта учебника истории СССР (1934)²⁹⁵. Бахрушин, отождествлявший в середине 1930-х гг. термины «империя Рюриковичей» и «Киевская Русь» (как Греков), предложил собственный аналог определению К. Маркса — «держава Рюриковичей», — которая достигла кульминационного пункта развития в княжение Владимира Святославича, названное исследователем периодом «медленной и постепенной» феодализации государственной власти, вследствие которой после смерти Ярослава I наступил «феодальный период, характеризующийся политическим раздроблением страны»²⁹⁶. Этими общими соображениями построения Бахрушина исчерпываются — в обсуждение деталей раздела Ярослава I в своей статье он не входит.

Более содержательны в этом отношении работы члена-корреспондента АН УССР и академика АН Казахской ССР С. В. Юшкова (1888—1952), который в середине 1920-х гг. относил начало феодализации на Руси то к XI, то к XII–XIII вв.²⁹⁷, а в «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси»

Тихомиров М. Н. [Рец. на кн.] Греков Б. Д. Киевская Русь. Издание третье, переработанное и дополненное // Историк-марксист. 1940 — №2. С. 150. Анализ концептуальных расхождений Бахрушина и Грекова в 1930-е гг. см. в кн.: *Свердлов* М. Б. Общественный строй Древней Руси... 214–217; *Дворниченко* А. Ю. Зеркала и химеры. С. 213–214.

Сталин И. В., *Жданов* А. А., *Киров* С. М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // *Сталин* И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 40. О влиянии этого документа на развитие советской исторической науки см. в кн.: *Фроянов* И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 255–256; *Свердлов* М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 210–213; *Дубровский* А. М. Историк и власть. С. 232–244; *Иллерицкий* В. Е. Советская историография отечественной истории... С. 62–63; *Юрганов* А. Л. Русское национальное государство. С. 133–136; *Тихонов* В. В. Историк, идеология, власть в России XX века. С. 78–80; *Его же*. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953). М., СПб.: Нестор-История, 2016. С. 33–37.

Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938 — №2. С. 96, 97.

Юшков С. В. Феодальные отношения и Киевская Русь // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. 3. Вып. 4. Саратов, 1925.

(1939) удревнил этот процесс до середины X в. Существование «лоскутной империи Рюриковичей» он приурочил к дофеодальному периоду, характеризовавшемуся распространением «вассалитета без ленных отношений или ленами, составлявшимися из даней», и предшествовавшему установлению «монополии» Рюриковичей на власть в процессе окняжения племенных земель со времени Святослава I, в результате чего представители рода Рюрика получали из рук великих князей уже не дани, а земли²⁹⁸. Юшков рассматривал период правления Владимира I и Ярослава I как промежуточный этап в процессе становления вассалитета-сюзеренитета, распространенного и на членов правящей династии, между которыми, по словам исследователя, сложилась «система семейных по форме, вассальных по существу территориальных отношений». Исследователь также отметил, что Владимир и Ярослав добились единовластия путем насильственного устранения братьев, но для сыновей Ярослава этот путь был неприменим, поскольку, каждый из них успел пустить крепкие корни в своих княжениях и «прочно связаться с феодальной верхушкой», поэтому, «выход был найден в том, что сюзеренитет был усвоен старшим из Ярославичей — Изяславом»²⁹⁹.

На первый взгляд, можно подумать, что автор счел распоряжение Ярослава политической новацией, но, приведя текст статьи 1054 г. по Лаврентьевской летописи, он пишет следующее: «...Ряд Ярослава не вносит никаких новых принципов в порядок преемства княжеской власти. Подобный ряд мог сделать Святослав; он также мог в своем завещании после всяких, более или менее красноречивых lamentаций, завещать киевский стол Ярополку, древлянскую землю Олегу, а Новгород Владимиру. Такой же ряд мог сделать и князь Владимир и, вероятно, сделал бы, если бы он не начал войны с Ярославом и если бы его не постигла неожиданная смерть.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 24–29.

Там же. С. 174–176.

Дело, следовательно, было не в ряде. Если бы дан был ряд Святославом и Владимиром, то он все равно не был бы выполнен. Не ряд, а социально-политическая обстановка была такова, что князь Изяслав не истребил своих братьев подобно своему отцу и деду». С точки зрения С. В. Юшкова, интерпретировавшего летописный рассказ в контексте феодальной парадигмы, ряд Ярослава интересен тем, что он «регламентирует сюзеренитет старшего брата над младшими, которые сейчас становятся на положение вассалов». Таким образом, начинается «следующий период в истории взаимоотношений между великим князем и местными князьями», когда «территориальная структура Киевского государства сделалась типичной для ранней феодальной монархии» и установился «сюзеренитет киевского князя, который не прикрывается властью отца», а напротив, «утрачивает те права, которые принадлежали сюзерену-отцу», превращаясь в первого среди равных, регулирующего права и обязанности князей-вассалов посредством феодальных договоров, которые, по предположению исследователя, вошли в политическую практику после смерти Ярослава I — сначала в устной, а затем и в письменной форме³⁰⁰.

одной стороны Юшков близок к тем дореволюционным исследователям, которые рассматривали ряд Ярослава как ординарный политический и правовой акт. С другой же стороны он пытался дистанцироваться от дореволюционной историографии, как не понимавшей социально-политической обстановки и потому приписывавшей ряду «поистине магическое значение»³⁰¹. Для этой цели ученый воспользовался

Там же. С. 176–178. Тезис о «сюзеренитете киевского князя, который не прикрывается властью отца» вызвал возражение М. Н. Тихомирова, давшего положительную характеристику как монографии С. В. Юшкова в целом, так и разделу о раннефеодальной монархии в частности (См. Тихомиров М. Н. [Рец. на кн.:] Очерки по истории феодализма в Киевской Руси // *Его же. Древняя Русь*. С. 278). О процессе формирования концепции С. В. Юшкова см.: Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства. С. 133–134; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. С. 118–120; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 218–223, 255–257, 260–263; Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 175–177, 226–232, 235, 252–255; Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. С. 213–218.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 176.

широкими возможностями марксистской феодальной парадигмы, позволившими объективизировать значение ряда Ярослава, а также раскрыть в категориях сюзеренитета-вассалитета летописные «родовые» понятия (в том числе понятие «старейшинства», отождествленного с феодальным сюзеренитетом или сеньоратом). С. В. Юшков в большей степени отошел от идей дореволюционной историографии, чем Б. Д. Греков, упорно державшийся за введенный А. Е. Пресняковым термин «триумвират Ярославичей», хотя и не избегал некоторых ее достижений, — например, когда пытался обосновать гипотезу о введении в политическую практику договорных отношений между князьями лишь после смерти Ярослава I, воспользовавшись наблюдением В. И. Сергеевича об отсутствии договорных отношений между родственниками по нисходящей линии³⁰².

Разработку концепции социально-политического строя Киевской Руси сравнительно-типологическом ключе С. В. Юшков продолжил во второй половине 1940-х гг. в статье о дофеодальных «варварских» государствах с экономической многоукладностью, к которым он отнес англо-саксонские королевства до IX в., Киевское государство до XI в. и монгольские государства до объединения их Чингисханом в начале XIII в.³⁰³ В 1949 г., типологически определив Киевское государство как «раннефеодальную монархию», Юшков выступил с критикой С. В. Бахрушина и Б. Д. Грекова, считавших ключевым моментом образования феодального государства наступление феодальной раздробленности после раздела Ярослава I, и высказался за многофакторность этого процесса, сконцентрировав внимание на окняжении земель в конце X в., которое сопровождалось введением «единого административного и правового режима на всей территории Русского государства, но и экспроприацию всей этой территории, всей земли, в пользу князя Владимира», что, по словам исследователя, сделало ее всю

Там же. С. 177–178.

Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории — 1946. №7.

«княжеским доменом»³⁰⁴. При этом, трактовку ряда Ярослава он оставил без изменений³⁰⁵.

Ученик Б. Д. Грекова, профессор Ленинградского университета В. В. Мавродин (1908—1987), обратившийся к вопросу о разделе 1054 г. при изучении социально-политического развития Северской земли в «Очерках истории Левобережной Украины» (1940), датировал процесс феодализации, выразившийся в формировании крупновотчинного землевладения, IX—X вв., что позволило ему говорить о «быстром росте феодального землевладения в XI в., развитии и укреплении феодальных отношений», которые «подтачивали «империю Рюриковичей» — Киевское государство и способствовали ее дроблению», так что «после смерти Ярослава начинается период феодальной раздробленности, «когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»³⁰⁶. Последняя цитата в тексте, прямо отсылает к «Замечаниям на конспект учебника истории СССР» 1934 г., являя показательный пример того, как «тезисы от идеологии» подкреплялись «фактами от источника»³⁰⁷. Раздел 1054 г. Мавродин раскрыл в «Очерках...» следующим образом: «После смерти Ярослава в 1054 г. вместо «самовластного» Киевского государства возникает ряд самостоятельных княжеств <...>. Собственно владения Ярослава, по его завещанию, разделились таким образом: старший, Изяслав, занял киевский стол, Вячеслав получил Смоленск, Игорь — Владимир-Волынский, а территория Северской земли оказалась поделенной между Святославом и Всеволодом,

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюридиздат, 1949. С. 227–230.

Там же. С. 232, 327–330.

Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до середины XIV века). 2-е изд. СПб.: Наука, 2002. С. 193.

Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии // *Каравашкин А. В., Юрганов А. Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. С. 321–322. О становлении практики цитирования классиков марксизма-ленинизма в советской исторической науке см. *Сидорова Л. А.* «Руководящая цитата» в советской исторической науке середины XX века // *История и историки. Историографический ежегодник. 2006 / Отв. ред.: член-корр. РАН А. Н. Сахаров.* М.: Наука, 2007. С. 135–172; *Её же.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории, 2008. С. 178–219.

причем первому достался Чернигов, ставший с этого момента главным городом собственно Чернигово-Северской земли, а второму — Переяславль». Вопрос о причинах раздела Северщины на два княжества, поставленный П. В. Голубовским, Мавродин объяснил в рамках феодальной парадигмы «политическими тенденциями киевских феодалов и стремлениями самого Переяславльского боярства к самостоятельности», которые имели целью ослабление Чернигова, как потенциального конкурента Киева и Переяславля³⁰⁸.

Вопрос о значении раздела 1054 г. в общерусском масштабе В. В. Мавродин затронул в монографии «Образование древнерусского государства» (1945), где оформление государственности было связано с объединением Киева и Новгорода в 882 г., консолидация земель руси — с деятельностью княгини Ольги по упорядочению сбора дани и укреплению княжеской администрации во второй половине 940-х гг., а феодализация приурочена к княжению Владимира Святославича³⁰⁹. Исследователь сохранил концептуальную интерпретацию предпосылок раздела 1054 г., как следствия феодализации местного боярства, поддерживавшего в своих экономических и политических интересах центробежные тенденции в отдельных областях Руси, которые, вслед за В. И. Лениным и И. В. Сталиным, определял и как «национальные окраины» и как «феодальные полугосударства». Исходя из этих теоретических предпосылок, Мавродин утверждал, что Ярослав, пытаясь предотвратить междоусобицы, сопровождавшие его собственный приход к власти, завещал Изяславу кроме киевского стола Турово-Пинскую землю и Новгород, Святославу, помимо Чернигова, земли радимичей и вятичей, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань; Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир, Вячеславу — Смоленск, в то время как его внук Ростислав Владимирович

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 194–195.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. С. 220, 221, 252, 273–274, 308.

княжил в Галицкой земле. Иными словами, ученый прибег к комбинированию летописных данных и историографических гипотез, охарактеризовав речь Ярослава сыновьям (приведенную по Лаврентьевской летописи) как «плод морализирующего летописца, выступающего противником раздробления и ослабления Руси и княжеской «каторы», хотя и подчеркнул, что «у нас нет оснований сомневаться в том, что ее смысл является содержанием своеобразного завещания Ярослава детям. Нельзя не отметить, что В. В. Мавродин модифицировал терминологическое определение «Киевского государства», заменив термин «империя Рюриковичей» альтернативными терминами К. Маркса — «Готическая Русь» и «Готическая Россия»³¹⁰, что придало книге эклектический характер, который еще в 1947 г. отметил Н. Л. Рубинштейн³¹¹.

монографии «Начало мореходства на Руси» (1949) В. В. Мавродин еще продолжал придерживаться мнения о том, что «с середины XI в., после смерти Ярослава Мудрого, начался период феодальной раздробленности»³¹², вот в книге «Очерки истории СССР. Древнерусское государство» (1956), где политические последствия раздела 1054 г. раскрыты более полно, он не только повторил высказывания 1945 г., удалив из них терминологические определения древнерусской государственности 1940-х гг., но и пересмотрел точку зрения, которой придерживался ранее, охарактеризовав Древнерусское государство IX—X вв. как раннефеодальное. Изменения коснулись и трактовки более поздних социально-политических процессов. Если в 1940 г. Мавродин представлял, что после смерти Ярослава на месте «самовластного» Киевского государства возникла группа самостоятельных княжеств, или «феодальных полугосударств», более лаконично воспроизводя этот тезис в

Там же. С. 377–379.

См. *Рубинштейн* Н. Л. Путаная книга по истории Киевской Руси // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 113, 114. О других оценках этой работы см. в кн. *Дворниченко* А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 22, 23; *Его же*. Зеркала и химеры. С. 219–220.

Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 91.

1949 г., то в 1956 г. он утверждал, что после смерти Ярослава «сохранялось еще известное единство внутренней политической государственной жизни Руси в виде так называемого «Триумvirата Ярославичей», участники которого «являются не столько государями в независимых княжествах, сколько совладельцами», поскольку территориальные единицы, положившие начало крупным княжествам, «еще не представляли собой самостоятельных феодальных государств», а принцип «феодального расчленения земли Русской», восторжествовавший над «старым принципом «одиначества», был признан только на Любечском съезде князей в 1097 г.³¹³ По существу, в данном случае В. В. Мавродин повторил мнение Б. Д. Грекова, локализовавшего наступление феодальной раздробленности в диапазоне 1054—1097 гг.

Авторы первых опытов по интерпретации летописного рассказа 1054 г. в рамках феодальной парадигмы, следуя в общих чертах за концепцией «готической империи Рюриковичей», сформулированной К. Марксом, пытались не только конкретизировать ее, но и разнообразить ее в рамках формирующегося советского исторического лексикона, однако к концу 1940 — началу 1950-х гг. им пришлось отказаться от экзотических характеристик конца 1930-х гг., под влиянием обстоятельств идеологического характера, обусловленных кампанией по борьбе с «буржуазным космополитизмом» (ставшей первым проявлением начавшейся в 1946 г. «Холодной войны» между СССР и западными державами), вследствие чего внимание исследователей сфокусировалось на изучении особенностей национального развития и его противопоставлении развитию европейских государств³¹⁴. В

Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М.: Учпедгиз, 1956. С. 122–123, 174–175, 206–207, 217.

Общую характеристику этого периода развития советской исторической науки см. в кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. С. 122–125; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 265–266; *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси... С. 234–248; *Дубровский А. М.* Историк и власть. С. 493 и след.; *Сидорова Л. А.* Советская историческая наука... С. 18–19, 34–75, 85–88; *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство. С. 610–612, 660–662; *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма»... С. 102–120, и др.

результате произошли изменения в периодизации исторических процессов, сформулированной в результате дискуссии 1949—1951 гг. на страницах журнала «Вопросы истории», характерной чертой которой стало удревнение процесса образования феодального государства на Руси.

Ученик С. В. Бахрушина К. В. Базилевич (1892—1950), открывший дискуссию статьей «Опыт периодизации истории СССР феодального периода», основываясь на общих суждениях В. И. Ленина о «крепостничестве», интерпретируемом как «внеэкономическое принуждение» крестьянства в хронологическом диапазоне с IX по XIX вв. и результатах конкретно-исторических исследований Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и В. В. Мавродина, высказал сомнение в том, что Киевское государство IX—X вв. можно относить к дофеодальному периоду на основании того, что феодальные производственные отношения не получили в нем значения господствующей системы, к первобытно-общинному или рабовладельческому строю, и пришел к выводу, что «время Киевского государства» это «время генезиса феодальных отношений». Киевское государство с конца IX до середины XI вв. К. В. Базилевич считал единым, но не обладавшим признаками централизованного государства (центральными органами управления, общим законодательством, единой организацией вооруженных сил и т. д.), отмечая, что «смерть Ярослава Владимировича в 1054 г., конечно, — только случайная дата, которая сама по себе не может служить основанием для проведения хронологического рубежа между “варварским” Киевским государством и периодом феодальной раздробленности», как «не является основанием для этой периодизации и “ряд” Ярослава, разделившего земли между своими сыновьями», поскольку «мы начинаем новый исторический период именно с этого времени (середина XI в.), потому что в источниках второй половины XI — начала XII в. ясно выступают глубокие изменения в социально-экономических отношениях и политическом строе Руси», среди которых исследователь отметил развитие крупного землевладения, законодательство,

обеспечивающее господство феодальных производственных отношений, политическое обособление земель и усиление классовой борьбы³¹⁵.

С. В. Юшков в статье «К вопросу о политических формах русского государства до XIX века» подверг аргументы К. В. Базилевича критике, обвинив его в попытке реставрации взглядов, высказанных С. В. Бахрушиным в статье «Держава Рюриковичей», и еще раз высказался против того, чтобы признавать Киевское государство феодальным на основании представления о политической раздробленности, наступившей после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г., вновь приурочив становление феодального государства или раннефеодальной монархии, пришедшей на смену “варварскому” государству IX—X вв. после того как «феодальный уклад превратился в господствующий способ производства, а класс феодалов захватил в свои руки политический аппарат», к княжению Владимира и Ярослава, охарактеризованных исследователем в качестве «представителей феодальных групп», при которых Киевское государство «уже стало представлять собой совокупность сеньорий, связанных отношениями сюзеренитета-вассалитета, хотя и переплетавшегося с семейными отношениями». По мнению исследователя, «началом русского феодального государства являлся не “ряд Ярославов” и последующий раздел русского государства между его детьми, а та ломка в экономических и социально-политических отношениях, которая произошла в первой половине XI века»³¹⁶.

Помимо расхождений в периодизации генезиса феодализма между К. В. Базилевичем и С. В. Юшковым есть и терминологические расхождения.

Базилевич К. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. №11. С. 70, 71. В курсе лекций по истории СССР раздробление «Киевского государства», которое вслед за С. В. Бахрушиным Базилевич также именуется «державой Рюриковичей», было локализовано во второй половине XI в., между смертью Ярослава I и Любечским съездом 1097 г. (*Базилевич К. В.* История СССР. От древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 93–95.

Юшков С. К вопросу о политических формах русского государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. №1. С. 75, 76, 78, 80.

Так, Базилевич приводит термины “лоскутная империя” и “империя Рюриковичей”, как определения нецентрализованного государства, то Юшков, проводя аналогии между Киевским государством и империей Карла Великого, предпочитает говорить о «феодальной империи»³¹⁷. В 1953 г. Л. В. Черепнин выступил против «чисто внешних аналогий истории Руси и истории государства Карла Великого», мотивируя свою позицию тем, что в статье «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) И. В. Сталин отнес государство Каролингов к империям, «которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения, включавшие в себя «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки», в то время как древнерусская народность отличалась относительным единством «языка, территории, культуры»³¹⁸. В качестве альтернативы Л. В. Черепнин выдвинул предположение о том, что уже в IX в. на Руси образовалось раннефеодальное «относительно единое» государство, в котором в процессе феодализации устанавливалась верховная собственность на землю киевских князей³¹⁹. На базе этого тезиса была сформулирована концепция так называемого государственного феодализма, получившая поддержку ряда исследователей (О. М. Рапов, Л. В. Милов, М. Б. Свердлов, А. А. Горский и др.), ставшая перспективным направлением разработки феодальной парадигмы в последней трети XX в.³²⁰

Тенденция к удревнению дофеодального периода и генезиса феодального строя, оформившаяся благодаря статьям В. И. Довженка — М.

Базилевич К. Опыт периодизации истории СССР... С. 71; Юшков С. К вопросу о политических формах русского государства... С. 78.

Черепнин Л. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. №4. С. 51.

Там же. С. 47, 48.

Свердлов М. Б. Общественный и государственный строй Древней Руси... С. 301–303, 309–317.

Ю. Брайчевского, а позже В. Т. Пашуто — Л. В. Черепнина³²¹, получила развитие в работах академика АН СССР Б. А. Рыбакова (1908—2001), который во второй половине 1950-х гг. относил переход от первобытнообщинного строя к феодальному VI—IX вв., создание феодального государства Русь к IX—X вв., а в середине 1960-х гг. — к рубежу VIII и IX вв.³²² Не осталась без изменений и интерпретация раздела 1054 г. В середине 1960-х гг. исследователь придерживался точки зрения о том, что «со смертью Ярослава юридически перестала существовать единая держава Русь, так как русские области оказались разделены между сыновьями и племянниками Ярослава»³²³ и «формально единая Киевская Русь распалась на части»³²⁴, которая в начале 1970-х гг. была поддержана В. Л. Яниным и М. Х. Алешковским³²⁵. Однако в начале 1980-х гг. Б. А. Рыбаков высказался против подобного представления, сформулировав представление о том, что ряд Ярослава не оказал влияния на распад древнерусского государства, которое сохраняло единство вплоть до оформления во второй трети XII в. независимых княжеств, аналогичных западноевропейским королевствам, которое он предложил считать началом феодальной раздробленности³²⁶.

См.: Довженок В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. 1950. №8; Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма // Там же. 1951. №2. С. 56.

Рыбаков Б. А. Образование древнерусского государства с центром в Киеве // Всемирная история: В 10 томах. Т. 3. С. 242, 245–246, 248–249; *Его же*. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. (Отв. ред. Б. А. Рыбаков). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 733, 831–832, 877–878; *Его же*. Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Серия 1. Т. 1 (гл. ред. Б. А. Рыбаков). М.: Наука, 1966. С. 476–478, и др.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 522.

Там же. С. 478.

Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971 — №2. С. 44.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 469–470.

Ученик Б. Д. Грекова И. У. Будовниц (1897—1963) в монографии «Общественно-политическая мысль Древней Руси» (1960) писал, что в «знаменитом памятнике XI в.», ряде Ярослава, произошло сочетание идеи «старейшинства» с правами «отчины»³²⁷. Как полагал исследователь, с помощью раздачи волостей младшим сыновьям и запрета «не преступати предела братьня» Ярослав значительно ограничил права старшего сына и после его смерти «должны были наступить другие порядки», отличные от тех, что существовали при его отце Владимире Святославиче. «...Князь киевский, которого все другие князья должны были почитать, как отца родного, отныне не имел права распоряжаться волостями: они делались уже постоянными владениями определенной княжеской линии, становились «отчиной», над которой был не властен даже старейший князь, номинальный глава государства». Суждения о том, что ряд Ярослава ввел в политическую практику отчинное право наследования волостей, высказывались приверженцами родовой теории — например, М. П. Погодиным (см. 1.2), — но, на сей раз, они были интерпретированы в рамках феодальной парадигмы имели целью дистанцироваться от концепций дореволюционной историографии³²⁸. «В приписываемом Ярославу ряде сказывается ставшая уже явной во второй половине XI в. феодальная раздробленность Руси, вызванная углублением феодальных отношений и укреплением отдельных областей» — писал Будовниц в духе концепции Б. Д. Грекова³²⁹.

Еще один ученик Б. Д. Грекова, член-корреспондент АН СССР В. Т. Пашуто (1918—1983), в очерке истории Древней Руси, написанном во второй половине 1950-х гг. для «Всемирной истории» под редакцией академика Е. М. Жукова, трактовал раздел 1054 г. в духе идеи о «триумvirате» Ярославичей, утверждая, что, хотя Изяслав Ярославич и получил

Будовниц И. У. *Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.)* М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 164.

Там же. С. 166–174.

Там же. С. 165.

старейшинство после смерти отца, Святослав и Всеволод являлись его соправителями³³⁰. В более поздней работе «Черты политического строя Древней Руси» (1965) В. Т. Пашуто интерпретировал раздел 1054 г. уже в духе построений А. Н. Насонова, как раздел на три доли княжеского домена в «Русской земле», который был повторен на Любечском съезде 1097 г.³³¹

Во второй половине 1960-х гг. происходит снижение исследовательского интереса к ряду Ярослава: развернутые концептуальные интерпретации летописной статьи 1054 г. сменяются глухими упоминаниями «завещания» Ярослава, как акте политического обособления того или иного русского княжества³³². Этот феномен, контрастирующий с регулярным появлением концептуальных интерпретаций в конце 1930 — конце 1950-х гг., можно объяснить аксиоматизацией ранее высказанных гипотез в процессе стабилизации феодальной парадигмы, обусловившей дефицит развернутых трактовок этого летописного сюжета, что, в целом, вписывается в характеристику советской исторической науки, данную в 1996 г. А. П.

Логуновым, который отмечал, что к середине 1980-х гг. «история, по существу, превратилась в иллюстрации к основному своду закономерностей, открытых классиками марксизма»³³³.

Пашуто В. Т. Древняя Русь конца IX — начала XII в. // Всемирная история: В 10 томах (гл. ред. Е. М. Жуков). Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Сидорова. М.: Госполитиздат, 1957. С. 259.

Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1965. С. 68. Повторение мнения см. в статье: Петрухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР, 1987 / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 26–27.

См.: Зайцев А. К. Черниговская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1975. С. 76; Кучера М. П. Переяславская земля // Там же. С. 123–124; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. С. 13; Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. №11. С. 22; Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев: Наукова думка, 1988. С. 54, 55; Коринный Н. Н. Переяславская земля X — первая половина XIII века. Киев: Наукова думка, 1992. С. 60.

Логунов А. П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 — начала 90-х гг. // Советская историография. С. 450.

Единственная развернутая концептуальная интерпретация ряда в 1970-гг. дана О. М. Раповым (1939—2002), предполагавшим, что внутри княжеского рода уже в X в. сложились вассально-сюзеренные отношения, на основании которых киевские князья на правах верховных собственников земли, предоставляли волости в условное держание родственникам в обмен на службу и дань, а те стремились превратить их в самостоятельные сеньории-полугосударства. Исходя из этих предпосылок, О. М. Рапов рассматривал великих князей киевских в качестве глав государства, отмечая, при этом, следующее: «В русской дореволюционной исторической науке глубоко укоренилась мысль о том, что после того как в 1054 г. Ярослав Мудрый наделил своих сыновей землями, единое государство Русь распалось, а великокняжеская власть превратилась в ничто <...>. Однако это не так. Ярослав Мудрый перед смертью завещал Русь только одному князю, старшему из оставшихся в живых сыновей <...>. Наделив остальных четырех сыновей земельными держаниями, Ярослав потребовал от них неукоснительного соблюдения своего «докончатального ряда» и категорически запретил им заниматься усобицами и переступать границы «братних наделов», а «новому великому князю был поручен контроль над держателями <...>. Таким образом, Ярослав Мудрый вовсе не помышлял о каком-либо разделе территории государства в духе короля Лира. Предполагалось, что Изяслав Ярославич, поставленный на его место, будет также как сам Ярослав Мудрый в последние 18 лет своего царствования на Руси, самовластцем в Киевской державе.

«Ряд» Ярослава Мудрого вовсе не изменил на Руси установленного порядка держаний. По-прежнему над держателями возвышался великий киевский князь — верховный родственник всех русских земель, регулировавший взаимоотношения между своими заместителями. Земельные владения его братьев были ничем иным, как условными держаниями данных феодалов, которые в любой момент могли быть у них отобраны или

заменены на другие» — заключал исследователь³³⁴. Таким образом, был продолжен историографический курс 1950-х гг., отрицавший влияние раздела 1054 г. на феодальную раздробленность древнерусского государства, которую некоторые исследователи (например, В. Т. Пашуто в 1970-е гг.³³⁵ и Б. А. Рыбаков в начале 1980-х гг.) приурочивали к концу XI — началу второй четверти XII вв.

Аналогичная тенденция наблюдается в работах академика АН УССР П. П. Толочко, относившего формирование древнерусского государства с центром в Киеве к концу IX в.³³⁶ В монографии «Древний Киев» (1983) исследователь писал: «В исторической литературе получило распространение мнение, что своим завещанием Ярослав Мудрый положил начало дробления Киевской Руси, поскольку утверждал в каждой земле равноправного князя. Анализ завещания Ярослава не дает основания для такого вывода. Главой государства по-прежнему оставался киевский князь <...>. В реальной жизни, разумеется, не все складывалось согласно завещанию Ярослава. Между его сыновьями очень скоро возникли серьезные разногласия. Однако в основе их лежало не неудачное распоряжение Ярослава, а причины социально-экономического характера. Процесс бурного развития феодализма, рост и экономическое укрепление местной феодальной знати неизбежно порождали центробежные тенденции. В начальный период правления Ярославичей эти тенденции проявлялись еще не очень сильно и легко нейтрализовались союзом Изяслава, Святослава и Всеволода.

Первые общие мероприятия Ярославичей, во главе которых летопись всегда называла Изяслава, свидетельствуют о его старшинстве. Как глава государства, призванный защищать целостность страны, Изяслав предпринял

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 49, 51.

Пашуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. С. 11.

Толочко П. П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1983. С. 33.

военные походы против чуди и голяди, а также против половцев, подступивших в 60-е годы XI в. к границам Руси»³³⁷. Идентичная точка зрения была сформулирована и в монографии «Древняя Русь. Очерки социально-политической истории» (1987), где исследователь выступил с критикой утвердившейся в 1940-е гг. историографической практики отождествления княжеств с самостоятельными «полугосударствами». П. П. Толочко писал: «В исторической литературе получила распространение мысль, что своим завещанием Ярослав Мудрый, по существу, положил начало дробления Киевской Руси, поскольку утверждал в каждой земле равноправного князя. Анализ завещания, однако, не дает основания для такого вывода. Князья не были равноправными и независимыми владельцами отдельных «государств» или «полугосударств», как это иногда утверждается. Призывая сыновей жить в мире, Ярослав подчеркивал, что старшим из них оставался киевский князь Изяслав. «Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣйшому сыну своему и брату вашему Изяславу Киевѣ, сего же послушайте, якоже послушаете мене». Изяславу, как главе государства, вменялось в обязанность поддерживать порядок среди князей. «И тако раздѣли имѣ грады... рек Изяславу: «аще кто хоцет обидети брата твоего, то ты помагай».

Следует отметить, что завещание Ярослава не внесло ничего нового в политико-административную структуру Древней Руси и не оно положило начало междукняжеским противоречиям. В их основе лежали прежде всего причины социально-экономического характера. Процесс бурного развития феодализма, рост и экономическое укрепление местной феодальной знати неизбежно порождали центробежные тенденции, преодоление которых составляло основное содержание внутренней политики великокняжеской власти. В начальный период правления Ярославичей эти тенденции проявлялись еще не очень сильно и легко нейтрализовались союзом

Там же. С. 244, 246.

Изяслава, Святослава и Всеволода. Согласно утверждению Б. Д. Грекова, три старших брата заключили между собой союз, образовали триумvirат и, таким образом, поддерживали мир и единство огромной территории Восточной Европы. Летописные свидетельства подтверждают наличие какого-то соглашения между старшими Ярославичами о единстве их действий»³³⁸.

Для этой интерпретации характерны как ставшее к тому времени традиционным стремление дистанцироваться от дореволюционной историографии (показателем чего является атрибуция гипотезы о «триумvirате» Ярославичей одному Б. Д. Грекову без упоминания об авторстве А. Е. Преснякова), так и тенденция к преодолению взгляда на раздел Ярослава как на начало феодальной раздробленности и традиционной для советской историографии объективизации процесса феодализации. Эта тенденция продолжила развиваться в постсоветской историографии, когда в условиях теоретического и методологического плюрализма, наряду с феодальной парадигмой, интенсифицировалась разработка альтернативных концепций.

Выводы. В рамках феодальной парадигмы, сложившейся в советской историографии в 1930-х гг. и доминировавшей до 1980-х гг., наряду с воздействием марксистских формулировок при типологической характеристике древнерусской государственности («Готическая Русь», «империя Рюриковичей», «феодальные полугосударства»), исследователи, интерпретируя раздел 1054 г. в контексте феодальной парадигмы, рассматривали его и как начало феодальной раздробленности (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, В. В. Мавродин в 1940-е гг., Б. А. Рыбаков в сер. 1960-х гг. и др.), и как акт перерастания родовых в вассально-сюзеренные отношения (С. В. Юшков, И. У. Будовниц), и как раздел исторического ядра Киевского

Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. С. 85–86.

государства в Среднем Поднепровье (А. Н. Насонов, В. Т. Пашуто и др.). В то же время, некоторые из упомянутых исследователей продолжали традицию дореволюционных историков, рассматривавших раздел Ярослава как ординарный акт, не вводящий новаций в политическую практику (С. В. Юшков, В. В. Мавродин в 1950-е гг., О. М. Рапов в 1970-е гг., Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко в 1980-е гг.), что было связано и с тенденцией к усилению объективизации социальных процессов, и с попытками отнести начало феодальной раздробленности к концу XI в. (В. В. Мавродин в 1950-е гг.) или рубежу первой и второй трети XII в. (Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко в 1980-е гг.) для формирования представления о политическом единстве раннефеодального древнерусского государства во главе с великими князьями киевскими. При этом источниковедческая критика ряда Ярослава осталась на периферии исследований, как показано в следующем параграфе.

2.3. Интерпретации ряда Ярослава I в советском источниковедении.

в работах по истории русского летописания, созданных советскими исследователями, интерпретация ряда Ярослава I также была дана в рамках феодальной парадигмы.

М. Д. Присёлков в «Истории русского летописания XI—XV вв.» (1940), защищенной в качестве докторской диссертации в Ленинградском университете, под влиянием идеологических установок «Краткого курса истории ВКП(б)», сформулировал утверждения о том, что «представляя собой последовательное изложение «событий» того или иного феодального центра, летописи повествуют об этих «событиях» в придворных тонах, так что за их изложением можно иногда уловить лишь борьбу между собою феодальных центров или придворных партий того или иного центра, и только самые первые летописные своды Киева XI в. дают нам возможность глубже заглянуть в социальную жизнь, поскольку эти летописные своды отражали

точку зрения управляемых, а не правителей»³³⁹. Противопоставляя княжеское летописание монастырскому, исследователь повторил сформулированные в дореволюционный период идеи об идеологической тенденции “Первого Печерского свода” или, как он назвал его в этой книге, “свода Никона”. «...В своей работе Никон весьма решительно и ярко отразил свое настроение и свои мечты о тех идеальных отношениях, которые должны бы быть между князьями. Рецепт против междукняжеских ссор, который предлагал Никон, был весьма отвлеченный и теоретический: Никон предлагал князьям в своих отношениях руководствоваться тем образцом, который дает им церковь в своей организации. Как епископы не преступают предела чужого и все, как сыновья, подчиняются своему отцу — митрополиту, так должны действовать князья в отношениях друг к другу и киевскому князю. Об этом Никон говорил не только в заключительном повествовании своей работы, когда под 1073 г. излагал победу Святослава над Изяславом, но внес эту тему («не преступати предела братьня, ни сгонити») в описание смерти Ярослава (в 1054 г.), вложив ее в уста умирающего князя» — писал исследователь³⁴⁰.

Сходные суждения в монографии «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947), сформулировал академик Д. С. Лихачёв (1906—1999), который модифицировал «ядро» предложенной А. А. Шахматовым схемы Начального летописания, заменив гипотезу о “Древнейшем Киевском своде” гипотезой о существовании “Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси”, подчеркнув, что в его задачу входит не пересмотр выводов по истории изучения летописных сводов, а коррекция отдельных данных предшествующих исследований³⁴¹. В силу этого остальные элементы концепции А. А. Шахматова остались без изменений, как и гипотеза М. Д. Присёлкова об антагонизме княжеского и

Присёлков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 35.

Там же. С. 68–69.

Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 3.

монастырского летописания XI в. Под пером Д. С. Лихачёва Никон превратился в «создателя первой систематической истории русского народа», который придал «публицистическую остроту» идеям “Сказания” и сыграл «огромную роль в формировании идейной основы летописания». Выразив точку зрения Печерского монастыря в осуждении княжеских распрей, Никон, по мнению исследователя, «вложил в уста умирающего Ярослава обращение сыновьям, в котором он просит их быть в “любви межю собою”, потому что они братья “единого отца и матери”, и не погубить землю “отец и дедь своих”, “иже налезоса трудомь своимь великымь”. Никон призывал русских князей “не преступати предела братьня, ни сгонити”. Нарушение этой заповеди Ярослава и “божьей” Никон видел в событиях 1073 г., когда “дьявол” воздвиг “катору” (распрю) между братьями, и Святослав изгнал Изяслава из Киева»³⁴².

Интерпретации ряда Ярослава М. Д. Присёлковым и Д. С. Лихачёвым, по сути дела, являлись воспроизведением интерпретации А. А. Шахматова, не вносящим каких-либо принципиальных новаций. Вследствие этого она трансформируется из критической в догматическую, являясь иллюстрацией указанного К. Р. Поппером случая, когда критическая установка «довольно быстро принимает некоторую схему ожиданий, — например, некоторый миф или соответствующие предположения и гипотезы»³⁴³.

этом отношении от построений Присёлкова и Лихачёва отличаются построения академика Л. В. Черепнина (1905—1977), сформулированные в статье «“Повесть временных лет”, ее редакции и предшествующие ей летописные своды» (1948), который отметил следующее: «Иначе, чем А. А. Шахматов, рассматривая начальный момент в истории русского летописания, Д. С. Лихачев, однако, начиная со свода 70-х годов и до создания «Повести временных лет», подчиняется, в основном, как и М. Д. Присёлков, схеме А. А. Шахматова, и это естественно несколько снижает (в указанных пределах)

Там же. С. 90–92.

Поппер К. Р. Предположения и опровержения. С. 89.

ценность его труда как самостоятельного исследования»³⁴⁴. Сохранив основные элементы шахматовской концепции Начального летописания, которая была “удревнена” за счет гипотезы о т. н. своде 996 г., составленном по случаю выдачи грамоты о взимании десятины для церкви, основанной в Киеве Владимиром Святославичем, Черепнин атрибутировал составление ряда Ярослава и статьи 1073 г. не Никону (летописный свод которого датировал 1072 г., приурочив его к вышгородским торжествам по случаю перезахоронения останков Бориса и Глеба и составления «Правды Ярославичей»), а составителю “Начального свода”, создание которого приурочил к Любечскому съезду 1097 г.

Свою позицию Л. В. Черепнин объяснил следующим образом: «Я считаю, что тот рассказ о завещании Ярослава Мудрого сыновьям, который мы находим в «Повести временных лет» под 1054 г., восходит к Начальному своду, причем редакция этого рассказа, несомненно, отражает те начала междукняжеских отношений, которые были приняты на Любечском съезде и изложены в Начальном своде. Ярослав Мудрый, по словам летописи, «наряди сыны своя, рек им: се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери. Да аще будете в любви межю собою, Бог будетъ в вас, и покорить вы противныя под вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавистно живуще, в распрях которающесе, то погынете сами, и землю отць своих и дед своих погубите, иже ю налезоса трудъмь великъмь, нь пребывайте мирно, послушающе брат брата». Мораль, положенная в основу «наряда» Ярослава, ясна: «любовь» между князьями-братьями — условие мирного существования и целостности Русской земли; «распри» и «которы» неизбежно приведут к гибели как самих князей, так и Киевского государства, созданного «великим трудом» их отцов и дедов. Центр Киевской Руси — град Киев. Там находится стол старейшего брата, блюстителя единства. К нему обращается перед

Черепнин Л. В. “Повесть временных лет”... С. 296.

смертью отец со словами: «аще кто хоцеть обидети брата своего, то ты помагаи, его же обидят» — писал исследователь, интерполируя в летописный текст (по изданию «Повести временных лет», подготовленному А. А. Шахматовым в 1916) традиционные для советской историографии определения древнерусской государственности 1940-х гг. (см. 1.3)³⁴⁵.

Аргументы Л. В. Черепнина в пользу этой точки зрения сводились к следующему: «Рассматривая то же завещание в свете некоторых параллелей, взятых из летописного описания событий, связанных со съездом в Любече, мы убедимся в единстве концепции Начального свода на протяжении 1054—1097 гг. Показательно, например, предложение, полученное в 1096 г. Олегом Святославичем от лица Святополка Изяславича и Владимира Мономаха: «иди к брату своему Давидови, и придета Киеву, на стол отьць наших и дед наших, яко то есть старейшии град в земли в всьей Киев, и ту достойно снятися и поряд положити». Здесь та же мысль, что и в наставлении Ярослава: Киев — старейший город Русской земли, символ ее единства, отсюда исходит идея нерушимости наследия отцов и дедов, здесь «достоит» преодолеть междукняжеские «которы» и «поряд положити» на основе того «наряда», который восходит к Ярославу. Характер этих междукняжеских отношений, опять-таки, в соответствии с завещанием Ярослава, раскрыт в летописной статье 1097 г., где речь идет о Любечском съезде: «отселе имеемся в едино сьрдце, и блюдем Русьские земле; кьждо да дьржит отьчину свою», «да аще кто отселе на кого въстанеть, то на того будем вьси и крьст чьстнии». Условия о совместной помощи князю, пострадавшему в результате «въстания» на него со стороны нарушителя общего крестоцелования, вполне отвечает завету Ярослава, согласно которому его старший сын должен взять на себя инициативу заступничества за «обидимого» брата. Формула «кьждо да дьржит отьчину свою» тесно

Там же. С. 324.

связана с «заповедью» Ярослава сыновьям: «не преступати предела братьня, ни сгонити».

Итак, несомненно, по-моему, что автор Начального свода, воспроизводя текст завещания Ярослава Мудрого, раскрывал его содержание на основе принципов Любечского соглашения 1097 г., и что, следовательно, Начальный свод продолжался до 1097 г.» — заключал исследователь³⁴⁶.

Хотя изыскания Л. В. Черепнина были обусловлены не чисто источниковедческим интересом, а стремлением установить корреляцию между этапами социально-политического развития Киевской Руси и этапами развития Начального летописания, вследствие чего основные усилия, в данном случае, были направлены на пересмотр установившейся в историографии того времени датировки «Начального свода» (1093—1095), это позволило ему преодолеть влияние шахматовской атрибуции летописного рассказа 1054 г. «своду Никона», продемонстрировав логическую связь летописных статей 1054, 1096 и 1097 гг. Однако, наблюдение Л. В. Черепнина, которое могло бы составить достойную конкуренцию наблюдениям А. А. Шахматова, получившего в советской историографии начала 1950-х гг. критическую характеристику как «буржуазного источниковеда»³⁴⁷, дальнейшего развития не получило.

более поздней статье «К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в.» (1972) Л. В. Черепнин ограничился лишь раскрытием социально-политического значения «завещательного «ряда» Ярослава сыновьям, ставшего основой междукняжеских отношений, который, по предположению исследователя, мог быть «письменной духовной грамотой типа завещания Ивана Калиты и других московских князей»³⁴⁸. Здесь на первый план выходит догматический

Там же. С. 324–325.

См. *Пашуто* В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. №2.

Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89 / Отв. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1972. С. 360. Этот же

подход, а о критических интерпретациях ряда, как позднейшей конструкции летописцев, принадлежащих А. А. Шахматову и самому Л. В. Черепнину, не говорится ни слова. Ряд Ярослава, — утверждает Л. В. Черепнин, — «определяет форму государственного строя, при которой верховная власть принадлежит группе князей-родственников, связанных между собой вассально-иерархическими отношениями. Каждый из них — государь в пределах отведенной ему территории, но он не должен переступить пределов своих владений, вторгаться на территорию другого князя («не преступати предела братьня, ни сгонити»). Князьям вменялось в обязанность поддерживать союз («имейте в себе любовь», «будете мирно живуще»), основой которого должны были служить начала сюзеренитета — вассалитета. Старший сын Ярослава, которому он завещал киевский стол, после смерти отца должен был стать для своих братьев «старейшим» не только по счету родства, но и занимаемому на лестнице феодальной иерархии месту («сего послушайте, яко же послушаете мене»). Подобная система, по мысли Ярослава, являлась гарантией внутренней целостности государства («земли отец своих и дед своих»)³⁴⁹.

Несмотря на то, что, как и в статье 1948 г., в статье 1972 г. присутствуют элементы терминологического анализа, он ориентирован исключительно на социально-политическую интерпретацию летописного рассказа в духе теории «коллективного сюзеренитета» князей над Русью — одного из элементов феодальной парадигмы, который сближает Л. В. Черепнина с С. В. Юшковым, в то время как помещенная ниже характеристика союза старших Ярославичей как «триумвирата» воспроизводит историографический стереотип, созданный А. Е. Пресняковым и Б. Д. Грековым. Таким образом, критические наблюдения Л. В. Черепнина над летописной статьей 1054 г. постигла судьба критических

тезис повторен в статье: *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 25.

Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства... С. 360.

наблюдений С. М. Соловьёва и М. П. Погодина в середине XIX в. Эти историографические факты демонстрируют справедливость утверждения о том, что «история исторической мысли — всегда движение (и необязательно вперед, нередко зигзагами или вспять). И творчество каждого историка тоже» (С. О. Шмидт)³⁵⁰.

Эволюцию в обратном направлении — от социально-политической интерпретации раздела 1054 г. к наблюдениям над летописью — претерпели взгляды ученика М. Д. Присёлкова А. Н. Насонова (1898—1965). В монографии «“Русская земля” и образование территории древнерусского государства» (1951), опираясь на наблюдение об отсутствии полюдья на территории киевского, черниговского и переяславского княжеств, сформулированное М. Д. Присёлковым, и наблюдение В. В. Мавродина о том, что территорию «Руси», прежде всего, составляли Киев, Чернигов и Переяславль в Среднем Поднепровье, упоминаемые в русско-византийском договоре 911 г., А. Н. Насонов высказал предположение о существовании южнорусского государства «Русская земля», которое предшествовало «образованию «империи» Олега и Игоря или Киевского государства» и являлось его «политическим и территориальным ядром» в X — первой половине XI вв.³⁵¹ Эти идеи, носящие отпечаток представлений об «империи Рюриковичей», хотя и отвечавшие господствовавшей в историографии конца 1940 — начала 1950-х гг., тенденции к удревнению процесса формирования русской государственности, позволили дать новую трактовку разделу 1054 г. «триумvirату» Ярославичей. Как отмечал А. Н. Насонов, «В исторической науке недооценен тот факт, что князья Игоревой династии до второй половины XI века сажают сыновей по разным городам, но не сажают ни в

Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Его же. Путь историка. С. 180.

Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. 2-е изд. СПб.: Наука, 2006. С. 9, 20, 27, 31. Ср.: Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1940; Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. С. 230.

Чернигове, ни в Переяславле», поскольку «образование княжения в Чернигове или Переяславле неминуемо грозило бы разделу «Русской земли». Этот раздел, по А. Н. Насонову, был оформлен рядом Ярослава в 1054 г. «Известно, что по ряду Ярослава Изяслав сел в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславле, а Вячеслав в Смоленске. Но верховными хозяевами всего обширного Киевского государства становятся только три князя: Изяслав, Святослав и Всеволод, образуя своего рода триумvirат. Разгадку самого триумvirата найдем, если обратим внимание на то, что эти три князя представляли собою совместно «Русскую землю» с ее тремя центрами — Киевом, Черниговом и Переяславлем» — писал исследователь³⁵², адаптируя к собственным построениям гипотезу А. Е. Преснякова и Б. Д. Грекова.

источниковедческих работах А. Н. Насонов пытался соотнести ключевые этапы Начального летописания, установленные А. А. Шахматовым, с ключевыми моментами в политическом развитии «Русской земли» в Среднем Поднепровье, что обусловило тенденцию к выявлению в известиях «Повести временных лет» за XI в., наряду с киевской, следов черниговской и переяславской летописной традиции. Говоря о летописных известиях, связанных с переяславским князем Всеволодом Ярославичем, А. Н. Насонов повторил вывод М. П. Погодина (см. 2.1) и других дореволюционных исследователей (без их упоминания) о взаимосвязи летописных статей 1054 и 1093 гг., сообщавших о любви Ярослава к Всеволоду³⁵³. Текст ряда, вслед за Шахматовым, Насонов рассматривал как результат летописной деятельности Никона³⁵⁴, что помешало ему воспользоваться теми перспективами, которые открывало перед ним

Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 30, 31.

Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. Вып. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 433; *Его же*. История русского летописания... С. 50.

Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания... С. 435–436; *Его же*. История русского летописания... С. 48.

наблюдение М. П. Погодина, позволявшее в рамках шахматовской концепции атрибутировать ряд Ярослава составителю “Начального свода”.

Аналогичное идее А. Н. Насонова мнение о “летописце Всеволода Ярославича”, который мог получить от князя информацию о его беседах с отцом и использовать ее при написании статей 1054 и 1093 гг., сформулировал М. Х. Алешковский (1933—1974), который также атрибутировал “летописцу Всеволода” рассказ о разделе земли между сыновьями Ноя, где говорится о запрете преступать «жребий братень», и статью 1073 г., где этот библейский запрет используется для осуждения действий Святослава Ярославича, изгнавшего из Киева брата Изяслава, — то есть, ключевые элементы, атрибутируемые Н. В. Шляковым и А. А. Шахматовым “Первому Печерскому своду” или своду Никона (см. 4.2)³⁵⁵.

Полный текст исследования М. Х. Алешковского, опубликованный под названием «Повесть временных лет. Из истории создания и литературной переработки» лишь в конце 2015 г., позволяет конкретизировать как детали его концепции начального летописания, так и авторскую интерпретацию летописного рассказа под 1054 г. Из книги выясняется, что наблюдения М. Х. Алешковского не ограничивались констатацией «текстуальной тождественности» летописных сюжетов о Ное, Ярославе и Ярославичах, атрибутированных автору «Повести временных лет», которым, по предположению исследователя, мог быть печерский монах Нестор, выступавший за «внешнее единство» Руси для организации отпора кочевникам и «увекочивание внутреннего раздела, справедливость которого освящается рассказами о разделе земли между сыновьями Ноя и Ярослава», противопоставленного «тенденции объединения Руси под

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.: Наука, 1971. С. 58–60.

началом одной из семей Ярославичей», которую в конце XI — начале XII вв. представлял Владимир Мономах³⁵⁶.

Согласно Алешковскому, в статье 1054 г. соединены два разновременных известия — известие о завещании Ярослава, которое могло быть оглашено за несколько лет до кончины князя (как полагал исследователь на основании антропонимики внуков Ярослава, это могло произойти еще до 1050), а также известие о его смерти, которое было переработано автором «Повести временных лет» на основании «летописца Всеволода Ярославича» и отражало «ситуацию начала XII в., чем подлинную ситуацию середины XI в.»³⁵⁷. В процессе формирования этой ситуации «отчины» младших Ярославичей, сначала Смоленск, затем — Владимир на Волыни, оказались под властью Владимира Мономаха, также как и Новгород, что отразилось при редактировании «авторского текста» «Повести временных лет», осуществленного составителем летописной статьи 1097 г. Василием, который, по утверждению М. Х. Алешковского (следовавшего в вопросе о «редакторе Василии» за построениями академика Б. А. Рыбакова), удалил из текста «Повести временных лет» указания на княжение в Новгороде Изяслава Ярославича и превратил ее в «семейную летопись дома Мономаха»³⁵⁸.

М. Х. Алешковский не ограничился источниковедческими наблюдениями и дал им концептуальную интерпретацию в духе феодальной парадигмы. В частности, он подчеркнул, что процесс раздробления Древней Руси начался в X в. и достиг расцвета в XI—XII вв., чем объясняется и то, что Ярослав «закрепил наметившиеся границы отдельных полугосударств в своем завещании», и то, что автор «Повести временных лет» желал «предотвратить нарушения «отней заповеди» Ярослава, то есть, попытки

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Из истории создания и литературной переработки. М.: Весь мир, 2015. С. 153–155.

Там же. С. 245, 246.

Там же. С. 110–111, 216–217, 294–295. Ср. *Рыбаков* Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 278–279.

объединения Руси»³⁵⁹. Эти утверждения восходили к традициям советской историографии 1930—1940-х гг., в частности, к концепции А. Н. Насонова о «триумvirате» главных городов в «Русской земле», к которым, как показал М. Х. Алешковский, на протяжении второй половины XI — начала XII вв. присоединялись периферийные княжества-земли, сохранявшие зависимость от одной из трех «отчин» старших Ярославичей, которая «была укреплена завещанием Ярослава, не расколовшего Русь на отдельные земли, как это может показаться на первый взгляд, а лишь подкрепившего и освятившего уже существовавшую политическую и экономическую раздробленность»³⁶⁰.

А. Г. Кузьмин (1929—2004), также попытавшийся пересмотреть схему Начального летописания, предложенную А. А. Шахматовым, предположил, что летописный рассказ под 1054 г. в начале XII в. был отредактирован в интересах Владимира Мономаха игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, с тем, чтобы подчеркнуть близость к Ярославу I отца Мономаха, Всеволода Ярославича, так как Всеволод «был младшим членом «триумvirата», а потому и потомство его имело меньше прав на киевский стол, чем внуки Изяслава и Святослава»³⁶¹. Первоначальный вариант летописной статьи 1054 г. с текстом завещания («наказа») Ярослава, как предполагал А. Г. Кузьмин, был составлен в интересах Изяслава Ярославича, как и летописная статья 1073 г. с осуждением Святослава Ярославича, появившиеся в летописи после того, как произошло примирение Изяслава со Всеволодом (1077), но оказавшаяся невыгодной для Владимира Мономаха, «поскольку он шел к киевскому столу и сажал по уделам своих сыновей, конечно, вопреки нормам феодального права»³⁶², что и послужило причиной ее редактирования, когда Мономах пришел к власти в Киеве. В своих

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Из истории создания и литературной переработки. С. 255.

Там же. С. 248–251.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 160, 161.

Там же. С. 194–195.

построениях А. Г. Кузьмин ориентировался на наблюдение польского исследователя А. В. Поппэ, в середине 1960-х гг. повторившего тезис М. П. Погодина о взаимной связи летописных статей 1054 и 1093 гг. и атрибутировавшего их редактирование выдубицкому игумену Сильвестру.

Выводы. Указанными наблюдениями исчерпывается критика советскими исследователями летописного рассказа о ряде Ярослава, так как некоторые из них (например, М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков), в общих чертах принимая схему Начального летописания, предложенную А. А. Шахматовым (в частности, гипотезу о своде Никона), обошли стороной вопрос о завещании Ярослава³⁶³. Большая часть исследователей (М. Д. Присёлков, Д. С. Лихачёв, А. Н. Насонов и др.) ограничилась аксиоматизацией наблюдений А. А. Шахматова над летописной статьей 1054 г. в рамках феодальной парадигмы. Третий этап критических интерпретаций ряда Ярослава, ориентированный на пересмотр атрибуции его “своду Никона” (ранний Л. В. Черепнин, М. Х. Алешковский, А. Г. Кузьмин), не был доведен до логического завершения, получив развитие лишь в современной историографии, анализу которой посвящен следующий параграф.

3.3. Ряд Ярослава I в историографии конца XX — начала XXI века: от концептуального плюрализма к источниковедческой критике.

Как было продемонстрировано выше, большинство интерпретаций раздела Ярослава I реализовывалось в рамках феодальной парадигмы. Едва ли не единственной работой, где раздел 1054 г. интерпретирован с использованием элементов родовой теории, стала статья академика В. Л. Янина «Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение» игумена Даниила» (1960), где обсуждался вопрос о соотношении генеалогического старшинства русских князей с политическим значением их

См.: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. С. 63; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 207–209.

стольных городов в начале XII в., для решения которого автору пришлось прибегнуть к гипотезе о лестничном восхождении, с оговорками о том, что эта система не была «безотказно действующим аппаратом, все части механизма которого приходили в согласованное движение по мере того, как освобождалось то или иное звено системы», но «юридический принцип, лежащий в основе порядка наследования столов, не мог быть формальным»³⁶⁴.

построениях В. Л. Янина начало системы «лестничного восхождения» связано с разделом Ярослава: «В 1054 г. Русская земля была поделена Ярославом Мудрым между его преемниками. Изяславу, старшему из здравствовавших сыновей Ярослава, были завещаны великокняжеский стол в Киеве и Новгород. Следующий сын — Святослав — получил Чернигов. Всеволоду были отданы Переяславль Южный и Ростово-Суздальская земля. Вячеслав наследовал Смоленск. Игорь — Волынскую землю. Шестым уделом был Полоцк, оставшийся во владении потомков племянника Ярослава — Изяславичей. Старшинству преемников Ярослава соответствовало значение уделов. Наиболее значительным уделом Ярославичей был Киев, наименее значительным — Владимир Волынский» — писал исследователь в духе концептуальных установок родовой теории. «Система старшинства, проявившаяся в распределении уделов, не могла не сказаться в порядке наследования столов во второй половине XI в. Не меньший отпечаток на этот порядок был наложен тем, что Ярослав разделил свое наследство только между сыновьями. Его завещание не распространялось на внуков — детей умершего еще при жизни отца старшего сына Ярослава — Владимира. Поэтому первоначальное перераспределение столов происходит только в кругу сыновей Ярослава» —

Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение» игумена Даниила // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16 / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 120.

отмечал В. Л. Янин³⁶⁵, сближаясь в своих суждениях с оценками дореволюционной историографии.

Однако это направление долгое время оставалось маргинальным и получило продолжение лишь в статье А. В. Назаренко «Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью» (1986), автор которой, подчеркнув в качестве доминирующей тенденции отождествление в советской историографии семейно-родовых и сюзеренно-вассальных отношений между князьями, поставил на повестку дня вопрос о том, в какой момент первые стали перерастать во вторые, прибег к сравнительно-типологическим параллелям между разделом Ярослава I с одной стороны и разделами Бржетислава I и Болеслава III с другой, к которым были добавлены материалы по разделам Каролингов в начале IX в. («Разделение королевств» 806 и «Устроение империи» 817), позволившие обосновать предположение о том, что первоначальной формой правления в феодализирующихся обществах являлся *corpus fratrum* или «родовой сюзеренитет», предусматривавший наделение уделами всех наследников на равных основаниях и лишь в процессе развития «родового сюзеренитета» в политическую практику был введен сеньорат в качестве своеобразного компромисса между практикой наделения уделами представителей правящего рода и сохранения целостности государства. По интересующему нас вопросу А. В. Назаренко писал следующее: «...Если бы момент смерти Ярослава на Руси реально между князьями действовали только феодальные отношения, то достаточно было бы десигнации Изяслава «во отца место», тогда как само учреждение Ярославова ряда свидетельствует о том, что междукняжеские связи не были еще чисто вассально-сюзеренными, т. е. государственными. Ряд Ярослава — это компромисс ради учета прав всех братьев по *corpus fratrum*; функции старейшего при этом — еще не феодальный сюзеренитет, а охранение

Там же. С. 115–116.

существующего положения вещей, т. е. братского совладения...»³⁶⁶. Таким образом, была предпринята первая попытка усомниться в тождестве родовых и феодальных отношений, не только возродившая традицию сравнительно-исторических наблюдений, но и расширившая источниковую базу, которая позволила рассматривать междукняжеские разделы XI в. не как проявления феодализации, а как «отголоски родового права»³⁶⁷.

Несколько лет спустя эти идеи были развиты А. П. Толочко в монографии «Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология» (1992), написанной на основе кандидатской диссертации «Структура княжеской власти в Южной Руси в середине XI – середине XIII вв.» (1989) и, по существу, завершающей советский период историографии междукняжеских отношений. С одной стороны, исследователь интерпретировал практику наделения уделами сначала Святославичей, затем Владимировичей и, наконец, Ярославичей как три круга развития «родового сюзеренитета» (последняя треть X — конец XI вв.), лишенных феодального содержания, поскольку в них реализовывалось не пожалование сюзерена, а «природное право князя, не зависящее от воли других лиц»³⁶⁸. С другой стороны, продолжая сравнительно-исторические наблюдения в круге источников, очерченном А. В. Назаренко, он сблизил древнерусское «старейшинство» с польским «принципатом», установленным по завещанию Болеслава Кривоустого в 1138 г. и соединявшим в себе родовое старшинство (сеньорат) и политическое первенство (принципат). Эта корреляция, несмотря на его собственное признание в фрагментарности источниковых данных, позволила А. П. Толочко утверждать, что приоритет родового старшинства и политического первенства, выразившихся термином

³⁶⁶ Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1986. С. 153.

Там же. С. 156.

Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. С. 25.

«старейшинство» (и, как выясняется из дальнейшего изложения автора, великокняжеским титулом), был введен в политическую практику при Святославе I³⁶⁹. Подобная точка зрения предопределила интерпретацию ряда Ярослава как явления, которое «не было чем-то небывалым в политической мысли Руси»³⁷⁰ — утверждал А. П. Толочко со ссылкой на С. В. Юшкова (см. 3.1), кратко рассмотрев деятельность «триумvirата» Ярославичей.

Авторская интерпретация ряда Ярослава сводилась к следующему: «Перед нами система старейшинства, как она представлялась человеку XI в.: место великого князя (принцепса) предназначено старшему в роде (другие основания не упоминаются). В завещании это — Изяслав, но предусматривался порядок перехода его власти (в случае естественной смерти) к младшим братьям. Старший сын в юридических связях династии занимал положение отца, т. е. приобретал тот же объем власти <...>, ему отдавался столичный Киев, как «принцепский» (великокняжеский) удел. Объем власти великого князя, естественно, предусматривался существенно большим, чем остальных князей. Он выполнял роль сюзерена, пока еще ограниченную только политическими аспектами...»³⁷¹. Как полагал А. П. Толочко, ряд Ярослава в основном был идентичен завещанию Болеслава Кривоустого, с которым его сближали попытки создания великокняжеского (принцепского) уделов, обеспечивавших приоритет князей-принцепсов (в качестве каковых выступали, соответственно, Киевская земля и Малая Польша).

Следует отметить не только определенную модернизацию, но и внутренние противоречия этой концепции, в результате которой родовое старейшинство оказывается синхронным «родовому сюзеренитету», несмотря на то, что этот эффект является искусственным и достигается за счет экстраполяции «положений и принципов» ряда Ярослава на

Там же. С. 27–29.

Там же. С. 33.

Там же. С. 33–34.

«предыдущие княжения, не оставившие после себя подобных документов»³⁷². Это не единственная натяжка, допущенная украинским исследователем: к их числу, относится, например, утверждение о том, что ряд предусматривал порядок перехода «старейшинства» к младшим братьям Изяслава Ярославича в случае его естественной смерти, хотя не о чем подобном в летописной статье 1054 г. не сообщается. Тот факт, что ряд Ярослава не содержит каких-либо установлений на будущее время, подчеркивался как дореволюционными, так и советскими исследователями. Попытки А. П. Толочко произвести классификацию историографических оценок ряда были непоследовательны. Это привело к тому, что рядом с суждениями В. И. Сергеевича о вводимых рядом принципах наследования или М. С. Грушевского — о ряде, как о «политическом учении» и «законодательном акте» — отсутствовали оценки ряда как позднейшей летописной конструкции, восходящие к наблюдениям А. А. Шахматова и Л. В. Черепнина. То есть, игнорировались источниковедческие аспекты вопроса.

Поэтому, есть все основания согласиться с мнением, которое высказал в 1999 г. в рецензии на данную монографию А. В. Назаренко, отметивший, что автор в угоду схеме вкладывает в ряд Ярослава то, чего там нет³⁷³. Замечания А. В. Назаренко по поводу рассмотренной выше интерпретации ряда касались не только синхронизации родового сюзеренитета и родового старейшинства, но затрагивали следующие аспекты: игнорирование результатов сравнительно-типологических исследований с указанием на позднее появление сеньората в политической практике в противовес некритическому подходу к свидетельствам памятников Борисоглебского цикла о признании приоритета старшего брата младшими в начале XI в.; архаизацию этого явления до 70-х гг. X в., на сей раз, основанную на

Там же. С. 33.

Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси (Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология) // Средневековая Русь. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 1999. С. 175.

умолчании источников о приоритете «брата старейшего», и соотнесение «принципата» (политического первенства) киевских князей со второй третью XII в.³⁷⁴, что также не архаизировало данное явление, а, напротив, сделало его синхронным польскому «принципату», установленному по завещанию Болеслава Кривоустого в 1138 г., на которое ориентировался в своих построениях А. П. Толочко.

опубликованной чуть позже работе «Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации» (2000) А. В. Назаренко развил типологические наблюдения 1980-х гг., в том числе, трактовку ряда 1054 г. как «заблаговременной десигнации» Изяслава Ярославича, который, выступал в качестве «гаранта политической стабильности родовой системы», как и старший сын императора Людовика Благочестивого, Лотарь, в «Устроении империи» Каролингов 817 г. По утверждению исследователя, сеньорат, установленный на Руси в 1054 г. и просуществовавший до кризиса «триумvirата» Ярославичей в конце 1060 — начале 1070-х гг., был «умеренным вариантом реформы» *corpus fratrum*³⁷⁵, противопоставленным коренной ломке «родового сюзеренитета», которая, как предполагается, могла быть предпринята Владимиром Святославичем в интересах младших сыновей Бориса и Глеба, послужив причиной междукняжеской войны 1015—1019 гг.³⁷⁶

Эта тенденция была продолжена А. В. Назаренко в цикле работ второй половины 2000-х гг.³⁷⁷, в которых некоторые мнения, ранее высказывавшиеся

Там же. С. 173–176.

Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь) / Отв. ред.: В. Я. Петрухин, А. Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 516, 517.

Там же. С. 512–513.

См.: Назаренко А. В. Братское совладение, отчина, сеньорат (Династический строй Рюриковичей X—XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы 2005. Рюриковичи и российская государственность / Отв. ред. М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров. М.: Индрик, 2008; *Его же*. Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха / Отв. ред.: И. Н. Данилевский, Е. А.

исследователем, подверглись корректировке. Прежде всего, это касается типологических параллелей между разделом 1054 г. и его восточноевропейскими и западноевропейскими аналогами. Если в статьях 1985 и 2000 гг. историк сближал ряд Ярослава с завещаниями Бржетислава I Болеслава III (продолжая историографическую традицию С. М. Соловьёва А. Е. Преснякова), то, в дальнейшем, он дистанцировался от подобного сближения, отметив, что от завещаний Бржетислава I и Болеслава III ряд Ярослава отличает как более мягкая форма сеньората (который исследователь последовательно отделяет от генеалогического старейшинства, изначально существовавшего в рамках *corpus fratrum*), так и коллективный его характер, выразившейся в «триумвирате» Ярославичей³⁷⁸. Несколько позже исследователем была предпринята попытка дистанцироваться от других ранее проведенных аналогий, сблизив раздел 1054 г. не с «Устроением империи» Каролингов 817 г., а с более ранними разделами династии Меровингов, вошедшими в политическую практику Франкского государства в начале VI в.³⁷⁹, и обосновать предположение о том, что ряд Ярослава должен был санкционировать не только приоритет Изяслава Ярославича над братьями, но и приоритет «триумвирата» старших братьев, получивших уделы на территории «Русской земли» в Среднем Поднепровье, над младшими, который, по предположению исследователя, предусматривался разделом Ярослава I изначально в целях сохранения практики родового совладения³⁸⁰. В то же время А. В. Назаренко попытался

Мельникова. М.: Наука, 2008; *Его же*. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время (Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина). М.: Языки славянских культур, 2010. *То же* кн.: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы 2007 / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 7–87.

Назаренко А. В. Древнерусское династическое старейшинство... С. 34, 37, 54; *Его же*. Древняя Русь и славяне. С. 10, 12–13, 28.

Назаренко А. В. «Ряд» Ярослава Мудрого... С. 271, 279–280; *Его же*. Древняя Русь и славяне. С. 33, 41.

Назаренко А. В. «Ряд» Ярослава Мудрого... С. 282–283; *Его же*. Древняя Русь и славяне. С. 44–45.

дистанцироваться от феодальной парадигмы при трактовке междукняжеских отношений, представив отношения внутри представителей правящей династии как родовые, противопоставленные социальным отношениям на основе вассалитета-сюзеренитета за пределами княжеского рода (чем обусловлен и постепенный отход исследователя от термина «родовой сюзеренитет», как имеющего феодальный оттенок)³⁸¹.

Еще одна альтернативная точка зрения была предложена учеником В. В. Мавродина, профессором Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета И. Я. Фрояновым, разработавшим в 1970—1980-х гг. оппозиционную как «классической» модели возникновения феодального строя в процессе формирования крупного частного землевладения и закрепощения свободного населения, так и «неклассической» модели генезиса феодальных отношений через отождествление дани и ренты, которая восходила к идее К. Маркса о существовании «вассалитета без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани», концепцию, основанную на синтезе теории общинного быта XIX в. с трактовкой дофеодального периода как «общинного без первобытности» общественного строя, в котором социальная дифференциация еще не имела классовых черт, сформулированной в конце 1960-х гг. А. И. Неусыхиним и А. Я. Гуревичем³⁸². Несмотря на стремление дистанцироваться от феодальной парадигмы, в отождествлении семейных и вассальных отношений между князьями И. Я. Фроянов следовал за С. В. Юшковым, при этом, модифицируя формулу К. Маркса и подчеркивая, что во второй половине XI—XII вв.

Назаренко А. В. Братское совладение, отчина, сеньорат... С. 134–135; *Его же.* Древняя Русь и славяне. С. 49.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси... С. 259–264. Ср. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; *Его же.* Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. О формировании концепции И. Я. Фроянова и сформировавшейся вокруг него в 1980-х гг. школы исследователей (А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, В. В. Пузанов, А. В. Петров и др.) см. в кн.: *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории... С. 301–302, 320–340; *Брачев В. С.* Наш современник – профессор И. Я. Фроянов // *Его же.* Служители исторической науки. С. 503–615; *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. С. 272–281; *Соловьёв К. А.* Осмысление темы властных отношений... С. 81–84.

вассальная зависимость древнерусских князей представляла «вассалитет фьефов, или с фьефами, состоящими преимущественно из кормлений» — то есть, имела дофеодальный (внеземельный) характер пожалований³⁸³.

Аналогично И. Я. Фроянов и его ученик А. Ю. Дворниченко во второй половине 1980-х гг. трактовали политическое значение «завещания» Ярослава I. С одной стороны, в рамках гипотезы А. Н. Насонова о разделе «Русской земли», а с другой — на базе теории общинного быта, в рамках которой предполагалось, что раздел 1054 г. отвечал не интересам представителей княжеского рода, а интересам городских общин Среднего Поднепровья, стремившихся к политической независимости от Киева³⁸⁴. Это построение конкретизировано И. Я. Фрояновым в 2015 г. в курсе лекций по истории Киевской Руси, где отмечается, что при рассмотрении приведенных летописи «наставлений и распоряжений» Ярослава «следует отвергнуть идею о наделении князем своих сыновей-наследников землями, волостями, уделами, как думают историки, или городами, по рассказу летописца. То есть, необходимо отбросить мысль о территориальном разделе Руси, произведенным якобы Ярославом, как несоответствующую сути княжеских повелений. Подлинный смысл этих повелений заключен в словах «се же поручаю стол Изяславу Кыев», среди которых ключевым является термин

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 53–54, 62–63.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 278–279; *Их же*. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 83–84, 87–88. Тезис о том, что летописное «завещание» Ярослава отразило «интенсивный процесс вызревания городов-государств» А. Ю. Дворниченко повторил в более поздней обобщающей работе, воспроизведя и характеристику древнерусской государственности как «империи Рюриковичей» (Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь мир, 2010. С. 122. Ср. с критической характеристикой «империи Рюриковичей» в кн. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. С. 202–203), которое периодически продолжает употребляться в историографии (См.: Новосельцев А. П. Древнерусское государство // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа / Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1992. С. 194; Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов в Древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. №10. С. 52, 56; Перхавко В. Б. Этнические, политические и конфессиональные особенности «империи Рюриковичей» // Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М.: Наука, 2005. С. 205–206, 208, 214–215), несмотря на попытки его критического переосмысления (Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 116–121).

стол. А это означает, что жалуется старшему Ярославичу не город Киев, не Киевская земля, а киевский княжеский стол, киевское княжение, или передается право княжеского правления в Киеве. Точно такое же право дается Святославу, Всеволоду, Игорю и Вячеславу в городах Чернигове, Переяславле, Владимире и Смоленске. И если говорить о разделе, то следует вести речь о разделе власти, но отнюдь не городов и земель»³⁸⁵. С точки зрения И. Я. Фроянова, подобный раздел произошел не только по воле Ярослава, но и в результате усиления общинно-вечевого начала, выразившегося в «стремлении жителей соседних с Киевом земель иметь собственные княжения», что являлось показателем их независимости от «днепровской столицы». По мнению исследователя, Ярослав I «сумел не только верно понять запросы времени, но и пойти навстречу пожеланиям местных миров, закладывая основы будущей общинно-вечевой Руси»³⁸⁶. Следуя представлениям о князе, как о должностном лице, находившимся на службе общины, сложившимся в теории общинного быта, И. Я. Фроянов считает Ярослава I не столько выразителем династических интересов, сколько выразителем интересов городских общин: при интерпретации ряда он умалчивает о тех аспектах, которые относятся к утверждению «старейшинства» Изяслава, ограничиваясь лишь теми, которые имеют значение для социально-политической истории общин, а говоря о «триумvirате» Ярославичей, подчеркивает то, что «речь идет не о форме государственного правления, а о личном согласии братьев, сидящих на княжеских столах в отдельных и самостоятельных городах-государствах»³⁸⁷.

Иначе трактует раздел Ярослава I ученик И. Я. Фроянова В. В. Пузанов, вслед за советским литературоведом В. Л. Комаровичем³⁸⁸ и

Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 406.

Там же. С. 407–408.

Там же. С. 409.

См. Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. Т. Литература XI – начала XIII в. М., Л., 1941. С. 290.

английским историком С. Франклином (обнаружившим источник рассказа «Повести временных лет» о разделе земли между сыновьями Ноя в «Изборнике» 1073 г., составленном для Святослава Ярославича)³⁸⁹, рассматривая рассказ «Повести временных лет» под 1054 г. не как юридический документ, а как «литературный текст позднейшего происхождения». Исследователь отмечает широкий спектр распространения идеи о сохранении мира между братьями, необходимости послушания старшему из них, — от Священного писания до фольклорных сюжетов, — приводя в качестве одной из параллелей летописному рассказу о наставлениях Ярослава, сюжет о разделе Великой Моравии в конце IX в. между тремя сыновьями князя Святополка I («архонта Сфендоплока»), зафиксированный византийским императором Константином Багрянородным середине X в. в трактате «Об управлении империей», расширяя, таким образом, диапазон сравнительно-типологических сопоставлений³⁹⁰. С другой стороны, синтезировав информацию о разделе в «Повести временных лет» и Новгородской I летописи младшего извода («И преставися Ярославъ, и ошастася три сынове его: вятшии Изяславъ, а среднии Святославъ, меншии Всеволод. И раздѣлиша землю, и взяша болшии Изяславъ Киевъ и Новъгород и инии города многы киевскыя во предѣлех; а Святославъ Черниговъ и всю страну вѣсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволжье»)³⁹¹, В. В. Пузанов рассматривает Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли в Среднем Поднепровье, как о федерации, каждая из которых представляла «сложный союз» земель, находившихся под контролем одного из главных городов (Киевская, Туровская, Волынская и Галицкая под контролем Киева; Чернигово-

См. *Franklin S. Some Apocriphal Sources of Kievan Russian Historiographi // Oxford Slavonic Papers. 1982. New series. Vol. 15.*

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Издательский дом Удмуртского университета, 2007. С. 352–353.

Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 160, 470.

Северская, Муромо-Рязанская и Тмутараканская под контролем Чернигова; Переяславская и Ростово-Суздальская — под контролем Переяславля)³⁹². Таким образом, предложенная И. Я. Фрояновым схема модифицируется, благодаря чему ряд Ярослава рассматривается как «прецедент для легитимизации сепаратистских устремлений» не только Чернигова и Переяславля, но и городских центров второго уровня³⁹³.

Хотя в 1990-х и 2000-х гг. влияние феодальной парадигмы на интерпретацию междукняжеских отношений уменьшается, ее приверженцы продолжают следовать стереотипам советской историографии, что заметно как в индивидуальных, так и в коллективных работах.

Член-корреспондент АН СССР (РАН) А. П. Новосельцев (1933—1995) разделе по истории древнерусского государства во втором томе «Истории Европы» (1992), отнеся формирование древнерусской государственности к IX столетию и попытавшись заменить представление о раннефеодальной монархии представлением о раннеклассовом «дружинном» государстве, утверждал, что «говорить о раздробленности Киевской Руси при Ярославе нельзя», так как последние 18 лет княжения он «властвовал над всей Русью», после его смерти в 1054 г. Русь формально сохраняла единство, хотя была временно разделена на три части между Изяславом, Святославом и Всеволодом, в чем, по словам исследователя, «проявились ростки будущей феодальной раздробленности», несмотря на то, что киевский князь продолжал оставаться «верховным главой других русских княжеств, которые были обязаны ему подчиняться»³⁹⁴. В этих характеристиках, как и в приурочивании феодальной раздробленности Руси ко второй трети XII в., заметна тенденция, свойственная в 1980-х гг. работам Б. А. Рыбакова и П. П. Толочко.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 353–357.

Там же. С. 357.

Новосельцев А. П. Древнерусское государство. С. 205, 206.

Автор одного из разделов коллективной монографии «Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX—XV вв.» (1995) С. В. Алексеев при характеристике ряда Ярослава писал: «Ярослав Мудрый умер в феврале 1054 г. По его завещанию русские земли были разделены между его сыновьями. Основные города княжеского домена достались трем старшим — Киев с великокняжеским титулом Изяславу, Чернигов Святославу, Переяславль Всеволоду. В их руки перешла фактическая власть на Руси. Старшие Ярославичи совместно ходили в военные походы, ведали перемещениями младших князей, решали различные внутривластные вопросы <...>».

Сложившуюся форму правления, обусловленную союзом трех старших Ярославичей, Б. Д. Греков совершенно справедливо охарактеризовал как триумвират. Правление Ярославичей напоминало времена Ярослава и Мстислава Владимировичей. Отличие было, пожалуй, в том, что старшинство Изяслава, княжившего в Киеве в 1054—1073 гг. (исключая события 1068—1069 гг.) было куда более бесспорным, чем у его отца в 1026—1036 гг.»³⁹⁵.

Здесь, как и у другого соавтора монографии, Д. Н. Александрова, модель междукняжеских отношений, сложившихся после смерти Ярослава, воспроизводится в трактовке О. М. Рапова³⁹⁶. Это обусловило рецепцию представления о сохранении после 1054 г. единого княжества киевского князя и датировку утверждения на Руси «коллективного сюзеренитета» концом XI в., включая характерные для поздней советской историографии элементы, такие как атрибуция гипотезы о «триумвирате» Ярославичей Б. Д. Грекову и игнорирование авторства А. Е. Преснякова.

Впрочем, в историографии 1990-х гг. отмечается и противоположная тенденция.

Александров Д. Н., Мельников С. А., Алексеев С. В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX—XV вв. М.: Мосты, 1995. С. 45.

Там же. С. 48.

Р. Г. Скрынников (1931—2009) характеризовал раздел 1054 г. не только как раздел на три части Руси, географически локализованной в Среднем Поднепровье, в рамках концепции А. Н. Насонова, но и в рамках концепции А. Е. Преснякова, как раздел «отчины», поделенной между всеми сыновьями, каждый из которых имел право на участие в разделе волостей, в то время как единство государства «гарантировалось единством княжеской семьи, братским согласием князей, признанием ими старейшинства киевского князя», которое Ярослав, по словам исследователя, укрепил таким образом, что Изяслав получил больше городов и волостей, чем Святослав и Всеволод³⁹⁷.

А. Л. Юрганов, признавая существование коллективного родового совладения Русской землей со времени Святослава I, также интерпретировал суть завещания Ярослава и следовавшего за ним «триумvirата», в рамках концепции А. Е. Преснякова о внутрисемейном разделе земли, оговорившись, что «представление о «старейшинстве», о котором говорится «ряде» Ярослава» могло иметь силу лишь при условии, что в сознании древнерусских людей старший брат имел право на власть и собственность как глава рода, но «многие обстоятельства препятствовали воплощению в реальной практике мысли о первенстве старшего сына в роде», что привело к кризису идеи старейшинства при Андрее Боголюбском³⁹⁸.

В. Я. Петрухин воспользовался в своих построениях о ряде Ярослава не летописным рассказом в «Повести временных лет» под 1054 г., а сообщением Новгородской I летописи младшего извода (см. выше). Отметив, что в данном тексте говорится о разделе волостей лишь между тремя сыновьями Ярослава, он попытался обосновать предположение о том, что правление трех князей являлось традиционным стереотипом, отражавшим

Скрынников Р. Г. История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997. С. 82. Более поздняя монография исследователя (Скрынников Р. Г. Русь, IX–XVII вв. СПб: Питер, 1999) для нас недоступна.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 153–155 (второе издание книги, вышедшее в 2009 г., для нас недоступно).

представления летописцев, зафиксированные в 1070-х гг. Если в этом утверждении, как и в проведении параллелей между рассказом «Повести временных лет» о разделе земли между сыновьями Ноя и летописными статьями 1054 и 1073 гг., исследователь следовал концепции А. А. Шахматова, то трактовка разделов Владимира и Ярослава в качестве основания формирования «лествичной» системы, сближала его с родовой теорией, как и попытка интерпретации ряда с правовой точки зрения в определениях, заимствованных у В. О. Ключевского и А. Е. Преснякова³⁹⁹. В то же время, некоторые элементы построений В. Я. Петрухина близки феодальной парадигме — например, отождествление «окняжения» земель представителями рода Рюриковичей с процессом расширения «государственной территории», характеристика «Русской земли» в Среднем Поднепровье как «княжеского домена» (раздел которого Ярославом между тремя сыновьями исследователь характеризовал как «крайнюю форму компромисса»), или трактовка ряда как шага к отчинному (феодалному) наследованию столов (при противоречивом утверждении о том, что Русская земля не была феодальной собственностью Ярослава, который мог лишь собирать там дань и осуществлять суд)⁴⁰⁰. В качестве новации ряда Ярослава автор акцентировал внимание на том, что «от предыдущих разделов его отличает то, что сыновья Ярослава рождены в христианском браке — «братья единого отца и матери», что должно удерживать их от усобиц под главенством старейшего Изяслава», а использованный в летописном рассказе под 1054 г. стереотип «погибели» от княжеских «катор» является «характерным мотивом древнерусской литературы вплоть до «Слова о

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, М.: Русич, Гнозис, 1995. С. 57–59, 244; *Его же.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. С. 189, 190. Ср.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. С. 191; *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 34.

Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 131, 193.

погибели Русской земли», хотя лексика и содержание этого летописного пассажа «далеки от чисто литературного этикета, вполне историчны»⁴⁰¹.

Тенденция к изучению юридической терминологии ряда была продолжена М. Б. Свердловым, отметившим, что формуляр “завещания” Ярослава, использованный в статье 1054 г., является не повествовательным, а юридическим текстом, отражающим формулярную традицию XI—XII вв.⁴⁰²

Интерпретация самого раздела дана исследователем в рамках феодальной парадигмы — как наделение младших сыновей наследственными волостями (тождественными французским апанажам), при сохранении верховной власти старшего сына Изяслава, которому были отданы Киев и Новгород; именно в наделении киевского князя новгородским столом постулируется политическая новация ряда Ярослава, тогда как в остальном он рассматривается как воспроизводящий политическую практику Святослава I

Владимира I⁴⁰³. Суть раздела 1054 г. М. Б. Свердлов раскрыл следующим образом: «...При конкретном анализе завещания Ярослава Мудрого и междукняжеских отношений последней трети X — середины XI в.

устанавливаются принципы наследования верховной власти киевского князя по прямой нисходящей линии старшего сына при наделении других сыновей на праве отчинного наследственного владения, но с феодальным содержанием апанажа — сохранения политического единства государства»⁴⁰⁴, которому, по предположению исследователя,

способствовало образование «триумвирата» Ярославичей. Эта интерпретация модифицированном виде отразила как тенденцию к принижению политического значения ряда Ярослава, так и стереотипы феодальной парадигмы, в контексте которых после раздела 1054 г. постулировалось

Там же. С. 190–191.

Свердлов М. Б. «Завещание» Ярослава... С. 349–351; *Его же*. Домонгольская Русь. С. 437–438.

Свердлов М. Б. «Завещание» Ярослава... С. 352–354; *Его же*. Домонгольская Русь. С. 438, 440–441.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 442.

сохранение на Руси единого государства, несмотря на то, что «раннефеодальная природа княжеской власти подразумевала продолжение наделения киевским князем своих сыновей обширными территориями для управления и кормления»⁴⁰⁵.

Аналогичная точка зрения сформулирована Л. В. Минниковой, по словам которой, Ярослав I не мыслил междукняжеских отношений вне системы сюзеренитета-вассалитета, отразившейся в ряде, который представляет «своего рода политическое завещание сыновьям», в котором старшему сыну, Изяславу Ярославичу, предназначалась роль «главы всего порядка на Руси» и «гаранта мирных и стабильных отношений», которому вменялось в обязанность соблюдать права младших братьев, в свою очередь, признающих его старшинство. «Ярославов ряд завершал формирование того лестничного порядка восхождения князей к главному, киевскому великокняжескому столу, и к промежуточным, местным столам, который формировался еще с конца X в. в достаточной мере стихийно, подводил под него правовую основу» — утверждает исследовательница, считая, что в результате сложилась двухуровневая иерархия вассально-сюзеренных отношений, на первом из которых находились Святослав и Всеволод по отношению к Изяславу, а на втором — все остальные князья по отношению к «триумvirату» старших Ярославичей⁴⁰⁶. В то же время, политический режим, установленный рядом Ярослава, характеризуется как ограниченный и не отражавший интересов всех представителей княжеского рода, что подрывало установленный политический порядок, наряду с факторами социально-экономического развития. Считая развитие феодальных отношений на Руси синхронным с аналогичным процессом в европейских государствах, характеризующимся упадком центральной власти и наступлением феодальной раздробленности, Л. В. Минникова локализует его

Там же. С. 420.

Минникова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. С. 208.

в диапазоне от кризиса «триумvirата» в 1070-х гг. до смерти Мстислава I в 1132 г.⁴⁰⁷, что, как уже говорилось выше, соответствует периодизации поздней советской историографии.

И. Н. Данилевский, с одной стороны, рассматривает завещание Ярослава I как основу нового государственного строя, ознаменовавшего распад древнерусской государственности, следуя в концептуальной интерпретации этого завещания за высказываниями В. О. Ключевского, с другой стороны, акцентируя внимание на расхождении рассказа ПВЛ под 1054 г. и Новгородской I летописи младшего извода — в том числе на том, что новгородский летописец, в отличие от киевского, писал не о разделе «градов», а о разделе «земель», что, по мнению автора, может быть соотнесено с летописным рассказом о разделе русских земель между внуками Ярослава I на Любечском съезде 1097 г. Хотя внимание автора сосредоточено на трансформации летописных репрезентаций рассказа о разделе 1054 г. и хронографических источниках приведенных в нем ветхозаветных параллелей, в своих построениях он ограничивается воспроизведением ранних источниковедческих построений А. А. Гиппиуса (см. ниже), противопоставленных концептуальным построениям В. О. Ключевского, которые представляются как своего рода конкурирующие модели интерпретаций летописного рассказа⁴⁰⁸.

С. А. Мельников раскрыл правовое содержание термина ряд, как распределения имущества между наследниками по закону, и отметившим, вслед за М. Б. Свердловым, что единственная его новация заключается в определении состава городов, тогда как в остальном завещание Ярослава не выходило за пределы права наследования по закону, который, по словам исследователя, ограничивал круг наследников сыновьями, что объясняло

Там же. С. 208–209.

Данилевский И. Н. Рюриковичи в удельный период // Древнейшие государства на территории Восточной Европы 2005. С. 271–282.

отсутствие среди наследников внука Ярослава Ростислава Владимировича⁴⁰⁹. Хотя терминология феодальной парадигмы для киевского периода С. А. Мельниковым не используется, признание верховной собственности князей на землю и условного характера уделов, предоставляемых великими князьями другим представителям правящего рода, позволяют отнести его построения к этой парадигме⁴¹⁰.

Е. А. Мельникова, рассматривавшая древнерусское государство, образовавшееся в результате объединения двух политических центров в Поднепровье и Поволховье в 882 г., в качестве родового владения русских князей, охарактеризовала завещание-«ряд» Ярослава как реформу, в соответствии с которой был установлен принцип старейшинства в порядке наследования столов по лествичному праву. Этот порядок престолонаследия обеспечивал «относительную стабильность Руси вплоть до конца первой трети XII в. — начала периода раздробленности»⁴¹¹. По завещанию Ярослава Изяслав Ярославич назначен верховным правителем Руси, хотя на протяжении почти двадцати лет после смерти отца он согласовывал свои действия со Святославом и Всеволодом⁴¹². В этих построениях, с одной стороны, сохранилась периодизация древнерусской государственности, установленная в поздней советской историографии, с другой же стороны вместо феодальной парадигмы был использован модифицированный вариант родовой теории.

Несмотря на то, что большинство оценок ряда Ярослава I ограничивается концептуальными интерпретациями социально-политических аспектов раздела 1054 г., постепенно складывается тенденция его

Мельников С. А. Правовой режим наследования престола в Древней Руси IX — начала XVI в. М.: Информ-Знание, 2009; *Его же*. Историко-правовые факторы эволюции древнерусского государства IX—XV вв. М.: Голден-Би, 2010.

Мельников С. А. Историко-правовые факторы эволюции... С. 33–41.

Мельникова Е. А. Политическое устройство и хозяйственное развитие Руси в XI — первой половине XII в. // *Всемирная история*: В 6 томах (гл. ред. А. О. Чубарьян). Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. С. 384.

Там же. С. 385.

источниковедческого изучения на базе предшествующих критических наблюдений. Член-корреспондент РАН А. А. Гиппиус, в середине 1990-х гг. отметив противоречия летописного сюжета о разделе Русской земли между сыновьями Ярослава в «Повести временных лет» и Новгородской I летописи младшего извода (см. выше), привел некоторые текстологические параллели пользу предположения о том, что новгородский летописец ориентировался на открывающий «Повесть временных лет» рассказ о разделе земли между тремя сыновьями Ноя (Симом, Хамом и Иафетом). В то же время, исследователь обратил внимание на то, что в летописной статье 1073 г. Сим был ошибочно назван Сифом, сделав на этом основании вывод о том, что изложение библейского сюжета и летописной статьи 1073 г. принадлежало разным летописцам: связанные между собой статьи 1054 и 1073 гг. принадлежали составителю “свода 1070-х гг.”, а рассказ о разделе земли между сыновьями Ноя — составителю «Повести временных лет» на рубеже первого и второго десятилетия XII в., что соответствовало поздним построениям А. А. Шахматова⁴¹³.

При установлении подобного разграничения летописных сюжетов А. А. Гиппиус сфокусировал внимание на том, что библейская аллюзия в статье 1073 г. («не преступати жребий братень») возникает «в связи с идеей подчинения воле отца», а во введении к «Повести временных лет» этот же принцип формулируется «не как заповедь отца, а как договор братьев, разделивших землю по жребию». Исследователь предположил, что подобное явление было связано с изменением характера междукняжеских отношений на Руси на рубеже XI—XII вв. (после Любечского съезда 1097), в процессе которого “вертикальные” отношения между братьями, основанные на исполнении воли отца, сменяются “горизонтальными” отношениями на

*Гиппиус А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения-3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 136–141. Подробнее см. Петрухин В. Я. «Преступиша сынове Хамове на землю Сифову»: об одной «ошибке» в «Повести временных лет» // *Его же. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 158–161.**

основе равноправия и договора, а «роль старейшего в роде, специально оговоренная завещанием Ярослава, при этом заметно ослабевает»⁴¹⁴.

В середине 2000-х гг. эти представления были модифицированы А. А. Гиппиусом под влиянием наблюдений С. Франклина, обнаружившего источник рассказа «Повести временных лет» о разделе земли между сыновьями Ноя в «Изборнике» 1073 г., составленном для Святослава Ярославича, что заставило А. А. Гиппиуса предположить, что этот рассказ появился не в «Повести временных лет», а в «своде Никона» (который, вслед за Л. В. Черепниным, он датировал 1072), и был синхронен летописному рассказу 1054 г. о завещании Ярослава, в то время как летописная статья 1073 г. была атрибутирована другому летописцу, продолжившему свод Никона⁴¹⁵. В 2012 г., под влиянием наблюдений А. Тимберлейка над текстологически сходными фрагментами летописных статей 1054, 1073 и 1078 гг.⁴¹⁶, А. А. Гиппиус еще раз пересмотрел свою точку зрения, атрибутировав летописные статьи 1054 и 1073 гг. составителю «Начального свода»⁴¹⁷. Следует отметить, что к тому времени аналогичная точка зрения была развита В. Я. Петрухиным, который скептически отнесся к гипотезе о «своде 1073 г.» и его атрибуции Никону, связав появление летописных статей, посвященных Ярославичам (в том числе — 1054, 1073, 1078 и 1093), непосредственно с «Начальным сводом» 1090-х гг., отразившим выгодную Всеволоду Ярославичу модель междукняжеских отношений⁴¹⁸.

Гиппиус А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет. С. 140, 141.

Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 70–71, 74–76.

См. *Timberlake* А. «Не преступати предела братня»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер. С. 97–111.

Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М. – Вологда: Древности севера, 2012. С. 56.

Петрухин В. Я. Как начиналась Начальная летопись? // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57 / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 2006. С. 38–41; *Его же*. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. С. 172–173, 177–180. Ср.

Тенденция получила продолжение в текстологическом исследовании С. М. Михеева, который на основании комплекса слов-маркеров ограничил первоначальный текст летописной статьи 1054 г. в реконструируемом им “своде 1078 г.” фразами: «Преставися великыи князь Рускыи Ярославъ мѣсяца февраля, в субботу 1-оѣ недели поста, на святого Федора. Живѣ же всѣх лет 76»⁴¹⁹, а все остальное содержание летописной статьи 1054 г. отнес дополнениям “Начального свода”, равно как и сюжет о нарушении «отней заповеди» в статье 1073 г.⁴²⁰, в то время как сюжет о разделе земли между сыновьями Ноя и запрете «преступать жребий братень» атрибутировал “своду 1078 г.”⁴²¹ Эти наблюдения с точки зрения историографической преемственности можно интерпретировать как попытки дистанцироваться от гипотезы Н. В. Шлякова — А. А. Шахматова и актуализировать гипотезу Л. В. Черепнина (хотя А. А. Гиппиус, В. Я. Петрухин и С. М. Михеев не определяют их подобным образом).

Автор данного диссертационного исследования рассмотрел проблему ряда Ярослава в двух аспектах. С одной стороны, синтезировав источниковедческие наблюдения Л. В. Черепнина, М. Х. Алешковского, А. Н. Насонова и других исследователей над содержанием летописных статей 1054, 1073, 1078 и 1093 гг., установив их сюжетную и терминологическую общность (в том числе, в плане признания приоритета «старейшинства» за Изяславом Ярославичем) и также приурочив их к “Начальному своду” 1090-х гг. С другой стороны, исходя из того, что сюжет о приоритете «брата старейшего» является вторичным как для летописной статьи 1054, так и для летописной статьи 1078 г. (где приоритет «старейшинства» единственный раз атрибутируется летописцем Изяславу Ярославичу), были высказаны

Зиборов В. К. О летописи Нестора (Основной летописный свод в русском летописании XI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 50–52, 128–129, 155–156).

Цит. по: *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. С. 247.

Там же. С. 205.

Там же. С. 212.

предположения о поздней актуализации этой идеи, обусловленной негативной реакцией на изгнание Изяслава Ярославича из Киева в 1073 г. младшими братьями и приведшей к конфликту нового киевского князя Святослава Ярославича с Киево-Печерским монастырем (согласно памятникам монастырской агиографии); об утверждении идеи о приоритете «брата старейшего» в связи с переходом киевского стола от Всеволода к Изяславу в результате «Волынского компромисса» 1077 г. и последующем укоренении ее в политической практике конца XI — начала XII вв., когда политическое старшинство киевских князей (Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича) соответствовало генеалогическому. Также было продемонстрировано, что политическая суть раздела Ярослава ограничивалась новациями в составе подлежащих разделу городов, изначально упоминавшихся в летописной статье 1054 г. примерно в следующем виде: «Преставися князь Руский Ярославъ. Изяславу тогда сущю [Туровѣ], а Святославу Володимири. Ярославу же приспѣ конѣць житья и предасть душу свою [Богу] въ субботу 1 поста святаго Феодора... Пришедь Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяслави, Игорь Володимери, Вячеславъ Смолинскѣ»⁴²².

Выводы. Несмотря на возобновление со второй половины 1980-х гг. концептуального многообразия, значительная часть интерпретаций продолжает осуществляться в рамках феодальной парадигмы, воспроизводя установки поздней советской историографии (А. П. Новосельцев, С. В. Алексеев, М. Б. Свердлов, Л. В. Минникова, С. А. Мельников), что касается как экстраполяции норм ряда Ярослава на более ранний период развития междукняжеских отношений, так и принятых в 1950—1980-х гг. датировок феодальной раздробленности древнерусского государства. В интерпретациях приверженцев других теорий присутствует синтез наблюдений

Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси... С. 81–94 (реконструкция текста статьи 1054 г. приведена на с. 91).

дореволюционной и советской историографии (И. Я. Фроянов, Р. Г. Скрынников и др.). На фоне достижений в сравнительно-типологическом (А. В. Назаренко, В. В. Пузанов и др.) и юридическом аспектах изучения ряда Ярослава (В. Я. Петрухин, М. Б. Свердлов и др.), источниковедческие изыскания оставались на периферии научных исследований. Лишь в последнее десятилетие началось оформление четвертого критического этапа интерпретаций, эволюционировавшего от атрибуции ряда “своду Никона” 1070-х гг. в рамках концепции А. А. Шахматова, к атрибуции “Начальному своду” 1090-х гг. в рамках гипотезы Л. В. Черепнина (В. Я. Петрухин, С. М. Михеев, А. А. Гиппиус и др.), которая позволяет более дифференцированно представить процесс формирования идеи о приоритете «брата старейшего», выраженной в ряде Ярослава I.

Заключение

результате анализа интерпретаций ряда Ярослава I в трудах русских историков XVIII — начала XXI вв. были выявлены три подхода, обозначенные как доконцептуальный, концептуальный и критический.

Доконцептуальный подход, характеризовавшийся воспроизведением исследователями летописной статьи 1054 г. по тексту «Степенной книги» или поздних списков «Повести временных лет» (Никоновский, Радзивилловский, Воскресенский) без какой-либо концептуальной нагрузки (А. И. Манкиев, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и др.).

Концептуальный подход начал формироваться в конце XVIII — первой половине XIX вв., когда в результате конкуренции феодальной (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин, Н. А. Полевой и др.) и родовой теорий (И. Ф. Г. Эверс, А. Ф. М. Рейц, К. Д. Кавелин и др.), практика воспроизведения летописного текста вытесняется концептуальными интерпретациями исследователей, постепенно приобретающими теоретическую нагрузку;

Критический подход, развитие первого этапа которого связано с появлением в середине XIX в. работ С. М. Соловьёва и М. П. Погодина, где были предприняты попытки критической интерпретации летописного рассказа о ряде Ярослава I.

Хотя во второй половине XIX — начале XX вв. концептуальный и критический подход сосуществовали параллельно, этот период охарактеризовался лишь появлением конкурирующих концептуальных интерпретаций ряда, сделанных в рамках родовой теории (К. А. Неволин, В. О. Ключевский, Д. И. Иловайский и др.) и теории общинно-вечевого быта (И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич, Н. И. Костомаров, М. С. Грушевский и др.), которую представляется более точным назвать теорией общинно-княжеского дуализма.

Второй этап в развитии критического подхода ознаменовался анализом летописного рассказа о ряде Ярослава I в вышедших в начале XX в. работах

Н. В. Шлякова, А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова, в результате которой его появление было связано с составлением “Первого Печерского свода” 1073 г. под руководством монаха Никона. Результаты, достигнутые на этом этапе, были синтезированы с концептуальными установками феодальной парадигмы, базировавшейся на идеологических установках классиков марксизма, доминировавших в историографии 1930—1980-х гг., в процессе развития которой раздел княжеств по ряду Ярослава рассматривался как начало феодальной раздробленности древнерусского государства (Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, ранний В. В. Мавродин), что в определенной степени сближало ее с дореволюционной историографией, но впоследствии утратил этот статус в связи с датировкой распада государства вследствие феодальной раздробленности концом XI в. (поздний В. В. Мавродин) или рубежом первой и второй трети XII в. (Б. А. Рыбаков, П. П. Толочко).

Третий этап в развитии критического подхода к интерпретации ряда Ярослава, связанный с попытками Л. В. Черепнина и отчасти М. Х. Алешковского, пересмотреть атрибуцию ряда “своду Никона”, логического продолжения в советской историографии не получил. Пересмотр доминировавшей в советской историографии атрибуции ряда в рамках концепции А. А. Шахматова в пользу предложенной Л. В. Черепниным гипотезы о появлении ряда Ярослава в “Начальном своде” 1090-х гг., стал возможен в ходе четвертого этапа развития критического подхода в начале XXI в. (теоретически связанного с третьим этапом) на фоне общей разработки концептуальных интерпретаций ряда в рамках альтернативных феодальной парадигме теорий.

Несмотря на то, что наиболее заметные сдвиги достигались благодаря критике содержания летописного рассказа о ряде Ярослава I, приоритетом исследователей в большинстве случаев являлась его концептуальная интерпретация, с целью иллюстрации той или иной теории междукняжеских отношений. Разработка проблемы может быть продолжена за счет изучения авторских интерпретаций ряда Ярослава I в зарубежной русистике.

Список источников и литературы

Источники

- Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 608 с.
- Аксаков К. С. Об основных началах русской истории // Аксаков К. С. Государство и народ. С. 298–303.
- Александров Д. Н., Мельников С. А., Алексеев С. В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX—XV вв. М., Мосты, 1995. – 114 с.
- Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Из истории создания и литературной переработки. М.: Весь мир, 2015. – 320 с.
- Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.: Наука, 1971. – 136 с.
- [Аноним]. Нестор и Карамзин. Опыт обстоятельного уяснения некоторых данных в «Истории Государства Российского» // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1 / Изд Н. В. Калачев. М., 1850. – С. 14–24.
- Аркас М. Історія України-Руси. Київ: Вища школа, 1990. – 456 с.
- Арцыбашев Н. Повествование о России: В 4 томах. Т. 1. М.: Университетская типография, 1838. – 467 с.
- Багалея Д. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография, 1882. – 313 с.
10. Багалея Д. Русская история. Ч. 1. До половины XIII столетия (домонгольский период). Харьков: Филологическое отделение общества взаимопомощи студентов Харьковского университета, 1909. – 217 с.
11. Базилевич К. В. История СССР. От древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1950. – 500 с.

12. Базилевич К. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. №11. – С. 65–90.
13. Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. №2. – С. 88–98.
14. Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб.: Наука, 2004. – 368 с.
15. Беляев И. Отношение приднепровских городов к варяжским князьям, пришедшим из Новгорода, до взятия Киева в 1171 году войсками Боголюбского. М.: Университетская типография, 1848. – 32 с.
16. Беляев И. О наследстве без завещания по древним русским законам до уложения царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1858. – 140 с.
17. Беляев И. Рассказы из русской истории. В. 4 книгах. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1861. – 296 с.
18. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типография С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. – 736 с.
19. Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси // Беляев И. Д. Земский строй на Руси. – С. 21–154.
20. Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб.: Типография А. Траншеля, 1868. – 378 с.
21. Бестужев Рюмин К. Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного. М.: Академический проект, 2015. – 702 с.
22. Бодянский О. О времени происхождения славянских письмен. М.: Университетская типография, 1855. – 508 с.
23. Болтин И. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка: В 2 томах. Т. 2. СПб.: Типография Горного училища, 1788. – 558 с.
24. Боровков Д. А. Междукняжеские отношения на Руси конца X — первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя, 2015. – 232 с.

25. Бугославский С. А., Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы: В 10 томах. Т. 1. Литература XI – начала XIII в. – С. 289–297.
26. Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.) М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 624 с.
27. Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006. – 624 с.
28. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. – 800 с.
29. Всемирная история: В 6 томах (гл. ред. А. О. Чубарьян). Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. – 894 с.
30. Всемирная история: В 10 томах (гл. ред. Е. М. Жуков). Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Сидорова. М.: Госполитиздат, 1957. – 896 с.
31. Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – С. 56–96.
32. Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. – С. 35–62.
33. Гиппиус А. А. Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Балканские чтения-3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. – С. 136–141.
34. Голубовский П. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев: Университетская типография, 1881. – 204 с.
35. Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

36. Греков Б. Д. Киевская Русь. 1-е изд., М.: Изд-во АН СССР, 1939. – 282 с.; 2-е изд., М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944. – 368 с.; 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1949. – 510 с.; 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1953. – 568 с.
37. Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. 2-е изд. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 191 с.
38. Грушевский А. Пинское Полесье. Исторические очерки. Ч. 1. XI–XIII вв. Киев: Типография университета св. Владимира, 1901. – 87 с.
39. Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. СПб.: Типолитография Акционерного общества “Самообразование”, 1913. – 556 с.
40. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Типография университета св. Владимира, 1891. – 538 с.
41. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. – 400 с.
42. Грушевський М. Звичайна схема “руської” історії й справа раціонального укладу історії Східнього Слов'янства // Статті по славянознавству. Вып. 1. – С. 298–304.
43. Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2 [2-е изд.] Львів: Друкарня наукового товариства імени Шевченка, 1905. – 633 с.
44. Довженок В., Брайчевский М. О времени сложения феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. 1951. №8. – С. 60–77.
45. Данилевский И. Н. Рюриковичи в удельный период // Древнейшие государства на территории Восточной Европы 2005. Рюриковичи и российская государственность / Отв. ред.: М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров. М.: Индрик, 2008. – С. 270–293.
46. Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов в Древней Руси (X– XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. №10. – С. 43–60.
47. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь мир, 2010. – 944 с.

48. Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 томах. Т. 1. – С. 268–286.
49. Доклады министра народного Просвещения С.С. Уварова Николаю I / Река времен. Альманах истории и культуры. В 4 книгах. Кн. 1. М.: Товарищество “Река времен”, 1995. – 288 с.
50. Древнерусские княжества X—XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1975. – 304 с.
51. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. – 384 с.
52. Елагин И. Опыт повествования о России. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1803. – 532 с.
- Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990. – с.
54. Ефименко А. Я. История Украины и ее народа. СПб.: Типография Товарищества Общественная польза, 1907. – 174 с.
55. Забелин И. История русской жизни с древнейших времен: В 2 частях. Ч. 1. М.: Типография И. К. Грачева, 1876. – 654 с.
56. Зайцев А. К. Черниговская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. – С. 57–117.
57. Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М.: Университетская типография, 1874. – 353 + 105 с.
58. Зиборов В. К. О летописи Нестора (Основной летописный свод в русском летописании XI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 192 с.
- Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: В 2 томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1952. – 711 с.
60. Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь) / Отв. ред. В. Я. Петрухин, А. Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 2000. – 760 с.

61. Иловайский Д. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. – 330 с.
62. Иловайский Д. История России. Ч. 1. Киевский период. М.: Типография И. К. Грачева, 1876. – 333 с.
63. Иловайский Д. Становление Руси [воспроизведение 2-го изд. 1906]. М.: АСТ, 2005. – 860 с.
64. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа / Отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1992. – 808 с.
65. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938. – 352 с.
66. История русской литературы: В 10 томах. Т. 1. Литература XI – начала XIII в. М., Л., 1941. – 404 с.
67. История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Серия 1. Т. 1 (гл. ред. Б. А. Рыбаков). М.: Наука, 1966. – 720 с.
68. Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания (по поводу исследований А. А. Шахматова в области древне-русской летописи) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. Т. 26. Пг., 1922. С. 45–102; Т. 27. Пг., 1924. – С. 207 – 251.
69. Кавелин К. Д. Полное собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1. Монографии по русской истории. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897. – 560 с.
70. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К. Д. Полное собрание сочинений. Т. 1. – С. 5–66.
71. Карамзин Н. М. История государства Российского [репринтное воспроизведение 5-го изд. СПб., 1842–1844]. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. 1–4.
72. Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. – 480 с.

73. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. – 718 с.
74. Киреевский П. В. О древней русской истории (письмо к М. П. Погодину) // Москвитянин. 1845. №3. – С. 11–44.
75. Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М.: Типография А. Семена, 1849. – 223 с.
76. Клеванов А. Летописный рассказ событий в Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1871. – 497 с.
77. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси // Ключевский В. О. О государственности в России. – С. 3–448.
78. Ключевский В. О. О государственности в России. М.: Мысль, 2003. – 606 с.
79. Ключевский В. О. Лекции по русской истории: В 3 томах. Т. 1. СПб.: Типография В. О. Киршбаума, 1902. – 406 с.
80. Ключевский В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872—1875 гг. М.: Владос, 1997. – 816 с.
81. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В. О. Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 1. М.: Мысль, 1987. – 430 с.
82. Козьма Пражский. Чешская хроника (Вступительная статья, перевод и комментарий Г. Э. Санчука). М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 296 с.
83. Коринный Н. Н. Переяславская земля X – первая половина XIII века. Киев: Наукова думка, 1992. – 312 с.
84. [Костомаров Н.] Вступительная лекция по русской истории, читанная профессором Костомаровым в Императорском Санкт-Петербургском университете // Русское слово. 1859. №12. Отд. 1. – С. I – XIV.
85. Костомаров Н. И. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. – 640 с.

86. Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1 // Костомаров Н. И. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. С. 297–370.
87. Костомаров Н. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Основа. 1860. №2. – С. 1–28.
88. Костомаров Н. И. История Руси Великой. Сочинения: В 12 томах. Т. 1. Русская история в биографиях ее главнейших деятелей. М.: Мир книги, 2004. – 480 с.
89. Костомаров Н. И. История Руси Великой. Сочинения: В 12 томах. Т. 12. Истоки русского единогодержавия. М.: Мир книги, 2005. – 480 с.
90. Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. – 184 с.
91. Крестинин В. В. Исторические начатки о двинском народе. СПб., 1784. – 69 с.
92. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: Изд-во МГУ, 1977. – 406 с.
93. Кучера М. П. Переяславская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. – С. 118–143.
94. Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. №11. – С. 19–35.
95. Ламбин Н. П. Источник летописного рассказа о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174 (Июль). Отд. 2.
96. Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Вып. 1. Киев: Типография М. П. Фрица, 1870. – 192 с.
97. Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 499 с.

98. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава I или до 1054 г. СПб.: Императорская АН, 1766. – 140 с.
99. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века [4 изд.], СПб.: Лань, 2000. – 480 с.
- Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1897. – 505 с.
- Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. – 148 с.
- Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. – 432 с.
- Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до середины XIV века) [2-е изд.] СПб.: Наука, 2002 – 416 с.
- Мавродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М.: Учпедгиз, 1956. – 264 с.
- [Манкиев А. И./Хилков А. Я.] Ядро Российской истории. М.: Московский университет, 1770. – 416 с.
- Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века (Гл. 4). // Вопросы истории. 1989. №2. (Электронная версия: http://scepsis.net/library/id_883.html Дата обращения: 28.05.2016).
- Мельников С. А. Правовой режим наследования престола в Древней Руси IX — начала XVI в. М.: Информ-Знание, 2009. – 224 с.
- Мельников С. А. Историко-правовые факторы эволюции древнерусского государства IX—XV вв. М.: Голден-Би, 2010. – 224 с.
- Мельникова Е. А. Политическое устройство и хозяйственное развитие Руси в XI — первой половине XII в. // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. – С. 384–386.

Минникова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. – 518 с.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. – 280 с.

Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского государственного права до конца XVII столетия. М.: Типография В. А. Гатцук, 1892. – 316 с.

Муравьев М. Н. Краткое начертание российской истории // Сочинения [М. Н.] Муравьева. Т. 2. СПб.: Издание А. Ф. Смирдина, 1847. – 384 с.

Назаренко А. В. Братское совладение, отчина, сеньорат (Династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы 2005. – С. 132–179.

Назаренко А. В. Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. – С. 30–54.

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы 2007 / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с.

Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). – С. 500–519.

Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1986. – С. 149–157.

Назаренко А. В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Сословия, институты и государственная власть в России

(Средние века и раннее Новое время). Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. – С. 268–283.

Насонов А. Н. История русского летописания. XI — начало XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. – 556 с.

Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // Проблемы источниковедения. Вып. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 416–462.

Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. 2-е изд. СПб.: Наука, 2006. – с.

Неволин К. А. О преемстве великокняжеского престола // Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 583–634.

Неволин К. А. Полное собрание сочинений: В 6 томах. Т. 6. О различных предметах законовещения. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. – 644 с.

Новосельцев А. П. Древнерусское государство // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. – С. 194–212.

Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение / Отв. ред.: В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1965. – с.

Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Индрик, 2001. – 480 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. В 2 частях: Ч. 1 / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 984 с.

Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III–IX вв. (Отв. ред. Б. А. Рыбаков). М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 948 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. – 626 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. – С. 4–149.

Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Ленинград: Госиздат, 1924. – 116 с.

Пашуто В. Т. Древняя Русь конца IX — начала XII в. // Всемирная история в 10 томах (гл. ред. Е. М. Жуков). Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. – С. 250–266.

Пашуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. – С. 9–17.

Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. – С. 11–76.

Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. №2. – С. 52–80.

Перхавко В. Б. Этнические, политические и конфессиональные особенности “империи Рюриковичей” // Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова. – С. 205–215.

Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). – С. 13–412.

Петрухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР, 1987 / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. – С. 25 – 29.

Петрухин В. Я. Как начиналась Начальная летопись? // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57 / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – С. 33–41.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, М.: Русич, Гнозис, 1995. – 320 с.

Петрухин В. Я. «Преступиша сынове Хамове на землю Сифову»: об одной «ошибке» в «Повести временных лет» // Петрухин В. Я. «Русь и вси языци». – С. 157–160.

Петрухин В. Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. – 384 с.

Петрухин В. Я. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. – С. 167–180.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории: В 3 выпусках. Вып. 1. СПб.: Столичная скоропечатня, 1899. – 132 с.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории [воспроизведение 10-го изд. 1917]. СПб.: Золотой век, 2004. – 608 с.

Погодин М. Взгляд на удельный период от кончины Ярослава до нашествия монголов // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. Кн. 2. - С. 73–136.

Погодин М. Исследования, замечания и лекции о русской истории: В 7 томах. Т. 3–5. М.: Университетская типография, 1846—1857.

Погодин М. Историко-критические отрывки: В 2 книгах. Кн. 2. М.: Синодальная типография, 1867. – 543 с.

Погодин М. О старшинстве между великими князьями Древней Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 29 (№2. 1841). Отд. 2. – С. 79–101.

Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига: В 2 томах. М.: Синодальная типография, 1871. – 825 с.

Погодин М. Происхождение русского государства // Москвитянин. 1842. №1. – С. 200–212.

- Покровский М. Н. Избранные произведения: В 4 кн. Кн. 1. Русская история с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1966. – 726 с.
- Полевой Н. А. История русского народа в 3 томах, 6 книгах. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Вече, 1997. – 640 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Типография Э. Праца, 1846. – 267 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. – 648 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. – 360 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
- Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. – 425 с.
- Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. – 635 с.
- Присёлков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
- Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1940.

Присёлков М. Д. Митрополит Иларион — в схиме Никон — как борец за независимую русскую церковь: Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. — С. 188–201.

Присёлков М. Д. Нестор-летописец. 2-е изд. СПб.: Русский мир, 2009. — 155 с.

Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. [2-е изд.] СПб.: Наука, 2003. — 246 с.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Издательский дом Удмуртского университета, 2007. — 624 с.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине

Рейц А. Ф. М. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М.: Типография Московского университета, 1836. — 455 с.

Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). 2-е изд. М.: Изд. И. К. Шамова, 1905. — 172 с.

Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 1. Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодалная революция. 3-е изд. Л., М.: Книга, 1928. — 450 с.

Русь в IX—X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М. — Вологда: Древности севера, 2012. — 496 с.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 361 с.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. Серия 1. Т. 1. — С. 476–572.

Рыбаков Б. А. Образование древнерусского государства с центром в Киеве // Всемирная история: В 10 томах. Т. 3. – С. 241–249.

Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III–IX вв. – С. 831–878.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. – 592 с.

Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев: Наукова думка, 1988. – 124 с.

Самоквасов Д. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1886. – 66 + 32 с.

Самоквасов Д. Древнее русское право. М.: Университетская типография, 1903. – 377 + 56 с.

Самоквасов Д. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб.: Печатня В. Головина, 1870. – 100 с.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. – 736 с.

Свердлов М. Б. «Завещание» Ярослава и наследование княжеских столов в русском государстве X — середины XI в. // Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. – С. 347–354.

Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: Типография А. Мамонтова, 1867. – 414 с.

Сергеевич В. И. Древности русского права. В 3 томах: Т. 2. Вече князь. Советники князя. М.: Зерцало, 2006 [воспроизведение 3-го изд., 1909]. – 510 с.

- Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели.
СПб.: Типография главного управления уделов, 1911. – 568 с.
- Скрынников Р. Г. История Российская IX—XVII вв. М.: Весь мир, 1997. – 496 с.
- Соловьёв С. М. Древнерусские князья. СПб.: Наука, 2010. – 410 с.
- Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // Соловьёв С. М. Древнерусские князья. – С. 109–405.
- Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–4 // Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 книгах. Кн. 1–2. М.: Мысль, 1988. – + 765 с.
- Соловьёв С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 17. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996. С. 6–202.
- Соловьёв С. М. О родовых княжеских отношениях у западных славян // Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 книгах. Кн. 23 (дополнительная). Статьи, рецензии, выступления. Современники о С. М. Соловьёве. М.: Мысль, 2000. С. 25–36.
- Соловьёв С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям // Соловьёв С. М. Древнерусские князья. – С. 23–108.
- Соловьёв С. М. Общедоступные чтения по русской истории // Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 книгах. Кн. 21 (дополнительная). Работы разных лет. М.: Мысль, 1998. – С. 247–401.
- Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина / Отв. ред.: В. Л. Янин, В. Д. Назаров. М.: Языки славянских культур, 2010. – 992 с.
- Сочинения императрицы Екатерины II: В 12 томах. Т. 7–8. СПб.: Типография Академии Наук, 1901. – 436 + 480 с.

Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. – С. 40–42.

Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Статьи по славяноведению. Вып. 1. Под ред. В. И. Ламанского. СПб.: Типография Академии Наук, 1904. – 390 с.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: В 3 томах. Т. 1. Житие княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. – 598 с.

[Строев П.] Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. Часть первая, с 862 по 1425 год. М.: Типография С. Селиванского, 1820. – 488 с.

Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 1–4. История Российская. М.: Ладомир, 1994–1995. 500 + 688 + 556 с.

Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. – 435 с.

Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. – 224 с.

Толочко П. П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1983. – 328 с.

Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. – 246 с.

Устрялов Н. Русская история. Ч. 1 [2-е изд., испр.]. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. – с.

Филлюшкин А. И. Титулы древнерусских государей. М., СПб.: Альянс-Архео, 2006. – 254 с.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 372 с.

- Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
- Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 158 с.
- Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. – 1048 с.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). С. 198–311.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 270 с.
- Хлебников Н. Общество и государство в до-монгольский период русской истории. СПб.: Типография А. М. Котомина, 1872. – 554 с.
- Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89 / Отв. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1972. – С. 353–408.
- Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. №4. – С. 38–63.
- Черепнин Л. В. “Повесть временных лет”, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки / Отв. ред. Б. Д. Греков. Т. 25. М.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 293–333.
- Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. – С. 23–50.
- Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М.: Типография Э. Баркиехта, 1858. – 402 с.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Наука, 2002. – 488 с.

Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Наука, 2003. – 1024 с.

Шахматов А. А. Обзорение летописей и летописных сводов XI—XVI вв. // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 2. СПб.: Наука, 2011. – 648 с.

Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке: В 3 частях. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1809. – 706 с.

Шляков Н. В. Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 9, №6. Отд. 2. – С. 362–401.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 1–2. СПб.: Императорская АН, 1770–1771. – 394+592 с.

Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. – 445 с.

Эмин Ф. А. Российская история: В 3 томах. Т. 1–2. СПб.: Императорская АН, 1767–1768. – 452 + 522 с.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. – 468 с.

Юшков С. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. №7. – С. 45–65.

Юшков С. К вопросу о политических формах русского государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. №1. – С. 71–93.

Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюридиздат, 1949. – 544 с.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 253 с.

Юшков С. В. Феодалные отношения и Киевская Русь // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. 3. Вып. 4. Саратов, 1925. – 108 с.

Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение» игумена Даниила // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16 / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 112–131.

Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. №2. – С. 32–61.

Ярослав Мудрый и его эпоха / Отв. ред.: И. Н. Данилевский, Е. А. Мельникова. М.: Наука, 2008. – 216 с.

Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М.: Наука, 2005. – 495 с.

Franklin S. Some Apocriphal Sources of Kievan Russian Historiographi // Oxford Slavonic Papers. 1982. New series. Vol. 15.

Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899. – 96 p.

Timberlake A. «Не преступати предела братня»: The Entries of 1054 and 1073 in the Kiev Chronicle // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. – С. 97–112.

Литература

А. А. Шахматов (1864—1920): Сборник статей и материалов / Под ред.

П. Обнорского. М., Л.,: Изд-во АН СССР, 1947. – 476 с.

Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-история, 2015. – 1040 с.

Аксаков К. С. Несколько слов о русской истории, возбужденных «Историей» г. Соловьёва // Аксаков К. С. Государство и народ. С. 320–341.

- Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М.: Наука, 1976. – 456 с.
- Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века). М.: Наука, 1985. – 272 с.
- Ананьич Б. В., Панеях В. М. О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. №5. – С. 105–118.
- Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII века // Философский век. Альманах. Вып. 4. СПб.: 1998.
- Артемьева Т. В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994. – 92 с.
- Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1965. – 584 с.
10. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888–1910.
11. Бахрушин С. В. К вопросу о русском феодализме [рец. на кн.: Греков Б. Феодальные отношения в Киевском государстве. М., Л., 1936] // Книга и пролетарская революция. 1936. №4.
12. Бердинских В. А. Ремесло историка в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 608 с.
13. Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг). СПб.: Типография С. В. Балашева, 1882.
14. Боярченков В. В. Историки-федералисты: Концепция местной истории русской мысли 20—70-х гг. XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 256 с.
15. Боярченков В. В. «Новая историческая школа» и исследовательская программа К. Д. Кавелина конца 1840-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. 6 (2).
16. Брачев В. С. А. Е. Пресняков и Петербургская историческая школа. СПб.: Астерион, 2011. – 240 с.

17. Брачев В. С. Академик С. Ф. Платонов и его «Дело» // Брачев В. С. Служители исторической науки. – С. 9–474.
18. Брачев В. С. Наш современник – профессор И. Я. Фроянов // Брачев В. С. Служители исторической науки. С. 477–750.
19. Брачев В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб.: Астерион, 2010. – 764 с.
20. Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834—2004). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. – 384 с.
21. Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М.: Наука, 1975. – 344 с.
22. Будовниц И. У. Об исторических построениях М. Д. Присёлкова // Исторические записки. Т. 35 / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 199–231.
23. Вернадский Г. В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. – 448 с.
24. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей XIX — вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 928 с.
25. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений / Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1973. – 286 с.
26. Всемирная энциклопедия: Философия XX век // Главный науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. – 976 с.
27. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М.: Институт Российской истории РАН, 1999. – 271 с.
28. Градовский А. Д. Государственный строй древней России // Градовский А. Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 1. – С. 339–381.
29. Градовский А. Д. Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – 420 с.
30. Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского в историографии»: научный дискурс и историографическая судьба // Вестник Челябинского 239

- государственного университета. 2009. №12 (150). История. Вып. 31. – С. 131–137.
31. Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
32. Гулыга А. В. Искусство истории. М.: Современник, 1980. – 288 с.
33. Дворниченко А. Ю. А. Е. Пресняков — исследователь Киевской Руси // Исследования по истории Средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. С. 35–46.
34. Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. Филологический факультет СПбГУ, 2001. – 192 с.
35. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия, 2014. – 560 с.
36. Дворниченко А. Ю. М. Д. Присёлков как исследователь истории Киевской Руси // Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. – С. 223–234.
37. Дербин Е. Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Издательский дом Удмуртского университета, 2007. – 270 с.
38. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского университета им. И. Г. Петровского, 2005. – 800 с.
39. Дурновцев В. И., Бачинин А. Н. Разъяснять явления русской истории из нее самой: Михаил Петрович Погодин // Историки России. XVIII — начала XX вв. – С. 194–214.
40. Жуков А. Е. А. А. Шахматов и В. М. Истрин // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. – С. 130–149.
41. Зиборов В. К. Академик Алексей Александрович Шахматов (1864—1920) // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. – С. 3–19.

42. Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 69 / Отв. ред. А. Л. Сидоров. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 178–196.
43. Иконников В. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев: Университетская типография, 1871. – 106 с.
44. Иконников В. С. Опыт русской историографии: В 2 томах. 4 книгах. Т. Кн. 1. Киев: Типография университета св. Владимира, 1908. – 1111 с.
45. Иллерицкая Н. В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М.: РГГУ, 1998. – 160 с.
46. Иллерицкая Н. В. Некоторые вопросы истории России в трудах В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, Ф. И. Леонтовича // История и историки. Историографический вестник. 2001. К столетию академика М. В. Нечкиной / Отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М., Наука: 2001. С. 149–161.
47. Иллерицкий В. Е. Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М.: РГГУ, 2006.
48. Иллерицкий В. Е. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. №5. – С. 141–159.
49. Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. М.: Мысль, 1974. – 350 с.
50. Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьёв. М.: Наука, 1980. – 192 с.
51. Иллерицкий В. Е., Кудрявцев И. А. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: МГИАИ, 1961. – 511 с.; 2-е изд.: М.: Высшая школа, 1971. – 458 с.
52. Исследования по истории Средневековой Руси. К 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. – 496 с.

53. Историки России. XVIII — начало XX века / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Скрипторий, 1996. – 688 с.
- Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность / Отв. ред. Л. В. Минникова. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. – 276 с.
55. Кавелин К. Д. [Рец. на кн.]: История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. Статья вторая // Современник. 1847. Т. 6. Отд. 3. – С. 161–221.
56. Каплин А. Д. Мироззрение славянофилов: история и будущее России. М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 448 с.
57. Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.
58. Каравашкин А. В. В поисках утраченной альтернативы // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. С. 291–311.
59. Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. – 385 с.
60. Каррер д' Анкосс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д' Отероша. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 463 с.
61. Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. – 512 с.
62. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. – 216 с.
63. Киреева Р. А. Историческая наука в России XIX века в трактовке К. Д. Кавелина // История и историки. Историографический вестник. 2001. С. 126–149.
64. Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М.: Наука, 1990. – 269 с.

65. Киреева Р. А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров
Историки России. XVIII — начало XX века. – С. 287–314.
66. Киреева Р. А. Профессорский дебют В. О. Ключевского // Ключевский
В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских
курсах в Москве в 1872—1875 гг. М.: Владос, 1997. – С. 3–8.
67. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы
сторон. СПб.: Евразия, 2009. – 400 с.
68. Ключевский В. О. М. П. Погодин [Рец. на кн. М. П. Погодина
“Древняя русская история до монгольского ига”] // Ключевский В. О.
Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 7. Специальные курсы. М.: Мысль,
1989. – С. 280–297.
69. Козлов В. П. «История Государства Российского» Н. М. Карамзина в
оценках современников. М.: Наука, 1989. – 224 с.
70. Кохановский В. Г. Родоначальник позитивизма и основоположник
социологии // Конт О. Дух позитивной философии. Ростов-на-Дону:
Феникс, 2003. – С. 3–41.
71. Кочеткова Н. Д. Формирование исторической концепции Карамзина
— писателя и публициста // XVIII век. Сб. 13. – С. 132–155.
72. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим
памятникам и научным сочинениям. 4-е изд. Минск: Лучи Софии,
1997. – 688 с.
73. «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2-х частях. Ч.
История текста «Краткого курса истории ВКП(б)» 1931–1956 / Сост.:
М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2014. – 790 с.
74. Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В.
Ломоносова. Л.: Наука, 1975. – 228 с.
75. Кун Т. С. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. – 608 с.
76. Кун Т. С. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. –
443 с.

77. Куденис В. Переводчики XVIII века и становление историографии как науки в России // *Quaestio rossica*. 2016. Т. 4. №2. – С. 209–230.
78. Лихачёв Д. С. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. 1946. Т. 5. Вып. 5. – С. 418–428.
79. Лихачёв Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. Шахматов (1864—1920): Сборник статей и материалов / Под ред. акад. С. П. Обнорского. С. 253–293.
80. Логунов А. П. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 — начала 90-х гг. // *Советская историография*. С. 448 – 488.
81. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1988.
82. Лузянина Л. Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина – автора «Истории Государства Российского» // XVIII век. Сб. 13. – С. 156–166.
83. Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Присёлков – источниковед // *ТОДРЛ*. 18 / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 464–475.
84. Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Присёлкова и задачи дальнейшего исследования летописей // *ТОДРЛ*. 44 / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л.: Наука, 1990. – С. 184–195.
85. Любавский М. К. С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский. М.: Изд. Императорского Общества истории и древностей российских, 1913. – 14 с.
86. Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Общественный строй Киевской Руси // *Советская историография Киевской Руси*. – С. 85–118.
87. Макаров В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...»: Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб.: Алетейя, 2000. – 416 с.
88. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально-ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. – 252 с.

89. Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» - энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. // Советская историография. С. 240–273.
90. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. – 368 с.
91. Медушевский А. Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993. – 317 с.
92. Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли // Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. – С. 17–331.
93. Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. – С. 401–412.
94. Милюков П. Н. М. П. Погодин (1800—1875) // Милюков П. Н. Очерки истории русской исторической науки. – С. 366–373.
95. Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. – 544 с.
96. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). М., Брянск, 1996. – 186 с.
97. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). М., Брянск, 1997. – 227 с.
98. Муравьев В. А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX вв. М.: Квадрига, 2016. – 416 с.
99. Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси (Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология) // Средневековая Русь. Вып. 2 / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 1999. – С. 164–193.
- Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. – 640 с.

Очерки истории исторической науки в СССР: В 5 томах. М.: Изд-во АН СССР, Наука, 1955–1985.

Павленко Н. И. Михаил Погодин. М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.

Пашуто В. Т. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. №2. С. 47–73.

Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1–3. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961–1971.

Попов А. С. В. О. Ключевский и его «школа»: синтез истории и социологии. М.: Сигналь, 2001. – 240 с.

Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. – 640 с.

Пресняков А. Е. С. М. Соловьёв и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 76–86.

Пузанов В. В. Княжеское и государственное хозяйство на Руси X–XII вв. в отечественной историографии XVIII – начала XX вв. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1995. – 191 с.

Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 151 с.

Пыпин А. Н. Кто был автором «Антидота»? // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 7. Антидот. СПб., 1901. – С. I–XLI.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. – 559 с.

Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и Петербургская историческая школа. Рязань: П. А. Трибунский. 2004. – 352 с.

Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Забытый золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава – переосмысления XIX – начала XXI в. // Русин. 2016. №4(46). С. 26–43.

Рубинштейн Н. Л. Путаная книга по истории Киевской Руси (Рец. на кн.: В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства) // Вопросы истории. 1946. № 8–9. – С. 109–114.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. – 660 с.; 2-е изд. СПбГУ, 2008. – 938 с.

Рудковская И. Е. Н. М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. №281. – С. 142–149.

Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978. – 256 с.

Свердлов М. Б. А. Е. Пресняков (1870—1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. – С. 506–554.

Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 344 с.

Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. – 915 с.

Свердлов М. Б. Екатерина II как историк // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. Вып. 3.- С. 53–65.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 336 с.

Свердлов М. Б. Проблемы изучения Руси в творчестве А. Е. Преснякова // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. – С. 555–586.

Сидорова Л. А. “Руководящая цитата” в советской исторической науке середины XX века // История и историки. Историографический ежегодник. 2006 / Отв. ред.: член-корр. РАН А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2007. С. 135–172.

Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории, 2008. – 296 с

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII веков. М.. СПб.: Альянс-Архео, 2010. – 552 с.

Советская историография / Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. – 592 с.

Советская историография Киевской Руси / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Наука, 1977. – 280 с.

Соколов Р. А. О Сергее Михайловиче Соловьёве // Соловьёв С. М. Древнерусские князья. – С. 5–20.

Соколов С. В. Концепции происхождения «Варяжской Руси» в отечественной историографии XVIII – XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – 316 с.

Соловьёв К. А. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси IX — 1-й пол. XV вв. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1999. – 250 с.

Соловьёв К. А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси. М.: МАКС-Пресс, 2001. – 230 с.

Соловьёв К. А. Осмысление темы властных отношений в Древней и Средневековой Руси в советской историографии (1920-е — 1980-е годы) // История и историки. Историографический ежегодник. 2007 / Отв. ред.: член-корр. РАН А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2009. С. 70–88.

Соловьёв К. А. Потестарные отношения в Древней и Средневековой Руси IX — 1-й половины XV вв. Историографические очерки. М., 1998. — 104 с.

Соловьёв С. М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 18. М.: Мысль, 1995. — С. 529 — 660.

Соловьёв С. М. Н. М. Карамзин и его литературная деятельность: «История Государства Российского» // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 16. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. — С. 43–186.

Соловьёв С. М. Писатели русской истории XVIII века // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 16. — С. 187–259.

Соловьёв С. М. [Рец. на кн.]: М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4 // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 23. — С. 181–209.

Сухов А. Д. Н. А. Полевой — философ истории // Философия и общество. 2015. №3–4. — С. 181–189.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII в. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. — 496 с.

Тихомиров М. Н. [Рец. на кн.] Греков Б. Д. Киевская Русь. Издание третье, переработанное и дополненное // Историк-марксист. 1940. №2 (078). — С. 147–150.

Тихомиров М. Н. [Рец. на кн.:] Очерки по истории феодализма в Киевской Руси // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. — С. 274–278.

Тихомиров М. Н. Ценный труд по истории Киевской Руси (рецензия на книгу Б. Д. Грекова [Киевская Русь. М.: Изд-во АН СССР]) // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. – С. 279–286.

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» советская историческая наука (середина 1940-х — 1953). М., СПб.: Нестор-История, 2016. – 424 с.

Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. – 218 с.

Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М., СПб.: Нестор-История, 2012. – 320 с.

Тихонов В. В. Московская и Петербургская школа «русских историков» в контексте дихотомии «Москва – Петербург» (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. – С. 344–378.

Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев: Новое литературное обозрение, Критика, 2005. – 544 с.

Топычканов А. В. К истории раннего бытования слова “источниковедение” в России // Археографический ежегодник за 2003 год. М.: Наука, 2004. С. 149–153.

Умбрашко К. Б. Б.-Г. Нибур в творчестве Н. А. Полевого и “скептической школы” // История и историки. Историографический вестник. 2003. / Отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2003. С. 245–263.

Умбрашко К. Б. М. П. Погодин – человек, историк, публицист. М.: Институт российской истории, 1999. – 292 с.

Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 13. – С. 167–184.

Фомин В. В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. – 488 с.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 328 с.

Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 108 с.

Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1977. – 256 с.

Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л.: Наука, 1986. – 336 с.

Цамутали А. Н. Вся русская история есть по преимуществу государственная: Константин Дмитриевич Кавелин, Борис Николаевич Чичерин // Историки России. XVIII — начало XX века. – С. 244–267.

Цамутали А. Н. Глава Петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начало XX вв. – С. 538–552.

Цимбаев Н. И. Сергей Соловьёв. М.: Молодая Гвардия, 1990. – 368 с.

Цимбаев Н. И. Славянофильство. Очерки из истории общественно-политической мысли 19 века. М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 336 с.

Черепнин Л. В. В. О. Ключевский // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. С. 74–91.

Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М.: Наука, 1984. – 344 с.

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 304 с.

Черепнин Л. В. С. М. Соловьёв как историк // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. С. 9–44.

Шамрай Д. Д. Ф. А. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова // XVIII век. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 471–473.

Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 240 с.

Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. М.: Культура, 1993. – 768 с.

Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. – С. 128–141.

Шаханов А. Н. “...В моих работах ничего не может устареть”: Д. И. Иловайский // История и историки. Историографический вестник. 2001. С. 90–125.

Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX вв. Московский и Петербургский университеты. М.: Наука, 2003. – 424 с.

Швецов В. И. Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. – С. 6–24.

Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 224 с.

Шикло А. Е. Был ли Нестор? скептическая школа в русской историографии // Историки России. XVIII — начало XX века. С. 138–151.

Шикло А. Е. Он заставил думать над русской историей: Иоганн Филипп Густав Эверс // Историки России. XVIII — начало XX века. С. 124–137.

Шикло А. Е. Предчувствие истины: Николай Алексеевич Полевой // Историки России. XVIII — начало XX века. С. 152–173.

Шмидт С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С. О. Путь историка. С. 177–208.

Шмидт С. О. Жизнь и творчество историка С. Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург – Москва» // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997—2001 годов. – С. 487–490.

Шмидт С. О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С. О. Путь историка. – С. 92–97.

Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Шмидт С. О. Путь историка. – С. 119–128.

Шмидт С. О. Н. М. Карамзин и его «История Государства Российского» // Шмидт С. О. Памятники письменности в истории и культуре России: Т. 2. Кн. 1. – С. 304–344.

Шмидт С. О. Памятники письменности в истории и культуре России: В 2 томах. Т. 2. Кн. 1. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М.: Языки славянских культур, 2009. – 576 с.

Шмидт С. О. После 75. Работы 1997—2001 годов. М.: РГГУ, 2012. – 744 с.

Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. – 612 с.

Шмидт С. О. Сергей Федорович Платонов (1860–1933) // Шмидт С. О. Путь историка. – С. 495–553.

Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. №10. – С. 45–61.

Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. – С. 312–337.

Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. – 765 с.

XVIII век. Т. 3. / Отв. ред. П. Н. Берков. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX века / Отв. ред.: А. М. Панченко, Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, 1981.